

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Национальный
исследовательский

**Томский
государственный
университет**

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2020

№ 16

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
КРИМИНАЛИСТИКА
РЕЦЕНЗИИ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной надзорной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О.И. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Воронин О.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, ответственный секретарь (г. Томск); **Елисеев С.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, председатель редколлегии (г. Томск); **Мариничева А.Ю.** – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, технический секретарь (г. Томск); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, главный редактор (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск); **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Ахмедшин Р.Л.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Барабаш А.С.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета (г. Красноярск); **Ведерников Н.Т.** – доктор юридических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва); **Голик Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва); **Головкин Л.В.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Гришко А.Я.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (г. Москва); **Дершиев Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры организации раскрытия и расследования преступлений Омской академии МВД России (г. Омск); **Елисеев С.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Зинкин В.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики и уголовного процесса Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Николюк В.В.** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва); **Прокументов Л.М.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Самович Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Кемерово); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Смолякова И.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск); **Стойко Н.Г.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва); **Черненко Т.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формирования и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистами – учеными и практиками, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя:

634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция». E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет: <http://journals.tsu.ru/crimjust/>

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите: <http://www.elibrary.ru>

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редактор; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.И. Лелююр; дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 24.12.2020 г. Формат 60х80^{1/8}. Печ. л. 16,7. Усл.-печ. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 4538. Цена свободная.

Дата выхода в свет 14.01.2021 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия. Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Александрович ЕЛИСЕЕВ (14.08.1950–31.10.2020)	5
--	---

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Борануков А.М. К вопросу о квалификации преступлений с использованием электронных средств платежа	7
Валеев М.Т. Пенализация общественно опасных деяний как теория	10
Дорошенко О.В. Реализация принципа справедливости при назначении судебного штрафа	16
Ишигеев В.С., Лапша В.Л. Отдельные вопросы квалификации действий, дезорганизующих деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ)	25
Ханин О.В. Общие причины и некоторые виды мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в Российской Федерации	28
Филимонов В.Д. Механизм назначения наказания как инструмент воплощения в наказании принципа справедливости	32

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Ахмедшин Р.Л. Суд присяжных как совокупность эфемерных идей	38
Гапонова В.Н., Виноградова В.А. Домашний арест обвиняемого (подозреваемого): полная изоляция и право на прогулку	43
Герцен П.О. О праве участников со стороны обвинения на обжалование в апелляционном порядке промежуточных решений суда, вынесенных на досудебном этапе: защита частных и публичного интересов	47
Зинкин В.К., Разоренова И.Н. Неразумность разумного срока в уголовном судопроизводстве	53
Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения, состоящие в изоляции несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого: реализация международных стандартов в отечественном законодательстве	58
Смирнова И.Г., Коротаева Ю.А. О проблеме отнесения заместителей начальника полиции к субъектам ведомственного контроля органа дознания в органах внутренних дел Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства	63
Спиридонов М.С. Этап оценки обоснованности жалобы (представления) при сплошной кассации	66
Устинов А.А. Некоторые аспекты совершенствования доказывания при рассмотрении судом материалов в порядке ст. 165 УПК РФ	71

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Павленко А.А., Гордолопов А.Н. Проявление буйства как элемент злостного нарушения режима в местах лишения свободы	75
Уваров О.Н. К вопросу об исполнении меры пресечения в виде залога	80
Черёмин Н.В., Забродин А.В. Организационно-правовые вопросы предоставления осужденным к лишению свободы права передвижения без конвоя или сопровождения	83

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Воронин О.В. Предмет и пределы пенитенциарного надзора прокуратуры	89
Головкин И.И. Прокурор – субъект преследования в гражданском процессуальном порядке	98
Мариничева А.Ю. Предмет и пределы прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов	107

КРИМИНАЛИСТИКА

Князьков А.С. Методологические проблемы профилактики молодежного экстремизма в России	114
Надоненко О.Н. О нормативных критериях отнесения организации к негосударственным экспертным учреждениям	123

РЕЦЕНЗИИ

Морхат П.М. Рецензия на монографию: Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и уголовный закон. М.: Проспект, 2021. 11,5 авт. л.	127
Ястребов О.А. Рецензия на монографию: Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и уголовный закон. М.: Проспект, 2021. 11,5 авт. л.	130
Сведения об авторах	133

CONTENTS

Sergey Aleksandrovich ELISEEV (14 August 1950 – 31 October 2020)	5
---	---

CRIMINAL LAW

Boranukov A.M. On Qualifying Crimes Committed with Electronic Means of Payment	7
Valeev M.T. Penalization of Socially Dangerous Acts as a Theory	10
Doroshenko O.V. The Principle of Justice in Imposing the Court Fine	16
Ishigeev V.S., Lapsha V.L. Selected Issues of Qualification of Actions Disorganizing the Activities of Institutions Providing Isolation From Society (Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation)	25
Khanineva O.V. General Causes and Some Types of Fraud Committed With the Use of Information and Telecommunication Technologies in the Russian Federation	28
Filimonov V.D. The Mechanism for Imposing Punishment as a Tool for Implementing the Principle of Justice	32

CRIMINAL PROCEDURE

Akhmedshin R.L. Jury as a Collection of Ephemeral Ideas	38
Gaponova V.N., Vinogradova V.A. House Arrest of the Accused (Suspect): Full Isolation and the Right to Walk	43
Gertsen P.O. On the Right of the Accused Parties to an Appeal of Interim Court Decisions Made at the Pre-Trial Stage: Protection of Private and Public Interests	47
Znikin V.K., Razzorenova I.N. Unreasonableness of Reasonable Time in Criminal Proceedings	53
Muraviev K.V. Procedural Enforcement Measures Consisting in the Isolation of a Minor Suspect and Defendants: Implementation of International Standards in Russian Law	58
Smirnova I.G., Korotaeva Yu.A. On the Problem of Classifying Deputy Heads of Police as Subjects of Departmental Control of Inquiry Bodies of the Internal Affairs Agencies of the Russian Federation in the Field of Criminal Proceedings	63
Spiridonov M.S. The Stage of Assessing the Validity of the Complaint (Presentation) in Continuous Cassation	66
Ustinov A.A. Some Aspects of Improving the Proof in the Court's Consideration of Materials Under Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation	71

CRIMINAL AND PENAL LAW

Pavlenko A.A., Gordopolov A.N. Manifestation of Furor as an Element of a Gross Violation of the Regime in Places of Deprivation of Liberty	75
Uvarov O.N. On Enforcing Restrictive Measures in the Form of Bail	80
Cheremin N.V., Zabrodin A.V. Organizational and Legal Issues of Granting Convicts the Right to Movement Without a Convoy or Escort	83

PROSECUTOR SUPERVISION

Voronin O.V. The Subject and Limits of Penitentiary Supervision of the Prosecutor's Office	89
Golovko I.I. The Prosecutor as a Subject of Prosecution in the Civil Procedural Order	98
Marinicheva A.Yu. The Subject and Limits of Prosecutor's Supervision Over the Observance of the Rights of Entrepreneurs in the Implementation of State and Municipal Contracts	107

FORENSIC SCIENCE

Knyazkov A.S. Methodological Problems of Preventing Youth Extremism in Russia	114
Nadonenko O.N. On Regulatory Criteria for Classifying an Organization as a Non-State Expert Institution	123

REVIEWS

Morkhat P.M. Book Review: Begishev, I.R. & Khisamova, Z.I. (2021) <i>Iskusstvennyy Intellekt i Ugolovnyy Zakon</i> [Artificial Intelligence and Criminal Law]. Moscow: Prospekt	127
Yastrebov O.A. Book Review: Begishev, I.R. & Khisamova, Z.I. (2021) <i>Iskusstvennyy Intellekt i Ugolovnyy Zakon</i> [Artificial Intelligence and Criminal Law]. Moscow: Prospekt	130
Information About the Authors in Russian	133

DOI: 10.17223/23088451/16/1

Сергей Александрович Елисеев
(14.08.1950–31.10.2020)

31 октября 2020 года ушел из жизни Сергей Александрович Елисеев – доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования, заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Елисеев Сергей Александрович окончил в 1972 г. Томский государственный университет. После окончания университета остался работать на кафедре уголовного процесса и криминалистики. Окончив аспирантуру в 1980 г., в диссертационном совете ТГУ Сергей Александрович защитил диссертацию «Личность корыстного преступника. Ее криминологическое значение и уголовно-правовое значение» на соискание ученой степени кандидата юридических наук (научный руководитель: доктор юридических наук, профессор В.Д. Филимонов). На кафедре уголовного права Сергей Александрович стал работать с 1985 г.

25 июня 1999 г. в диссертационном совете ТГУ защитил диссертацию «Преступления против собственности по уголовному законодательству России (историко-теоретическое исследование)» на соискание ученой степени доктора юридических наук.

Научные интересы Сергея Александровича затрагивали обширный круг уголовно-правовых и криминологических проблем. Наиболее значительным является его вклад в разработку вопросов истории и теории ответственности за преступления против собственности, причин имущественной преступности, личности корыстного преступника. Исследования профессора С.А. Елисеева существенно углубили представления о социальной обусловленности норм об ответственности за преступления против собственности, механизме предупреждения этих преступлений. Результаты его исследований легли в основу ряда научных разработок других авторов, нашли отражение в уголовном законодательстве России. С.А. Елисеев активно участвовал в реализации проектов: «Предупреждение рецидивной преступности в Сибири»; «Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации». С.А. Елисеев – лауреат конкурса Томской области в сфере образования и науки (1996, 2019 гг.), лауреат премии Томского госуниверситета за высокие достижения в науке (2000, 2012 гг.).

Под руководством Сергея Александровича Елисеева написано и успешно защищено 7 кандидатских диссертаций, в которых исследуются проблемы уголовной ответственности за совершение отдельных преступлений против собственности, должностных преступлений (В.М. Вьюнов, С.М. Будатаров, И.П. Галыгина, А.В. Сухоносенко, В.А. Смирнов, М.А. Тынянская, К.Ю. Логинова). Профессор С.А. Елисеев – автор более 100 научных и учебно-методических работ, среди которых: «Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений» (Томск: Изд-во ТГУ, 1986); «Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории)» (Томск: Изд-во ТГУ, 2000), «Преступления против собственности в истории уголовного законодательства России» (Томск: Изд-во ТГУ, 2005), «Имущественная преступность в России XIX–XX веков» (Томск, 2011) и др.

Сергей Александрович Елисеев был бессменным ученым секретарем диссертационного совета ТГУ по защите кандидатских и докторских диссертаций, регулярно выступал в качестве официального оппонента, был членом редакционной коллегии журнала «Вестник Томского государственного университета. Право», сборников научных статей «Материалы Российского конгресса уголовного права» (г. Москва), «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (г. Томск), «Российское правоведение: трибуна молодых ученых» (г. Томск).

Состоявшись как ученый, С.А. Елисеев состоялся и как преподаватель. Многим поколениям студентов и выпускников Юридического института (ранее – юридического факультета) на всю жизнь запомнилась его особая манера чтения лекций и проведения семинарских занятий по курсу «Уголовное право. Особенная часть». За годы работы в университете С.А. Елисеев участвовал в подготовке более 5 тысяч специалистов, 500 магистров, получивших дипломы о высшем образовании, руководил научным студенческим кружком по уголовному праву.

Профессор С.А. Елисеев проявил себя и как опытный руководитель исследовательской работы студентов, магистрантов и аспирантов, умелый организатор учебного процесса. Более 20 лет заведя кафедрой уголовного права, возглавляя Отделение многоуровневой подготовки Юридического института (с сентября 2001 по март 2013 г.), Сергеем Александровичем была проделана значительная работа по формированию кадрового состава кафедры, магистратуры, внедрению активных форм и методов обучения, компьютерных технологий в учебный процесс. Благодаря профессору С.А. Елисееву в Томском государственном университете проведена большая работа по разработке учебных планов подготовки бакалавров и магистров, лицензированию и аккредитации бакалавриата и магистратуры по направлению «Юриспруденция».

Нельзя не отметить и огромный вклад профессора С.А. Елисеева в дело подготовки высококвалифицированных специалистов в других вузах Сибири и страны в целом. С июня 2001 г. по декабрь 2011 г. С.А. Елисеев был председателем ГАК юридического факультета Алтайского государственного университета, непосредственно участвовал в государственной аттестации более 1 000 выпускников. В качестве эксперта Минобрнауки РФ работал в составе комиссий по лицензированию и аккредитации ряда российских вузов, а с 2009 г. – в составе секции уголовного права и криминологии УМО по юридическому образованию вузов РФ.

Заслуги профессора С.А. Елисеева были отмечены медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1971 г.), медалью «За заслуги перед ТГУ» (2003 г.), медалью «400 лет Томску» (2004 г.), знаком «Почетный работник высшего профессионального образования» (2003 г.), медалью Минюста России «За укрепление уголовно-исполнительной системы» (2006 г.), грамотой губернатора Томской области (2020 г.), благодарностями и грамотами ректора Томского государственного университета.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Юридический институт, кафедра уголовного права, научная общественность глубоко скорбят в связи с уходом из жизни выдающегося российского ученого, своего коллеги, учителя и друга – Сергея Александровича Елисеева.

*И.о. заведующего кафедрой уголовного права,
канд. юрид. наук, доцент Н.В. Ольховик*

Sergey Aleksandrovich ELISEEV (14 August 1950 – 31 October 2020)

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 5–6. DOI: 10.17223/23088451/16/1

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.3/7

DOI: 10.17223/23088451/16/2

А.М. Борануков

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Исследуются проблемные вопросы квалификации преступлений, совершаемых с использованием электронных средств платежа, в частности, банковских карт. Дается уголовно-правовая оценка наиболее распространенным преступным посягательствам (противоправным схемам) на денежные суммы, размещенные на банковских счетах и электронных кошельках. Предлагается рассматривать хищение платежной карты в качестве приготовления, покушения либо оконченного преступления в зависимости от имеющейся у виновного лица возможности по управлению банковским счетом потерпевшего и ее реализации.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, электронное средство платежа, электронные денежные средства, банковская карта, банковский счет, хищение, кража, мошенничество, неправомерный оборот средств платежей.

Совершение платежей, разнообразных покупок товаров (работ, услуг) с помощью электронных средств платежа стало неотъемлемой частью современной повседневной жизни. Однако помимо множества удобств и достоинств использование новых технологий связано с некоторыми рисками и уязвимыми сторонами (недостатками), которые привлекают внимание разного рода злоумышленников, стремящихся получить доступ к банковским и электронным счетам для несанкционированного снятия денежных средств.

Легальное определение **электронного средства платежа** закреплено в ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [1].

Собственно, данное понятие раскрывается в качестве средства и (или) способа, позволяющих клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления денежного перевода в рамках существующих форм безналичных расчетов посредством информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств.

К наиболее популярным электронным средствам платежа можно отнести банковские карты (как микропроцессорные, так и с магнитной полосой).

В п. 1.5 Положения Банка России от 24.12.2004 № 266-П «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием» (зарегистрировано в Минюсте России 25.03.2005 № 6431) [2] перечислены виды банковских карт, которые вправе эмитировать кредитные организации, а именно **расчетные (дебетовые), кредитные и предоплаченные карты**.

Анализ научной литературы и правоприменительной практики позволяет выделить ряд наиболее распространенных уловок (противоправных схем) по завладению преступниками денежных сумм, находящихся-

ся на банковских счетах и электронных кошельках, среди которых фигурируют:

- получение персональных сведений клиентов через интернет-рассылки, вредоносные программы, телефонные переговоры («фишинг»);
- выяснение платежных реквизитов с помощью специальных устройств, устанавливаемых на банкоматах и платежных терминалах, либо полной подделки последних («скимминг»);
- перехват информации оборудованием для сканирования платежных карт с чипами RFID (NFC);
- изъятие платежных инструментов [3. С. 61].

Вместе с тем немало дискуссий в юридическом сообществе вызывают вопросы уголовно-правовой квалификации упомянутых деяний.

К примеру, относительно противоправного присвоения электронных денег И.Г. Чекунов полагает, что названные знаки стоимости не могут выступать в качестве предмета большинства преступлений против собственности, в частности, кражи (такое посягательство может охватываться лишь составами мошенничества или вымогательства) [4. С. 27].

Однако изложенная точка зрения представляется ошибочной, что в известной степени подтверждается п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [5], согласно которому действия субъекта следует квалифицировать как мошенничество с использованием электронных средств платежа по ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [6] в случаях, когда хищение имущества производилось поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной картой путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному злоумышленнику обозначенного средства платежа на

законных основаниях либо умолчания о незаконном владении им.

Тайное завладение чужими деньгами с помощью заранее похищенной или сфальсифицированной платежной карты, если выдача наличных денежных сумм имела место быть посредством банкомата, подпадает под признаки кражи по ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Таким образом, **хищение, осуществленное с использованием электронных средств платежа, в том числе расчетных или кредитных карт, в зависимости от конкретных обстоятельств (ситуации) может квалифицироваться органами предварительного расследования как мошенничество или кража.**

Так, гражданин М., прогуливаясь по улице, нашел на тротуаре банковскую карту, оформленную на имя И., на банковском счете которой находились сбережения в размере 28 тыс. руб.

Действуя умышленно, из корыстных побуждений, фигурант анализируемого дела, находясь в различных магазинах города, произвел покупки товаров и материальных ценностей путем бесконтактной оплаты через платежные терминалы, тем самым, умолчав о незаконном обладании упомянутым средством платежа, совершил мошенничество (ст. 159.3 УК РФ).

Примером кражи (ст. 158 УК РФ) в затронутом контексте может служить случай, когда гражданин М., будучи в гостях у Р., обнаружил в комнате на столе оставленную последним банковскую карту с указанием кода доступа к ней.

Располагая обозначенным средством платежа с паролем и реализуя преступное намерение, названный злоумышленник направился к банкомату, где снял принадлежащую потерпевшему денежную сумму в размере 75 тыс. руб., которой распорядился по своему усмотрению.

Изготовление, приобретение, хранение, транспортировка в целях использования (сбыта) или сбыт поддельных платежных карт, распоряжений о транзакции, документов (средств) оплаты, электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного приема, выдачи, перевода денег, охватываются ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В качестве примера можно привести характерное уголовное дело, где, являясь индивидуальным предпринимателем, Баудинова М.С. сфальсифицировала платежные поручения для проведения транзакций с подконтрольных ей расчетных счетов на расчетный счет индивидуального предпринимателя Астамирова М.П., в которые внесла ложные сведения о якобы имеющихся между ними договорных отношениях в рамках оказания услуг, приобретения строительных, отделочных материалов, продуктов питания и других товаров, что не соответствовало действительности. Следовательно, правовые основания для денежного перевода отсутствовали, а сама финансовая операция производилась исключительно с целью обналичивания валюты и в дальнейшем ее расходования по своему усмотрению

(без учета назначения платежей), а именно получения материальной выгоды, не связанной с ведением предпринимательства [7].

Один из эпизодов другого случая касается преступной схемы Валиуллова И.И., который будучи директором общества с ограниченной ответственностью, однако не имея намерений фактически осуществлять какую-либо финансово-хозяйственную деятельность, оформил в отделении ПАО «Сбербанк» банковскую карту для доступа к расчетному счету. Далее упомянутый субъект преступления продал за материальное вознаграждение данное электронное средство платежа и ПИН-коды к нему, которые впоследствии использовались для неправомерного приема, выдачи, перевода денежных сумм третьими лицами [8].

Сбыт фиктивных платежных инструментов и документов (за исключением ценных бумаг), заведомо непригодных к применению, образует состав мошенничества и подлежит квалификации по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Следует отметить, что если злоумышленник похитил платежную карту, чтобы противоправно распорядиться чужими сбережениями, но ввиду отсутствия пароля не смог ее активировать, то такое деяние следует признать приготовлением к совершению преступления против собственности.

Если имеет место быть завладение обозначенным платежным инструментом, а похитителю известна персональная информация (ПИН-код), то у него фактически появляется реальная возможность доступа к деньгам, размещенным на соответствующем банковском счете. Изучаемый факт стоит рассматривать как покушение.

Когда недобросовестная личность несанкционированно реализует имущественные права жертвы с помощью отобранного у последней указанного высокотехнологичного орудия, в частности, получает наличность в банкомате, расплачивается за товары, работы, услуги (в том числе через сеть Интернет), проводит денежные операции, то подобный поступок является окончанным хищением [9].

Таким образом, вышеизложенная категория общественно опасных посягательств подрывает стабильное функционирование финансовой системы, основы финансовой устойчивости и экономической безопасности государства.

Противоправное корыстное изъятие и обращение в пользу виновного лица чужого имущества с использованием электронного средства платежа, в том числе расчетной или кредитной карты, в зависимости от наличия критерия тайности анализируемых действий может квалифицироваться органами предварительного расследования как мошенничество или кража.

Хищение исследуемого платежного инструмента необходимо расценивать как приготовление, покушение либо окончанное преступление в контексте имеющейся возможности по управлению банковским счетом потерпевшего и ее осуществления, поскольку денежные суммы размещены (хранятся) в кредитной организации до распоряжения (расходования) ими.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2011. № 27. Ст. 3872.
2. *Вестник Банка России*. 2005. № 17. 34 с.
3. Лебедева А.А. Хищение денежных средств со счетов платежных карт // *Безопасность бизнеса*. 2018. № 1. С. 59–64.
4. Чекунов И.Г. Квалификация преступлений против собственности, совершаемых с использованием электронных платежных систем // *Российский следователь*. 2011. № 24. С. 26–28.
5. *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. 2018. № 2. 56 с.
6. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. *Приговор Шалинского городского суда Чеченской Республики от 23.12.2019 по делу № 1-332/2019*.
8. *Приговор Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 13.12.2019 по делу № 1-544/2019*.
9. Шульга А.В. Хищения с использованием банковских платежных карт: вопросы квалификации // *Российская юстиция*. 2016. № 11. С. 21–25.

On Qualifying Crimes Committed with Electronic Means of Payment

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 7–9. DOI: 10.17223/23088451/16/2

Aleksandr M. Boranukov, Prosecutor's Office of Kochubeevskoe District, Stavropol Krai (Kochubeevskoe, Russian Federation). E-mail: bora197@yandex.ru

Keywords: information and telecommunication technologies, electronic means of payment, electronic money, bank card, bank account, larceny, theft, fraud, illegal circulation of means of payment.

Crimes committed with electronic means of payment undermine the financial system stability and economic security of the state. The preliminary investigation bodies may qualify unlawful mercenary taking and conversion of another person's property using an electronic means of payment, including a debit or credit card, as fraud or theft depending on the criterion of secrecy. Larceny of the payment instrument must be regarded as preparation, attempted or completed crime depending on the possibility to manage the victim's bank account and its implementation, since the sums of money are placed (stored) in a credit institution until they are disposed (spent).

References

1. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (2011). 27. Art. 3872.
2. *Vestnik Banka Rossii*. (2005). 17.
3. Lebedeva, A.A. (2018) Embezzlement from Payment Card Accounts. *Bezopasnost' biznesa – Business Security*. 1. pp. 59–64. (In Russian).
4. Chekunov, I.G. (2011) Qualification of crimes against ownership committed with use of electronic payment systems. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 24. pp. 26–28. (In Russian).
5. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. (2018) 2.
6. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (1996) 25. Art. 2954.
7. The Chechen Republic. (2019) *Prigovor Shalinskogo gorodskogo suda Chechenskoy Respubliki ot 23.12.2019 po delu № 1-332/2019* [Resolution of the Shali City Court of the Chechen Republic of December 23, 2019, in Case No. 1-332/2019].
8. Ulyanovsk. (2019) *Prigovor Zasviyazhskogo rayonnogo suda g. Ul'yanovska ot 13.12.2019 po delu № 1-544/2019* [Resolution of the Zasviyazhsky District Court of Ulyanovsk of December 13, 2019, in Case No. 1-544/2019].
9. Shulga, A.V. (2016) Theft with use of bank payment cards: issues of qualification. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 11. pp. 21–25. (In Russian).

М.Т. Валеев

ПЕНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ КАК ТЕОРИЯ

Пенализация общественных деяний рассмотрена как относительно самостоятельная научная теория. Рассмотрено ее соотношение с пенологией, уголовной догматикой, уголовной социологией, уголовно-правовой политикой. Обращается внимание как они влияют на предмет теории пенализации, что составляет его содержание. Рассмотрены принципы обособления научной теории и соответствие им предмета теории пенализации. Раскрывается содержание функций и методов рассматриваемой теории.

Ключевые слова: теория пенализации общественно опасных деяний, уголовное наказание, санкция.

Всякая отрасль научного знания имеет определенную логику развития. Первоначально она представляет собой ряд простых эмпирических наблюдений. Постепенно, дойдя до уровня некоторой «критической массы», информация о них в своем содержании обнаруживает закономерности. Последние, находя подтверждение, опять-таки в практике, складываются в алгоритмы, которые могут быть систематизированы. Обладание знанием систематизированных закономерностей позволяет по-новому осмыслить реальность наблюдаемых процессов, выявить их новые стороны, указать их причины и наиболее вероятные следствия. Постепенно субъект познания приобретает такое представление об объекте своей деятельности, которое не могло быть дано только опытом. Такая ситуация позволяет ему моделировать сам объект, а совокупность полученных знаний о нем сложить в концептуальную (понятийную, логическую) систему, отображающую определенные закономерности организации, функционирования и развития объективной реальности – научную теорию [1. С. 207].

Полагаем, что есть предпосылки для объединения совокупности знаний о деятельности законодателя по пенализации в единую относительно самостоятельную научную теорию. Ей присущи все основные требования, предъявляемые методологией науки к научной теории. Она обладает своим предметом, специфически проявляемыми методами познания, выполняет функции теоретического научного знания и представляет собой научный инструмент, с помощью которого может решаться задача дальнейшего совершенствования уголовного наказания. В самом общем виде предмет теории деятельности по пенализации можно представить как процесс законодательного конструирования наказания в уголовном законе.

Теорию пенализации общественно опасных деяний следует рассматривать как составную часть более широкой – родовой по отношению к теории пенализации области научного знания – теории пенологии (а соответственно и науки уголовного права)¹. Пенология предполагает комплексное изучение уголовного нака-

зания, включающее весь спектр вопросов о наказании от его материально-правовых составляющих – понятия, целей, содержания, видов, эффективности до не связанных с правом, таких как, например, требования к архитектуре пенитенциарных учреждений, и охватывает все стадии его использования (закрепление в законе, назначение судом, исполнение). Теория же пенализации охватывает лишь ту ее прикладную часть, которая посвящена конструированию наказания в уголовном законе (в Общей и Особенной частях УК). Пенализация представляет собой своего рода метод реализации постулатов пенологии в действующий уголовный закон.

Предмет теории пенализации определяют три составляющие: уголовная догматика, уголовная социология, уголовно-правовая политика.

Учитывая, что наказуемость опасных деяний обязательно должна находить свое отражение в уголовном законе, соответственно формы ее реализации должны подчиняться правилам построения закона. Поэтому теория пенализации использует достижения уголовной догматики, имеющей своей задачей нормативно-доктринальное изучение норм уголовного права, формирование логических и языковых правил (семантических, синтаксических и иных) их конструирования. Это правила законодательной техники построения норм о наказании в Общей и Особенной частях Уголовного кодекса.

При формулировке своих выводов теория пенализации опирается также на социологию уголовного права, точнее на такую ее структурную часть, как социология уголовного наказания. Необходимость этого предопределена социально-правовым характером уголовного наказания. Наказание применяется среди реальных социальных процессов, поэтому содержание уголовного наказания за историю его существования видоизменяется под воздействием целого ряда обстоятельств. «Независимо от возможности создать такие наказания, которые соответствовали бы всем желательным чертам, формы наказаний или карательные меры зависят вполне от условий места и времени, точно так же, как и всякие другие стеснения граждан, связанные с различными мероприятиями государства, поэтому абсолютного критерия для оценки карательных мер нет и быть не может. При полной неизменности общей задачи карательного правосудия в целом – того места, которое

¹ В литературе все чаще звучит утверждение о необходимости выделения в пенологии ее уголовной и административной составляющей. В связи с введением института наказания в КоАП РФ полагаем, для этого есть основания (см., например, [2. С. 37]).

занимает в строе государственной жизни, – содержание наказания должно меняться также многообразно, как изменяются конкретные условия народной и государственной жизни и запас наличных сил и средств» [3. С. 89]. Роль обстоятельств, определяющих содержание наказания в процессе деятельности по пенализации преступлений, играют её факторы. Изучением таких факторов (материальных, духовных) и занимается социология уголовного наказания. Его результатом являются выводы об обоснованности и эффективности норм о наказании в Общей части и санкций в Особенной части уголовного закона, что, в свою очередь, позволяет ей служить важным каналом обратной связи между законодателем, правоприменителем и обществом. Например, легальная оценка санкций тяжести деяния часто существенно расходится с оценками тяжести деяний, бытующих в общественном правосознании. Это ослабляет убеждение в справедливости закона, а тем самым влияет на его эффективность¹. Социология уголовного наказания призвана выявлять подобные расхождения, их причины, способы и пределы его возможного сокращения и разрабатывать рекомендации по установлению рамок оптимальной санкции каждого признаваемого преступлением деяния.

Таким образом, социология уголовного наказания вносит в предмет теории пенализации такие факторы, как обстоятельства, влияющие на законодательное решение об установлении уголовного наказания.

Уголовное наказание всегда было одним из ярких средств выражения политики государства. Наличие смертной казни, конфискации, максимальная продолжительность лишения свободы, максимальная сумма штрафа, количество альтернатив лишению свободы – лишь наиболее яркие показатели уголовно-правовой политики, которые реализуются посредством пенализации. Соответственно, содержание предмета теории пенализации не может не зависеть от уголовно-правовой политики – той части уголовной политики государства по борьбе с преступностью, которая реализуется посредством норм материального уголовного права. Меры уголовно-правовой политики реализуются в стадии – создания материальных норм права и их применения. Одним из способов реализации уголовно-правовой политики на стадии правотворчества является закрепление (изменение, отмена, признание утратившим силу) норм уголовного права о наказании – пенализация и депенализация общественно опасных деяний.

Теория пенализации общественно опасных деяний не может обойти своим вниманием социальные и правовые последствия пенализации и депенализации. Их изучением занимаются и уголовная социология, и уголовно-правовая политика.

Кроме того, как любая правовая научная теория пенализация имеет свой исторический аспект, а также

подразумевает изучение зарубежного опыта пенализации опасных деяний.

Таким образом, предмет теории пенализации как деятельности по установлению наказуемости общественно опасных деяний состоит из следующих составляющих:

- история пенализации общественно опасных деяний;
- зарубежный опыт пенализации общественно опасных деяний;
- правила законодательной техники построения норм о наказании в Общей и Особенной частях Уголовного кодекса;
- факторы, влияющие на законодательные решения об установлении тех или иных уголовных наказаний;
- способы пенализации и депенализации;
- последствия пенализации и депенализации.

Среди оснований выделения любого предмета научного знания в научной литературе указывают принципы его обособления [4. С. 28]. Речь идет о некоторых методологических рамках, вне которых тема вообще не применима для теоретической обработки, т.е. не может существовать как научный предмет.

Во-первых, это принцип целостности. Структурные связи внутри предмета теории должны быть однозначнее, прочнее, чем связи с другими явлениями, т.е. придавать ему относительную обособленность от других сходных отношений. Принцип целостности предмета теории означает его относительную независимость от среды, а также зависимость каждого элемента, свойства и отношения от его места, функции внутри целого. Это объединение осуществляется не только по формальным (все элементы, составляющие предмет, относятся к уголовному наказанию), но и по сущностно-содержательным признакам, что обуславливается единством их задач, органической связью и взаимодействием в процессе деятельности по пенализации. Информационные блоки (блоки знаний, представлений, постулатов, концепций), составляющие предмет теории, взаимосвязаны и влияют на содержание друг друга. Например, факторы пенализации обуславливают ее конкретные способы, а реализация способов подчинена определенному набору правил законодательной техники. Законодатель, конструируя нормы о наказании, связан необходимостью учитывать каждый из элементов предмета теории пенализации для получения «работоспособной» нормы. Поэтому целостность выражается и в том, что объединение соответствующих частей носит необходимый характер.

Во-вторых, – принцип стабильности (повторяемости, воспроизводимости). Это значит, что предмет научного исследования должен сохранять или повторять свои характеристики. Стабильность в этом смысле – ход процесса в его повторяющихся моментах, это его тенденции, его однопорядковые фиксированные результаты. Действительно, пенализация общественно опасных деяний опирается на представления о сущности, содержании, видах, системе наказаний, воспроизводимых при их конструировании определенными способами, с учетом целого ряда правил, не изменяющихся на протяжении относительно долгих исто-

¹ Социологические исследования среди сотрудников правоприменительных органов показывают, что неформальная оценка общественно опасных деяний разнится с легальной (данной в санкции), но зато почти идеально совпадает с практикой назначения наказаний. Это означает, что расхождения носят отнюдь не умогласительный характер, а затрагивают реальное бытие уголовного закона.

рических периодов. Помимо этого, отмеченная особенность (принцип) находит свое проявление в том, что пенализация как теория описывает специфический законодотворческий процесс как деятельность, базирующуюся на одном и том же основании, как результат воздействия ограниченного количества факторов, находящихся свое выражение в идентичных известных формах.

Наконец, в-третьих, среди требований, которым должен удовлетворять предмет исследования, выделяют принцип наблюдаемости. Даже при криминализации общественно опасного деяния (при таком ее способе, как включение в уголовный закон видов поведения, ранее не относящихся к числу преступлений) и одновременном осуществлении пенализации наблюдение процесса последнего хотя и затруднительно, но позволяет констатировать его относительную самостоятельность. Это проявляется в зависимости уголовного наказания (его вида и срока) не только от преступления (безусловно, в первую очередь выбор санкции зависит от диспозиции нормы), но и от существующей системы наказаний, традиций законодательства, состояния правовой культуры общества, экономического положения государства и т.д. Кроме этого, процесс пенализации сохраняет свои основание, объект, метод. Тем более уместно говорить о наличии, соблюдении принципа наблюдаемости при изменении уровня пенализации деяний¹.

Теория пенализации общественно опасных деяний, будучи одной из частных теорий науки пенологии и в целом уголовного права, использует методы, являющиеся общими для всей данной отрасли знания: догматический, системный, сравнительно-правовой, социологический, индукции и дедукции, анализа и синтеза, логический метод и метод историзма и др. Но, обладая относительной самостоятельностью, выражаемой в особенностях своего предмета, она имеет некоторые специфические формы проявления некоторых из них, например, методов абстрагирования, идеализации, моделирования.

Сущность абстрагирования состоит в мысленном отвлечении от несущественных свойств, связей, отношений предметов и в одновременном выделении, фиксировании одной или нескольких интересующих сторон этих предметов. Данный способ применяется при исследовании свойств уголовного наказания, рассматриваемых автономно от своего носителя, и других свойств. При этом теория пенализации использует «изолирующую» разновидность абстракции: выделение свойств, неразрывно связанных с предметом, и рассмотрение их как самостоятельных предметов. Так, например, используя данный метод, теория пенализации рассматривает такие свойства уголовного наказания, как объективация в мероприятии, выражение го-

сударственного принуждения, применение к лицам, совершившим преступление, способность вызывать страдание, выражение осуждения, способность быть лишением (ограничением), личный характер, равенство перед наказанием, определенность, делимость, возможность его остановки, восстановимость отношений, явившихся объектом.

Другим методом теории, используемым при изучении свойств конструируемого наказания, является идеализация. В литературе по логике и методологии науки под идеализацией понимается особое средство познания, заключающееся в рассмотрении выявленных свойств изучаемых предметов в предельно развитом состоянии [6. С. 52; 7. С. 42]. Необходимость идеализации обусловлена стремлением исключить из рассмотрения предмета побочные факторы, представить исследуемый предмет в абстрактной, теоретически очищенной форме. В процессе идеализации образуются мысленные конструкции – «идеализированные» наказания, которым приписываются все выделенные свойства. Рассмотрение степени их реализации в действующем законодательстве позволяет сделать вывод о степени его совершенства.

Метод моделирования используется при рассмотрении отношений, составляющих предмет пенализации общественно опасных деяний. Он основан на создании некоей «модели», которая является заместителем того или иного реального объекта в силу определенного сходства с ним. Моделью в данном случае выступает уголовно-правовая норма, содержащая наказание, а моделируемым объектом – отношения наказывания между государством и лицом, совершившим преступление. Построение и исследование модели равнозначно исследованию и построению моделируемого объекта с той лишь разницей, что второе совершается материально, а первое – идеально, не затрагивая самого моделируемого объекта [8. С. 64]. Из этого вытекает важная функция модели – она выступает программой действия по предстоящему построению, сооружению моделируемого объекта.

Помимо прочего, общеметодологический подход к теоретической организации научного знания предполагает выполнение некоторых функций последней. Г.И. Рузавин в качестве функций, присущих любой научной теории, выделяет описательную, объяснительную, прогностическую [9. С. 42].

Функцию описания теория пенализации общественно опасных деяний воспроизводит посредством раскрытия своего предмета. При описании происходит систематизация первоначальных эмпирических данных, устанавливаются зависимости между фактами и тем самым подготавливается их перевод на язык теории. Описание – исходный материал для объяснения [Там же. С. 208].

Теорию в качестве важнейшего ее признака характеризует объяснение известной совокупности фактов, а не простое их описание, вскрытие закономерностей их функционирования и развития. Положения теории пенализации общественно опасных деяний призваны раскрыть объективную основу и содержание законодательных решений по установлению того или иного вида

¹ «Имеются в виду те достаточно распространенные случаи, – отмечает А.И. Коробеев, – когда наказание за уже криминализованное деяние подвергается законодателем изменению (ужесточению или смягчению). ...Причем способы могут быть различными: от изменения санкций статей Особенной части до внесения коррективов в отдельные положения норм Общей части уголовного законодательства» [5. С. 137–138].

наказания, его размера в свете существующей уголовной политики, преобладающих тенденций к изменению степени уголовной репрессии, его приемлемости с нравственных позиций и т.д. Она направлена на изучение роли и места пенализации преступлений как специфической деятельности в уголовной политике государства, соотношения со смежными категориями, ее социальной обусловленности рядом факторов, объекта и предмета, характеристик, которым должен отвечать результат такой деятельности (наказание, санкция) и т.д.

Любая теория должна выполнять прогностическую функцию. Представляя собой в том числе и обобщение исторического опыта законодательной регламентации уголовной репрессии, теория пенализации способна не только обосновать (либо опровергнуть обоснованность) наличного, но и дать рекомендации для более оптимальной последующей деятельности. Нередко невнимание к ключевым моментам научно обоснованной теории пенализации общественно опасных деяний ведет к введению в уголовное законодательство норм о заранее неисполнимых либо неэффективных наказаниях в силу их несоответствия нормам морали, экономическому потенциалу как государства, так и самих преступников и т.д.

Теория пенализации опасных деяний служит методологической предпосылкой к деятельности законодателя по пенализации. Как и любая целенаправленная деятельность, пенализация сочетает в себе познавательную и конструктивную составляющие.

Познавательный аспект деятельности по пенализации предполагает:

а. Обнаружение проблемной ситуации. Последняя состоит в недостатке или пробеле существующего закона, который не может быть устранен имеющимися средствами, например разъяснениями правоприменителя. Законодатель должен прийти к выводу о *необходимости* ее устранения. Такой ситуацией может служить «разрыв» в системе наказаний, влекущий за собой проблемы в механизме замены наказания, отсутствие заменяющего наказания, появление новых объектов гражданских прав или нового права, ценности, лишение которых посредством нового наказания будет более эффективно способствовать достижению его целей, и т.п. Так, например вполне уместно предположить возрастание в будущем роли и значения криптовалюты в экономическом обороте государств, в том числе и в России. В настоящее время в нашей стране оборот «цифровой валюты» законодательно специально никак не регулируется, хотя немногочисленная судебная практика приравнивает его оборот к цифровым правам. Между тем в Германии тот же биткойн уже признается расчетной денежной единицей, в Японии за ним признано значение законного платежного средства, в Швейцарии криптовалюты в правовом обороте приравнены к иностранным валютам. В случае если криптовалюта получит повсеместное хождение в товарообороте наряду с национальным платежным средством – рублем, может встать вопрос о возможности обращения взыскания на нее посредством уголовного наказания. Существующие нормы о штрафе этого сле-

дать не позволят, в связи с чем может быть актуален вопрос о создании нового вида уголовного наказания.

Обнаруженная ситуация настолько сложна, что создание средств, способных ее разрешить, требует законодательского решения, а потому предполагает научно обоснованное проектирование будущей нормы.

б. Формулировку цели. Проектировке нормы предшествует ее адекватное целеполагание. Цель отвечает на вопрос, каков должен быть конечный результат, чтобы выявленная ранее проблемная ситуация была разрешена. Цель деятельности по пенализации – устранение проблемной ситуации посредством реализации в уголовно-правовых нормах научных разработок (идей, концепций), составляющих предмет пенологии. Например, реализация во вновь создаваемом наказании его сущностных свойств. На этом этапе устанавливается своего рода предел деятельности по пенализации, *достаточный* для устранения проблемной ситуации.

Конструктивный аспект деятельности по пенализации состоит из:

а) Проектирования (моделирование) уголовно-правовой нормы, реализующей положения пенологии. Этап, на котором осуществляется создание модели будущей нормы. Согласно известному изречению Маркса, «самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, то есть идеально» [10. С. 189]. Это утверждение можно применить и к характеристике мысленных, или идеальных, моделей. Последние, прежде чем воплотиться в действительность и стать, благодаря практической деятельности, материальными моделями, существуют первоначально как образы действительности, как некоторые теоретические схемы. Рассматриваемый этап предполагает следующие подэтапы (рассмотрим на примере включения в Общую часть уголовного закона нового вида наказания):

– Криминологическое обоснование будущей нормы – санкции – необходимая операция при проектировании. Такое обоснование должно объяснять появление необходимости конкретного наказания и возможность его существования в том, а не ином виде по характеру лишений и ограничений, составляющих его содержание, предельным размерам, месту нового наказания в системе наказаний. Криминологически необоснованное наказание приводит к неоправданности общественных ожиданий, к невозможности достижения целей наказания, к искажениям в уголовной политике, непропорциональности кары в санкциях, к неприменимости и неприменимости этого наказания, а в целом к неэффективности наказания, к рецидиву преступлений и снижению уважения к закону.

Криминологическое обоснование подразумевает соответствие уголовного наказания социальным процессам, происходящим в обществе, уровню преступности, направленность на борьбу с ее причинами, учет карательных притязаний общества и т.п. Однако в конечном итоге криминологическое обоснование – это

соответствие уголовного наказания преступлению и совершившему его преступнику. Связь и корреляция между этими явлениями не линейная. Изначально она интуитивная. Все, что может исследователь (законодатель), – уменьшить долю интуиции, например, выстраивая последующие санкции за конкретные преступления, сравнивая карательный потенциал вновь принимаемых мер с уже существующими и изучая, как это повлияет на рецидив. Но убрать интуицию как метод конструирования и обоснования целиком – невозможно. Изначальная точка отсчета в решении вопроса о соответствии наказания преступления – результат интуиции. Целиком интуиция как способ конструирования наказания не исчезнет никогда. Подобно тому, как по мере развития науки постепенно выяснялось, что меньше атома протон, меньше протона кварк, меньше кварка струна и т.д., так и дальнейшее развитие научно-технического прогресса, изучение психики человека, глобализация, усложнение содержания и видов правоотношения будут все более минимизировать роль интуиции, вытесняя ее понятным количественно-качественным объяснением.

– Морально-психологическое обоснование – соответствие конструируемого наказания устоявшимся представлениям общества о справедливом (необходимом и достаточном) соответствии наказания преступлению, готовность общества «принять» вид и размер наказания.

– Экономическое обоснование. Предполагает наличие необходимых для исполнения наказания материальных ресурсов, а также оценку экономического результата.

– Догматическое (формально-логическое) обоснование. Завершающий этап моделирования. Такой вид обоснования статичен, поскольку не предполагает изучения социальных процессов, абстрагирован от них. Подразумевает языковое оформление уголовного закона в соответствии с рядом логических и языковых (семантических, грамматических, синтаксических) правил, внутренних технико-юридических связей. Его основным итогом является отсутствие возможности неоднозначного толкования нормы, дублирования норм, соблюдение иных правил законодательной техники.

б) Исполнения проекта. На этой стадии происходит формулирование конкретной (модели) нормы. Речь применительно к пенализации идет непосредственно о законодательном процессе принятия нормативно-правового акта, предусмотренного Конституцией и Регламентами палат Федерального собрания РФ. Первые два этапа призваны наполнить будущую норму содержанием, подготовить законопроект. Третий – превратить законопроект в закон.

Таким образом, пенализация общественно опасных деяний как теория – научно-прикладная отрасль знания, представляющая собой раздел пенологии, в рамках которой с учетом положений уголовной догматики, уголовной социологии и уголовной политики вырабатываются рекомендации для законодательного конструирования норм об уголовной наказуемости деяний в виде правил законодательной техники, указания на факторы, которые необходимо учитывать при установлении наказания, способов пенализации и депенализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Навозова Л.М., Зейле Н.И., Родос Л.С., Титаренко Е.С., Черникова И.В. Методы и формы научного познания // Проблемы диалектического материализма / под ред. В.Г. Алексенко, В.Ф. Макарова, И.В. Черниковой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1986. С. 180–216.
2. Шаклеин С.Н. Пенологический аспект малозначительности административного правонарушения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 2 (48). С. 36–43.
3. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право : пособие к лекциям. СПб., 1913. 397 с.
4. Зотов А.Ф. Структура научного исследования. М. : Политиздат, 1973. 182 с.
5. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 268 с.
6. Титаренко Е.М. О сфере применения метода идеализации в научном познании // Социальные проблемы познания и управления. Томск, 1983. С. 51–56.
7. Первой В.П., Шатурина Г.В. Теория и методы науки (сущность, особенности, структура научного познания). М. : Моск. акад. МВД России, 2000. 42 с.
8. Сичивица О.М. Методы и формы научного познания. М. : Высшая школа, 1972. 95 с.
9. Рузавин Г.И. Научная теория. Логико-методологический анализ. М. : Мысль, 1978. 244 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Госполитиздат, 1960. Т. 23. 907 с.

Penalization of Socially Dangerous Acts as a Theory

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 10–15. DOI: 10.17223/23088451/16/3

Marat T. Valeev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mtv666@yandex.ru

Keywords: theory of penalization of socially dangerous acts, criminal punishment, sanction.

The theory of penalization of socially dangerous acts should be considered as a component of penology and, correspondingly, criminal law, which is a broader area of scientific knowledge. Penology is a comprehensive study of criminal punishment, including the whole range of issues related to punishment, from its substantive and legal components (concepts, goals, content, types, effectiveness) to those not related to law, such as, for example, requirements for the architecture of penitentiary institutions. Penology deals with all stage of

punishment (legalization, imposition, execution). The theory of penalization, in its turn, covers only the applied part, related to the construction of punishment in the criminal law (in the General and Special Parts of the Criminal Code). Penalization is a method for implementing the postulates of penology into the current criminal law. The theory of penalization is determined by three components: criminal dogma, criminal sociology, and criminal policy. Given that the punishability of dangerous acts must necessarily be reflected in the criminal law, the forms of its implementation must obey the rules of the law. Therefore, the theory of penalization uses the achievements of criminal dogma, which has as its task the normative-doctrinal study of the norms of criminal law, the formation of logical and linguistic rules (semantic, syntactic and others) for their construction. These are the rules of the legislative technique for constructing norms on punishment in the General and Special Parts of the Criminal Code.

References

1. Navozova, L.M., Zeyle, N.I., Rodos, L.S., Titarenko, E.S. & Chernikova, I.V. (1986) *Metody i formy nauchnogo poznaniya* [Methods and forms of scientific knowledge]. In: Aleksenko, V.G., Makarov, V.F. & Chernikova, I.V. (eds) *Problemy dialekticheskogo materializma* [Problems of Dialectical Materialism]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 180–216.
2. Shaklein, S.N. (2019) *Penologicheskii aspekt maloznachitel'nosti administrativnogo pravonarusheniya* [The penological aspect of an administrative offense insignificance]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2(48). pp. 36–43.
3. Sergeevsky, N.D. (1913) *Russkoe ugovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Railways (A. Behnke).
4. Zotov, A.F. (1973) *Struktura nauchnogo issledovaniya* [Research structure]. Moscow: Politizdat.
5. Korobeev, A.I. (1987) *Sovetskaya ugovno-pravovaya politika: problemy kriminalizatsii i penalizatsii* [Soviet criminal law policy: problems of criminalization and penalization]. Vladivostok: FAFU.
6. Titarenko, E.M. (1983) *O sfere primeneniya metoda idealizatsii v nauchnom poznanii* [On the scope of the idealization method in scientific knowledge]. In: *Sotsial'nye problemy poznaniya i upravleniya* [Social Problems of Knowledge and Management]. Tomsk: [s.n.]. pp. 51–56.
7. Pervoy, V.P. & Shaturina, G.V. (2000) *Teoriya i metody nauki (sushchnost', osobennosti, struktura nauchnogo poznaniya)* [Theory and methods of science (essence, features, structure of scientific knowledge)]. Moscow: Moscow Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
8. Sichivitsa, O.M. (1972) *Metody i formy nauchnogo poznaniya* [Methods and forms of scientific knowledge]. Moscow: Vysshaya shkola.
9. Ruzavin, G.I. (1978) *Nauchnaya teoriya. Logiko-metodologicheskii analiz* [Scientific Theory. Logical and Methodological Analysis]. Moscow: Mysl'.
10. Marx, K. & Engels, F. (1960) *Sochineniya* [Works]. Vol. 23. Moscow: Gospolitizdat.

О.В. Дорошенко

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Рассматривается вопрос об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа лица, совершившего несколько преступлений. Поднимается вопрос об ограничении освобождения от уголовной ответственности по некоторым преступлениям. Предлагается установить минимальный размер судебного штрафа, а также законодательно закрепить срок уплаты судебного штрафа, предусмотреть рассрочку и отсрочку уплаты судебного штрафа.

Ключевые слова: *судебный штраф, принцип справедливости, иные меры уголовно-правового характера.*

1. Исходя из анализа разъяснений Пленума ВС РФ [1], сложившейся практики освобождения от уголовной ответственности по другим реабилитирующим основаниям, отсутствия прямого запрета, возможно освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по нескольким инкриминируемым преступлениям небольшой и (или) средней тяжести. Однако в законе не обозначен механизм определения окончательного размера судебного штрафа в указанных случаях. В условиях отсутствия нормативного регулирования судебная практика стала складываться в двух направлениях.

Во-первых, опираясь на положения ч. 2 ст. 69 УК РФ, суды определяют окончательный размер судебного штрафа путем поглощения менее строгого судебного штрафа более строгим.

Так, удовлетворяя ходатайство об освобождении Е., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 и ч. 1 ст. 318 УК РФ, от уголовной ответственности, Железнодорожный районный суд г. Новосибирска назначил Е. меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа по ч. 1 ст. 119 УК РФ в размере 10 тыс. руб., по ч. 1 ст. 318 УК РФ – в размере 30 тыс. руб., определив окончательный размер судебного штрафа на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ путем поглощения менее строгого размера наказания более строгим в размере 30 тыс. руб. [2].

Во-вторых, размер судебного штрафа определяется не за каждое инкриминируемое лицу деяние, а в целом за все преступления, образующие совокупность.

Постановляя о прекращении уголовного дела в отношении К., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 160 УК РФ, мировой судья судебного участка № 1 Котласского судебного района Архангельской области освободил К. от уголовной ответственности, назначив меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 30 тыс. руб. [3].

Аналогичное правило применил и мировой судья судебного участка № 50 Ванинского района Хабаровского края, прекративший в отношении Б. уголовное преследование по преступлениям, предусмотренным ст. 116, ч. 1 ст. 119 УК РФ, и назначив судебный штраф в размере 10 тыс. руб. [4].

На наш взгляд, оба обозначенных подхода к определению окончательного размера судебного штрафа следует оценить критически.

В первом случае суд нарушает принцип законности, применяя уголовный закон по аналогии, что прямо запрещено ч. 2 ст. 3 УК РФ. Во втором – нарушаются не только требования закона о строго индивидуальном подходе к определению размера судебного штрафа (ч. 2 ст. 104.5 УК РФ), но и принцип справедливости (ст. 6 УК РФ).

В юридической литературе высказываются предложения законодательно закрепить механизм определения окончательного размера судебного штрафа лицам, обвиняемым в совершении двух и более преступлений, допуская и правила поглощения менее строгого судебного штрафа более строгим, и правила сложения [5. С. 104]. Учитывая, что освобождение от уголовной ответственности по ст. 76.2 УК РФ носит условный характер, законодательное закрепление указанных правил поставит вопрос о порядке отмены судебного штрафа в случае его неуплаты виновным.

Полагаем, что при освобождении от уголовной ответственности лица, совершившего несколько преступлений, судебный штраф должен назначаться за каждое преступление самостоятельно с указанием сроков и порядка уплаты. Законодательное закрепление указанного правила обеспечит индивидуализацию уголовной ответственности и соблюдение принципа справедливости, так как при уклонении от уплаты судебного штрафа виновный может быть вновь привлечен к уголовной ответственности, но только за те преступления, от уплаты судебного штрафа за которые он уклонился.

2. Наиболее острым является вопрос о том, насколько справедливо применение рассматриваемой статьи по делам о преступлениях, последствием которых является причинение смерти потерпевшему. Суды могут применять ее в случаях квалификации преступлений по ст. 106, 107, 109, 110.1, ч. 3 ст. 264 УК РФ. Суды прекращают дела по таким преступлениям, ссылаясь на отсутствие каких-либо законодательных ограничений [6–8]. Формально здесь нарушений нет. Однако если подходить к оценке действий судов с точки зрения принципов уголовного законодательства, то можно предположить, что это входит в противоречие с принципом справедливости. Такая позиция в некоторых случаях поддерживается судами.

Так, в отношении С. было возбуждено уголовное дело по обвинению в совершении преступления,

предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ. Следователь Псковского межрайонного СО СУ СК РФ по Псковской области обратился в суд с ходатайством о прекращении уголовного дела и назначении С. меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в порядке ст. 76.2 УК РФ. Суд первой инстанции счел невозможным прекратить уголовное дело, «учитывая, наряду с другими обстоятельствами по делу и то, что смерть человека – это неустранимое последствие, даже причиненное по неосторожности, которое компенсировать или загладить не представляется возможным». Суд апелляционной инстанции согласился с приведенными доводами [9].

Представляется, что игнорирование ценности нарушенного преступлением объекта уголовно-правовой охраны недопустимо при регламентации правил применения ст. 76.2 УК РФ. Исходя из этого, считаем, что следует ограничить область применения ст. 76.2 УК РФ, не распространяя ее действие на такие преступления, в результате которых причиняется смерть потерпевшему.

Таким образом, законодателю следует закрепить в ст. 76.2 УК РФ ограничение на преступления, в результате совершения которых причиняется смерть потерпевшему. Регламентация подобного ограничения не позволит посеять сомнения при осуждении лиц с назначением наказания по преступлениям небольшой и средней тяжести в достижении справедливости.

Кроме того, полагаем, что в список исключений преступлений небольшой и средней тяжести, к которым можно применить положения о судебном штрафе, нужно добавить преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. На этом сразу же после принятия Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323 [10] акцентировала внимание депутат Государственной Думы О.Н. Епифанова, которая внесла предложение по ограничению применения данного вида освобождения от уголовной ответственности применительно к лицам, совершившим преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних [11]. По мнению автора законопроекта, к таковым составам следует отнести понуждение к действиям сексуального характера, совершенное в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней), предусмотренное ч. 2 ст. 133 УК РФ, половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, регламентированное ч. 1 ст. 134 УК РФ, совершение развратных действий без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, – ч. 1 ст. 135 УК РФ, а также получение сексуальных услуг несовершеннолетнего – ст. 240.1 УК РФ.

Мы выражаем солидарность с автором законопроекта, как ряд других ученых [12. Т. 1. С. 65], и считаем необходимым исключить возможность освобождения от уголовной ответственности данных категорий осужденных. Следует подчеркнуть, что такая категория лиц, нередко и отбыв ранее назначенное наказание, вновь склонна к совершению повторных аналогичных пре-

ступлений в связи с тем, что такие отклоненные сексуальные предпочтения не исчезают на протяжении всей жизни. Отметим, что иные категории преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних являются не менее значимыми, но относятся к более тяжким категориям преступлений, в связи с чем при смягчении ответственности за их совершение считаем целесообразным и их включение в указанный список.

Кроме того, анализ действующего уголовного законодательства позволяет выявить и другое не менее важное направление уголовно-правового противодействия – противодействие терроризму. На повышенную общественную опасность терроризма указывает содержание ч. 3 ст. 64, п. «а» ч. 1 ст. 73, ч. 5 ст. 78, п. «г» ч. 3 ст. 79, ч. 1 ст. 82, ч. 4 ст. 83 УК РФ и др.

С учетом тяжести преступления мы можем выделить состав преступления, который, по нашему мнению, должен быть исключен из общего перечня преступлений, при совершении которых лицо может быть освобождено от уголовной ответственности по рассматриваемому основанию – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, ответственность за что предусмотрена ст. 205.2. Приложение к данной статье к перечню составов преступлений, имеющих отношение к террористической деятельности, относит ряд деяний, среди которых под категорию небольшой и средней тяжести относятся: незаконные приобретение, хранение, использование, передача или разрушение ядерных материалов или радиоактивных веществ, в том числе повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, – ч. 1 и 2 ст. 220, хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ – ч. 1 ст. 221. Схожие вопросы относительно экстремизма и терроризма поднимают Р.С. Данелян и С.В. Данелян [13. С. 63].

Следует подчеркнуть, что указанным категориям лиц свойственно совершение повторных аналогичных преступлений, которые могут быть совершены не только по прошествии длительного периода времени после первого деяния, но и в течение достаточно короткого промежутка времени. Среди примеров такового приведем случай последнего времени. Так, в средствах массовой информации активно освещалась ситуация вокруг гр-ки Варвары Карауловой (позднее сменившей имя и фамилию на Александра Иванова). В конце мая 2015 г. она уехала в Турцию, где намеривалась пересечь Турецко-Сирийскую границу, но была задержана с группой россиян, которые предположительно планировали присоединиться к Исламскому государству, деятельность которой запрещена в Российской Федерации. Осенью 2015 г. она вновь предприняла попытку бежать в Сирию на территорию, контролируемую ИГ, но была задержана, и 10 ноября 2015 г. ей было предъявлено официальное обвинение. В зале судебного заседания подсудимая подтвердила, что придерживается радикальных убеждений, считает действия запрещенной организации оправданными и предпочитает придерживаться законов шариата. 22 декабря 2016 г. осуждена к 4 годам 6 месяцам лишения свободы [14].

Отметим, что в науке поднимаются вопросы и об ограничении освобождения от уголовной ответственности и по иным группам преступлений, среди которых следует отметить коррупционные преступления [15. С. 104], преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков [16. Т. 1. С. 104] или незаконным оборотом порнографических материалов и предметов. Однако, на наш взгляд, в группу ограничений могут быть включены именно необходимые группы преступлений, не обусловленные сиюминутной политической конъюнктурой или временными социальными проблемами, решение которых возможно иными путями, среди которых следует выделить, в том числе, и политическую волю руководства правоохранительных структур, а обусловленные стабильными потребностями общества и государства. Кроме того, многие статьи Общей части УК РФ при регламентации положений в сфере реализации уголовной ответственности и освобождения от нее, а также назначения наказания и освобождения от него подчеркивают исключительное значение данных норм. В связи с этим мы считаем целесообразным реализовать научные и законодательные разработки, обусловившие их таковую исключительность и в рамках положений от рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности.

В связи с изложенным полагаем целесообразным законодательно закрепить ограничения относительно всех перечисленных преступлений, предусмотрев их в ч. 2 ст. 76.2 УК РФ, и изложить последнюю в следующей редакции: *«2. Лица, впервые совершившие преступления, предусмотренные статьями 106, 107, 109, 110.1, частью второй статьи 133, частью первой статьи 134, частью первой статьи 135, статьей 205.2, частями первой и второй статьи 220, частью первой статьи 221, статьей 240.1, частью третьей статьи 264 настоящего Кодекса, не могут быть освобождены судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, предусмотренного частью первой настоящей статьи»*.

3. Размер судебного штрафа не может превышать 50% от размера максимального штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи УК РФ, а если соответствующая статья не предусматривает наказания в виде штрафа, – не более 250 000 руб. (ч. 1 ст. 104.5 УК РФ).

Указав только максимальный размер судебного штрафа, законодатель поставил перед правоприменителем вопрос о его минимальном размере. Учитывая разную правовую природу штрафа и судебного штрафа, у суда нет правовых оснований исходить из минимального размера штрафа, закрепленного в ч. 2 ст. 46 УК РФ, так как применение аналогии уголовного закона недопустимо в силу прямого запрета (ст. 3 УК РФ). Пленум Верховного Суда РФ постановил, что «правила статьи 46 УК РФ к назначению и исполнению судебного штрафа не применяются» (п. 7.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовно-правовых мер» [17] (в ред. от 29 ноября 2016 г.)).

Таким образом, отсутствуют правовые ограничения для назначения сколь угодно малого судебного штрафа.

Так, Г. был освобожден от уголовной ответственности за четыре преступления, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ с назначением судебного штрафа в размере 2 500 руб. за каждое деяние [18]. В данном случае размер судебного штрафа оказался в два раза ниже минимального размера штрафа как вида наказания, что тем не менее не противоречит закону.

Как справедливо отмечает М. Юсупов, даже в случае назначения судебного штрафа в размере 100 руб. при условии мотивировки его размера имущественным положением лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи формально решение суда будет соответствовать закону, но фактически превращается в фикцию [19. С. 12].

Изучение правоприменительной практики свидетельствует, что суды, определяя размер судебного штрафа, не выходят за нижний предел, предусмотренный ч. 2 ст. 46 УК РФ.

Вместе с тем в практике встречаются постановления, в которых размеры судебного штрафа составляют 2 и 3 тыс. руб. В этом случае постановление мирового судьи на основании апелляционного представления прокурора было отменено и направлено на новое судебное рассмотрение [20].

Таким образом, отечественный законодатель допустил пробел в определении минимального размера судебного штрафа. Показателен опыт Республики Беларусь, в Уголовном кодексе (УК РБ) которой имеется аналог судебного штрафа – уголовно-правовая компенсация. Она применяется в случаях освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания и была введена еще в 2015 г. Под уголовно-правовой компенсацией понимается «мера материального характера, которую лицо, совершившее преступление, согласно принять и обязано исполнить в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности либо обязано исполнить при применении иных мер уголовной ответственности» (ч. 16 ст. 4 УК РБ) [21. С. 231]. Уголовно-правовая компенсация применяется не только при освобождении от уголовной ответственности. Так, суд вправе назначить эту меру при осуждении с условным неприменением наказания (ч. 5 ст. 78 УК РБ), являющимся аналогом российского института условного осуждения (ст. 73 УК РФ). В этом случае уголовно-правовая компенсация является одной из мер, применяемых к «условно осужденному» в целях его исправления. Таким образом, сфера применения уголовно-правовой компенсации шире сферы применения судебного штрафа.

УК РБ предусмотрел два способа определения размера уголовно-правовой компенсации. Первый связан с назначением этой меры при осуждении с условным неприменением наказания, в этом случае размер уголовно-правовой компенсации составляет от 30 до 100 базовых величин (относительно определенный размер); второй – с назначением уголовно-правовой компенсации при освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, когда ее размер составляет 50% причиненного преступлением ущерба (вреда), но не менее 30 базовых величин (абсолютно определенный размер).

Таким образом, уголовно-правовая компенсация в законодательстве Республики Беларусь в части определения размеров регламентирована более подробно, в связи с чем представляется возможным использовать положительный опыт белорусского законодателя в уголовном праве России. В частности, следовало бы законодательно ограничить минимальный размер судебного штрафа, что в полной мере будет соответствовать принципу справедливости, поскольку к лицам, совершившим преступления, одинаковые по степени общественной опасности, могут быть применены неравные штрафы. В таком случае суд будет лишен возможности назначать необоснованно заниженные «несправедливые» судебные штрафы.

Обозначенный вопрос не может быть решен путем официального толкования и требует законодательного регулирования. В этой части заслуживают внимания выводы З.Б. Соктоева, сделанные в результате анализа проекта закона, который послужил основой для законодательного закрепления судебного штрафа, о необходимости придерживаться нижнего предела судебного штрафа, установленного для штрафа как вида наказания (ч. 2 ст. 46 УК РФ) [22. С. 90]. С позиций законодательной техники более правильным было бы предлагаемые изменения включить в ст. 76.2 УК РФ.

4. При определении размера судебного штрафа суд должен принимать во внимание тяжесть совершенного преступления и имущественное положение лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, а также учитывать возможности получения заработной платы или иного дохода (ч. 2 ст. 104.5 УК РФ).

Проанализировав судебную практику, можно прийти к выводу, что суды по-разному оценивают обстоятельства, влияющие на имущественное положение виновного.

Часто суды обращают внимание только на размер доходов подсудимого, не учитывая такие немаловажные обстоятельства, как имущественное положение виновного, наличие движимого и недвижимого имущества, наличие работы, размер дохода, возможность получения подсудимым заработной платы или иного дохода, доходы супруга, наличие малолетних детей, находящихся на иждивении, наличие задолженности по жилищно-коммунальным услугам, наличие кредитных обязательств и их размер.

Так, при назначении судебного штрафа суды не исследуют имущественное положение подсудимых, их доходы, доходы супруга, наличие детей и т.д. [23].

Другие суды, напротив, при назначении судебного штрафа обращают внимание на имущественное положение подсудимого, его ежемесячный заработок, а также ежемесячный заработок его супруги, наличие малолетних детей, находящихся на иждивении, наличие кредитных обязательств и их размер, задолженность по коммунальным платежам [24].

Некоторые суды при назначении судебного штрафа учитывают также наличие трудоустройства, среднемесячный доход подсудимого, возможность получения им среднемесячного дохода [25].

Считаем, что при рассмотрении дела суды должны более подробно исследовать имущественное положение

подсудимого, поскольку оно влияет на определение размера судебного штрафа и срока его уплаты, а именно собирать необходимый объем доказательств для установления имущественного положения виновника и реальной возможности лица уплатить назначенный судебный штраф.

По нашему мнению, для реализации распределяющего аспекта принципа справедливости размер судебного штрафа, порядок его и срок его уплаты должны зависеть от имущественного положения виновного лица.

5. В УК РФ не определен срок уплаты судебного штрафа. Изучение судебной практики применения штрафа показало, что судьи устанавливают различные сроки его уплаты в пределах трех месяцев. В литературе предлагается ограничивать его сроком давности привлечения к уголовной ответственности¹ [26. С. 60], поскольку иначе отмена освобождения от уголовной ответственности лица, уклоняющегося от уплаты судебного штрафа, становится бессмысленной, так как его все равно придется освобождать от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности (ст. 78 УК РФ).

Нормы о сроке уплаты уголовно-правовой компенсации содержатся в УК РБ и Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК РБ). Так, в случае применения этой меры в рамках осуждения с условным неприменением наказания такой срок составляет 6 месяцев после вступления приговора в законную силу (ч. 5 ст. 78 УК РБ). При наличии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности на досудебной стадии в связи с деятельным раскаянием срок для оплаты уголовно-правовой компенсации составляет 3 суток (ч. 2 ст. 263 УПК РБ). Этот срок исчисляется со дня уведомления обвиняемого прокурором или его заместителем о необходимости внесения уголовно-правовой компенсации на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, уголовно-правовой компенсации как одного из условий для освобождения от уголовной ответственности.

Полагаем, что опыт об определении срока уплаты судебного штрафа можно позаимствовать у УК РБ и установить на законодательном уровне срок уплаты штрафа 6 месяцев с момента вступления постановления в законную силу. В противном случае у суда останется право на установление необоснованного срока уплаты штрафа.

6. Изучение судебной практики применения штрафа также показало, что судьи устанавливают различные

¹ М.Ю. Дудченко полагает, что срок оплаты судебного штрафа лицом, освобожденным от уголовной ответственности за совершение преступления небольшой тяжести, должен составлять не более 2 лет, а за преступление средней тяжести – не более 6 лет. Такое предложение вряд ли поможет решить проблему, поскольку сроки давности привлечения к уголовной ответственности начинают течь с момента совершения преступления, следовательно, к моменту вынесения судебного решения о назначении судебного штрафа от этого срока может остаться лишь незначительная часть. Именно эта оставшаяся часть времени до истечения срока давности и может быть ориентиром для судов при определении сроков уплаты судебного штрафа с поправкой на то, что в случае необходимости отмены судебного штрафа тоже потребуется определенное время для процессуального оформления такого решения, определяемое УПК РФ.

сроки его уплаты в пределах трех месяцев. При этом конкретный срок уплаты штрафа в описательно-мотивировочной части постановлений не обосновывается. Соответствующие судебные решения в части срока уплаты штрафа выглядят буквально следующим образом: «Судебный штраф подлежит уплате в течение десяти дней со дня вступления настоящего постановления в законную силу»; «Установить срок оплаты судебного штрафа – 3 (три) месяца»; «Установить срок для уплаты судебного штрафа 31 сутки, т.е. до 28 ноября 2016 г. включительно»; «Срок оплаты судебного штрафа определить 60 суток со дня вступления настоящего постановления в законную силу»; «Назначить Б. меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере по 15 000 рублей за каждое совершенное им деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 159 УК РФ, предоставив ему для оплаты срок 20 дней, т.е. до 29 ноября 2016 г.».

Так, например, в постановлении Ленинского районного суда г. Омска от 11 января 2017 г. по делу № 1-43/2017 срок уплаты штрафа в описательно-мотивировочной части постановления не обосновывается. Суд обязал подсудимых оплатить судебный штраф в течение 10 дней со дня вступления постановления в законную силу, однако не аргументировал, почему он установил именно такой срок [27].

Новосибирский областной суд в Апелляционном определении от 03 февраля 2017 г. по делу № 22-337/2017 необоснованно оставил без внимания аргументацию в описательно-мотивировочной части постановления относительно срока уплаты судебного штрафа [28].

Анализируя судебные постановления о назначении штрафа в части сроков его уплаты, трудно выявить какую-либо закономерность между размером штрафа и сроком его погашения. Логично предположить, что чем больше штраф, тем большим должен быть срок его уплаты. Однако в практике нередки случаи, когда для уплаты штрафа в размере до 10 000 руб. судьи устанавливали 60-дневный срок, а для уплаты 250 000 руб. – срок в 10 дней.

Так, постановлением Муромского городского суда Владимирской области прекращено уголовное дело в отношении Е., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 192 УК. На основании ст. 251 УПК ему назначена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 250 000 руб., установлен срок его оплаты в течение 10 дней со дня вступления постановления в законную силу [29].

Тюменский районный суд Тюменской области прекратил в соответствии со ст. 251 УПК уголовное дело в отношении А. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК, назначил ему судебный штраф в размере 8 000 руб. и установил срок его оплаты в течение 60 суток со дня вступления постановления в законную силу [30].

Верховный суд Республики Дагестан назначил Б. судебный штраф в размере 15 000 руб. при освобождении от уголовной ответственности по ч. 2 ст. 159 УК РФ, предоставив ему для оплаты срок 20 дней.

Аналогичный срок устанавливался и в случае, когда размер назначенного штрафа был в 3 раза меньше [31].

В то же время можно встретить случаи, когда срок оплаты судебного штрафа в размере 7 000 руб. составил 3 месяца [32], такой же срок был назначен для уплаты судебного штрафа в размере 45 000 руб. [33]. Примечательно, что Пленум Верховного Суда РФ в п. 25.6 постановления от 29 ноября 2016 г. ограничился разъяснениями о необходимости приведения в описательно-мотивировочной части постановления о назначении судебного штрафа также обстоятельств, учитываемых судом при определении размера судебного штрафа. Полагаем, что устанавливаемый судьей срок оплаты штрафа в данном случае требует аналогичной мотивировки со ссылкой на принятые им во внимание обстоятельства, подтвержденные материалами дела.

В свою очередь, сравнивая допустимую величину судебного штрафа со средним размером заработной платы в России, следует констатировать, что УК РФ предусмотрел широкое поле для судебской усмотрения, позволяющее индивидуализировать применение этой меры, но в то же время это не исключает возможности как злоупотребления, так и нарушения прав и законных интересов гражданина вследствие недостаточной внимательности суда. В связи с этим суду следует ответственно подходить к установлению срока для оплаты судебного штрафа, учитывая при этом имущественное положение лица и возможность получения им доходов, необходимых для уплаты судебного штрафа.

Таким образом, налицо отсутствие закономерности между размером штрафа и сроком его погашения, что, в свою очередь, приводит к нарушению принципа справедливости. Считаем целесообразным урегулировать данный вопрос с помощью установления нормы, регламентирующей зависимость между размером штрафа и сроком его погашения. Иными словами лицо, освобожденное от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, должно получать достаточный срок для его уплаты, исходя из его размера (срок для оплаты судебного штрафа должен быть соразмерным величине взыскания). В случае неисполнения обязанности вовремя необходимо, чтобы оставшееся время было достаточным для привлечения лица к уголовной ответственности.

Установление чрезмерно короткого срока может нарушить интересы лица, освобожденного от уголовной ответственности. При исследовании было установлено, что срок оплаты зачастую не зависит от размера судебного штрафа. Продолжительность сроков при совпадающих либо сопоставимых величинах судебного штрафа значительно различается в пределах от нескольких недель до нескольких месяцев.

Решением изученных проблем было бы дополнение постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» п. 16.3 следующего содержания.

«В соответствии с частью 2 статьи 104.5 Уголовного кодекса РФ размер судебного штрафа определя-

ется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, а также с учетом возможности получения указанным лицом заработной платы или иного дохода. При этом судам необходимо полноценно оценивать обстоятельства, влияющие на имущественное положение виновного, а именно: наличие работы, размер дохода, доходы супруга, наличие малолетних детей, находящихся на иждивении, наличие задолженности по жилищно-коммунальным услугам, наличие кредитных обязательств и их размер, наличие движимого и недвижимого имущества.

Срок уплаты судебного штрафа не может превышать 6 (шесть) месяцев. При определении срока уплаты судебного штрафа суды должны учитывать размер назначенного штрафа, тяжесть совершенного преступления, имущественное положение лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, возможность получения указанным лицом заработной платы или иного дохода, а также другие обстоятельства, изложенные в первом абзаце данного пункта».

7. УК РФ, УПК РФ, УИК РФ не предусматривают продление срока, отсрочку или рассрочку исполнения судебного штрафа. В связи с этим наблюдается дисбаланс между нормами о наказании в виде штрафа и нормами о судебном штрафе, что является нелогичным. Так, осужденному, которому был назначен «обычный» штраф, может быть смягчен порядок исполнения наказания, а лицо, освобожденное от уголовной ответственности, такой возможности лишено [34. С. 65], хотя размеры первого и второго могут быть сопоставимы. При этом срок для добровольного исполнения судебного штрафа, в отличие от наказания в виде штрафа, не предусмотрен [35]. Таким образом, порядок уплаты судебного штрафа является более жестким, чем

исполнение наказания в виде штрафа, что, по нашему мнению, является нарушением принципа справедливости, поскольку лицо, которому назначен судебный штраф, ставится в неравное положение с лицом, которому назначен штраф в качестве наказания.

В судебной практике встречаются случаи, когда суд применял рассрочку оплаты судебного штрафа. Так, суд рассрочил И. оплату судебного штрафа в размере 40 000 руб. на 4 месяца, указав, что это «не противоречит требованиям закона и не нарушает прав участников процесса» [36]. Но Верховный Суд РФ не поддерживает такую позицию [37].

Полагаем, что в целях реализации принципа справедливости законодателю необходимо закрепить возможность рассрочки уплаты судебного штрафа (не более 6 месяцев) и регламентировать порядок ее применения, а также возможность предоставления отсрочки уплаты судебного штрафа сроком не более чем на 6 месяцев.

Резюмируя сказанное, отметим, что рассматриваемые законодательные новеллы связаны со стремлением государства минимизировать ежегодное пополнение контингента лиц, имеющих судимость [38], отечественный правотворец делает очередные шаги, направление на расширение мер, альтернативных наказанию, а также отказывается от борьбы с преступностью исключительно репрессивными мерами, что следует признать весьма значимым, поскольку существенным образом расширяются возможности уголовного закона по противодействию преступности.

Полагаем, что практика применения ст. 76.2 УК РФ покажет, насколько оправдаются ожидания, связанные с законодательными реформами. Но уже на сегодняшний день можно сделать вывод, что правовое регулирование прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с назначением судебного штрафа нуждается в существенной доработке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 19.
2. Постановление Президиума Новосибирского областного суда от 25 ноября 2016 г. по уголовному делу № 44у-246/2016.
3. Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Котласского судебного района от 15 марта 2017 г. по уголовному делу № 1-4//2017.
4. Постановление мирового судьи судебного участка № 50 Ванинского района Хабаровского края от 10 октября 2016 г. по уголовному делу № 1-96//2016. URL: <https://rospravosudie.com/courtsudebnyj-uchastok-50-vaninskogo-rajonaxabarovskogokraya-s/act-231490347/> (дата обращения: 21.04.2020).
5. Кудрявцева А., Сулягин К. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6. 318 с.
6. Постановление Заводоуковского районного суда Тюменской области от 29 мая 2017 г. по делу № 1-111/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2020).
7. Постановление Свердловского районного суда г. Белгорода (Белгородская область) от 23 марта 2018 г. по делу № 1-70/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2020).
8. Постановление Яранского районного суда Кировской области от 22 марта 2018 г. по делу № 1-32/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2020).
9. Апелляционное постановление Псковского областного суда от 16 августа 2017 г. по делу № 22-597/2017. Апелляционное постановление Верховного суда Удмуртской Республики от 22 августа 2017 г. по делу № 22-1539/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2020).
10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.
11. О внесении изменений в статьи 76.2 и 78 Уголовного кодекса Российской Федерации проект федер. закона. URL: http://www.google.ru/url?url=http://www.spravedlivo.ru/5_77902.html&rct=j&q=&esrc=s&sa=U&ved=0ahUKEwikyK6Gk_PQAhWHnMAKHQ2FBR8QFggfMAQ&usq=AFQjCNGo-52SrgWNxN-2GJoqTX9YROLNDw (дата обращения: 29.04.2020).

12. Монахова Л.В., Мусина А.Е. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Марийский юридический вестник. 2016. Т. 1, № 4 (19). 119 с.
13. Даниелян Р.С., Даниелян С.В. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности с назначением судебного штрафа // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Москва, 07 октября 2016 г. Саратов : Саратовский источник, 2016. 129 с.
14. «Хватит делать из меня террориста»: Варвара Караулова написала письмо из СИЗО «Лефортово». URL: <http://classic.newsru.com/russia/26apr2017/karaulovaletter.html> (дата обращения: 29.04.2020).
15. Савин Д.В., Сутурин М.А. Судебный штраф в уголовном праве // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. Курск, 22–23 сентября 2016 г. / отв. ред. А.А. Горохов. М. : Университетская книга, 2016. 136 с.
16. Федотов И.С. Нормы о применении положений меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа нуждаются в совершенствовании // Вестник СевКавГТИ. 2016. Т. 1, № 4 (27). С. 131.
17. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
18. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Башкортостан от 17 ноября 2016 г. по делу № 22-10183/2016. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 21.04.2020).
19. Юсупов М.Ю. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6. С. 122–128.
20. Постановление Автозаводского районного суда г. Тольятти от 27 октября 2016 г. по уголовному делу № 10-103/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2020).
21. Кубанцев С.П. Возмещение материального вреда потерпевшим: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. С.П. Кубанцев. М., 2016. 414 с.
22. Соктоев З.Б. Проблемы применения норм о судебном штрафе // Уголовное право. 2017. № 1. С. 211.
23. Постановление Аскизского районного суда Республики Хакасия по делу № 1-165/2016 от 21 ноября 2016 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2020).
24. Постановление Юргинского городского суда Кемеровской области по делу № 1-420/2016 от 27 декабря 2016 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2020).
25. Постановление Ленинского районного суда города Омска от 11.01.2017 по делу № 1-43/2017(1-774/2016;) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2020).
26. Дудченко М.Ю. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: возможные проблемы на практике // Уголовный процесс. 2016. № 10. С. 136.
27. Постановление Ленинского районного суда города Омска от 11.01.2017 по делу № 1-43/2017(1-774/2016;) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2020).
28. Апелляционное постановление Новосибирского областного суда от 03.02.2017 по делу № 22-337/2017(22-8596/2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2020).
29. Постановление Муромского городского суда Владимирской области по делу № 1-285 / 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2020).
30. Постановление Тюменского районного суда Тюменской области по делу № 1-325 / 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2020).
31. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 09.11.2016 г. по делу № 22-1966 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2020).
32. Постановление Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда от 10 ноября 2016 г. по делу № 1-50/2016. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 21.04.2020).
33. Постановление Волгоградского гарнизонного военного суда от 7 ноября 2016 г. по делу № 1-107/2016. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 21.04.2020).
34. Архипенко Т.В. Уголовное наказание в виде штрафа в законодательстве зарубежных стран // Российский следователь. 2008. № 21. С. 211.
35. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 18 июля 2017 г.) «Об исполнительном производстве». Ч. 5, ст. 103.1 // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
36. Постановление Новгородского районного суда от 9 ноября 2016 г. по делу № 1-1003/2016. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 21.04.2020).
37. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (ред. от 29 ноября 2016 г.). П. 21.2 // Российская газета. 2011. 30 дек.
38. Постановление Пленума ВС РФ от 31 июля 2015 г. № 37 «О внесении в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности” и “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2020).

The Principle of Justice in Imposing the Court Fine

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 16–24. DOI: 10.17223/23088451/16/4

Oleg V. Doroshenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: doroshenko-oleg-94@mail.ru

Keywords: court fine, principle of justice, other measures of criminal law.

In the article, the author lists the gaps in the imposition of a court fine and suggests the ways to solve the problem. When a person who has committed several crimes is released from criminal liability, a court fine should be imposed for each crime independently, indicating

the terms and procedure for payment. It is necessary to limit the exemption from criminal liability for some crimes. It is advisable to establish a minimum amount of a court fine, as well as to legislate the terms for its payment. There can be an installment plan and deferral of payment in order to implement the distributing aspect of the principle of justice. The amount of the court fine, the procedure and terms for its payment should depend on the property status of the guilty person.

References

1. Russian Federation. (2013) *Resolution No. 19 of the Plenum of the RF Armed Forces of June 27, 2013*. (In Russian).
2. Russian Federation. (2016) *Resolution of the Presidium of the Novosibirsk Regional Court of November 25, 2016, on Criminal Case No. 44u-246/2016*. (In Russian).
3. Russian Federation. (2017) *Resolution of the Magistrate of the Judicial District No. 1 of the Kotlas judicial region of March 15, 2017, on Criminal Case No. 1-4/2017*. (In Russian).
4. Russian Federation. (2016) *Resolution of the Magistrate of the Judicial District No. 50 of Vaninsky District of the Khabarovsk Territory of October 10, 2016, on Criminal Case No. 1-96*. [Online] Available from: <https://rospravosudie.com/courtsudebnyj-uchastok-50-vaninskogo-rajonaxabarovskogokraya-s/act-231490347/> (Accessed: 21st April 2020). (In Russian).
5. Kudryavtseva, A. & Sutyagin, K. (2016) Sudebnyy shtraf [Court fine]. *Ugolovnoe pravo*. 6. pp. 102–110.
6. Russian Federation. (2017) *Resolution of the Zavodoukovsky District Court of the Tyumen Region of May 29, 2017, in Case No. 1-111/2017*. [Online] Available from: SPS “Konsul’tantPlyus”. (Accessed: 29th April 2020). (In Russian).
7. Russian Federation. (2018) *Resolution of the Sverdlovsk District Court of Belgorod (Belgorod Region) of March 23, 2018, in Case No. 1-70/2018*. [Online] Available from: SPS “Konsul’tantPlyus”. (Accessed: 29th April 2020). (In Russian).
8. Russian Federation. (2018) *Resolution of the Yaransky District Court of the Kirov Region of March 22, 2018, in Case No. 1-32/2018*. [Online] Available from: SPS “Konsul’tantPlyus”. (Accessed: 29th April 2020). (In Russian).
9. Russian Federation. (2017) *Appellate Ruling of the Pskov Regional Court of August 16, 2017, in Case No. 22-597/2017. The appeal decision of the Supreme Court of the Udmurt Republic of August 22, 2017 in case No. 22-1539/2017*. [Online] Available from: SPS “Konsul’tantPlyus”. (Accessed: 29th April 2020). (In Russian).
10. Russian Federation. (2016) On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on improving the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Federal Law No. 323 of July 3, 2016. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 27(II). Art. 4256. (In Russian).
11. Russian Federation. (n.d.) On amendments to Articles 76.2 and 78 of the Criminal Code of the Russian Federation, Draft Fedal Law. [Online] Available from: http://www.google.ru/url?url=http://www.spravedlivo.ru/5_77902.html&rct=j&q=&esrc=s&sa=U&ved=0ahUKewikyK6Gk_PQAhWHCMAKHQ2FBR8QFggfMAQ&usq=AFQjCNGo-52SrgWNxN-2GJJoqTX9YROLNDw (Accessed: 29th April 2020). (In Russian).
12. Monakhova, L.V. & Musina, A.E. (2016) To the question of exemption from criminal responsibility with the appointment of a judicial fine. *Mariyskiy yuridicheskiy vestnik*. 4(19). (In Russian).
13. Danelyan, R.S. & Danelyan, S.V. (2016) [Some issues of exemption from criminal liability for crimes of an extremist orientation with the appointment of a court fine]. *Aktual'nye problemy ugolovnogo i ugolovno-protsessual'nogo prava: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Current problems of Criminal and Procedural Law: Current State and Development Prospects]. Proc. of the Conference. Moscow, October 7, 2016. Saratov: Saratovskiy istochnik. (In Russian).
14. Newsru.com. (2017) “Khvatit delat' iz menya terrorista”: Varvara Karaulova napisala pis'mo iz SIZO “Lefortovo” [“Stop making a terrorist out of me”: Varvara Karaulova writes a letter from the Lefortovo detention center]. [Online] Available from: <http://classic.newsru.com/russia/26apr2017/karaulovaletter.html> (Accessed: 29th April 2020).
15. Savin, D.V. & Suturin, M.A. (2016) Sudebnyy shtraf v ugolovnom prave [Court fine in criminal law]. In: Gorokhov, A.A. (ed.) *Trendy razvitiya sovremennogo obshchestva: upravlencheskie, pravovye, ekonomicheskie i sotsial'nye aspekty* [Development Trends of Modern Society: Managerial, Legal, Economic, and Social Aspects]. Moscow: Universitetskaya kniga.
16. Fedotov, I.S. (2016) Normy o primeneniі položeniy mery ugolovno-pravovogo kharaktera v vide sudebnogo shtrafa nuzhdayutsya v sovershenstvovanii [The norms on the court fine imposition need to be improved]. *Vestnik SevKavGTI*. 4(27). pp. 104–107.
17. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2016). 2.
18. Russian Federation. (2016) *Appellate Ruling of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan of November 17, 2016, on Case No. 22-10183/2016*. [Online] Available from: <http://sudact.ru/> (Accessed: 21st April 2020).
19. Yusupov, M.Yu. (2016) Issues of application of new type of release of criminal liability with imposition of a court fine. *Ugolovnoe pravo*. 6. pp. 122–128. (In Russian).
20. Russian Federation. (2016) *Resolution of the Avtozavodsky District Court of Togliatti of October 27, 2016, on criminal case No. 10-103/2016*. [Online] Available from: SPS “Konsul’tantPlyus”. (Accessed: 29th April 2020). (In Russian).
21. Kubantsev, S.P. (ed.) (2016) *Vozmeshchenie material'nogo vreda poterpevshim: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Compensation for material harm to victims: comparative legal study]. Moscow: Kontrakt.
22. Soktoev, Z.B. (2017) The difficulties of legal rules on a court fine. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 90–94. (In Russian).
23. Russian Federation. (2016) *Resolution of the Askizsky District Court of the Republic of Khakassia in Case No. 1-165/2016 of November 21, 2016*. [Online] Available from: SPS “Konsul’tantPlyus”. (Accessed: 21st April 2020). (In Russian).
24. Russian Federation. (2016) *Resolution of the Yurginsky City Court of the Kemerovo Region in Case No. 1-420/2016 of December 27, 2016*. [Online] Available from: SPS “Konsul’tantPlyus”. (Accessed: 21st April 2020). (In Russian).
25. Russian Federation. (2017) *Resolution of the Leninsky District Court of the city of Omsk of November 1, 2017, in Case No. 1-43/2017 (1-774/2016)*. [Online] Available from: SPS “Konsul’tantPlyus”. (Accessed: 21st April 2020). (In Russian).
26. Dudchenko, M.Yu. (2016) Osvobozhdenie ot ugolovnoy otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa: vozmozhnye problemy na praktike [Exemption from criminal liability with the appointment of a court fine: possible problems in practice]. *Ugolovnyy protsess*. 10.

27. Russian Federation. (2017) *Resolution of the Leninsky District Court of the city of Omsk of January 11, 2017, on Case No. 1-43/2017 (1-774/2016)*. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 21st April 2020). (In Russian).
28. Russian Federation. (2017) *Appellate Ruling of the Novosibirsk Regional Court of February 3, 2017, in Case No. 22-337/2017 (22-8596/2016)*. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 21st April 2020). (In Russian).
29. Russian Federation. (2016) *Resolution of the Murom City Court of the Vladimir Region in Case No. 1-285/2016*. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 21st April 2020). (In Russian).
30. Russian Federation. (2016) *Resolution of the Tyumen District Court of the Tyumen Region in Case No. 1-325/2016*. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 21st April 2020). (In Russian).
31. Russian Federation. (2016) *Appellate Ruling of the Supreme Court of the Republic of Dagestan of November 9, 2016, in Case No. 22-1966*. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 21st April 2020). (In Russian).
32. Russian Federation. (2016) *Resolution of the Yuzhno-Sakhalin garrison military court of November 10, 2016, in Case No. 1-50/2016*. [Online] Available from: <http://sudact.ru/> (Accessed: 21st April 2020). (In Russian).
33. Russian Federation. (2016) *Resolution of the Volgograd Garrison Military Court of November 7, 2016, in Case No. 1-107/2016*. [Online] Available from: <http://sudact.ru/> (Accessed: 21st April 2020). (In Russian).
34. Arkhipenko, T.V. (2008) Ugolovnoe nakazanie v vide shtrafa v zakonodatel'stve zarubezhnykh stran [Criminal punishment in the form of a fine in the legislation of foreign countries]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 21.
35. Russian Federation. (2007) Federal Law No. 229-FZ of October 2, 2007 (as amended on July 18, 2017) "On Enforcement Proceedings". Part 5 of Art. 103.1. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 41. Art. 4849.
36. Russian Federation. (2016) *Resolution of the Novgorod District Court of November 9, 2016, in Case No. 1-1003/2016*. [Online] Available from: <http://sudact.ru/> (Accessed: 21st April 2020). (In Russian).
37. Russian Federation. (2011) Resolution No. 21 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 20, 2011, "On the practice of law enforcement by courts" (as amended on November 29, 2016). P. 21.2. *Rossiyskaya gazeta*. 30th December.
38. Russian Federation. (2015) Resolution No. 37 of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation of July 31, 2015, "On introducing draft federal laws to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation 'On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on improving the grounds and procedure for release from criminal liability' and 'On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law on amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the improvement of the grounds and procedure for exemption from criminal liability'". [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 21st April 2020). (In Russian).

В.С. Ишигеев, В.Л. Лапша

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ, ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА (ст. 321 УК РФ)

Рассматривается дискуссионный с позиции квалификации вопрос о содержании действий, приводящих к дестабилизации исправительных учреждений. Также подчеркивается, что само используемое понятие дезорганизации применительно к деятельности исправительных учреждений нуждается в разъяснении в аспекте их направленности и последствий, имеющих квалифицирующее значение. В связи с этим предложена рекомендация, учитывающая последствия от таких действий, которые практически всегда имеют место.

Ключевые слова: уголовный закон, состав преступления, дезорганизация исправительных учреждений, исполнение наказания, уголовная ответственность.

Преступность в местах лишения свободы является неотъемлемой частью преступности в стране.

Преступления, совершаемые в исправительных учреждениях, представляют серьезную проблему, в том числе потому, что подрывают авторитет уголовно-исполнительной системы, препятствуют достижению целей наказания, дестабилизируют обстановку в местах лишения свободы, оказывая негативное воздействие на поведение осужденных.

В настоящее время в местах лишения свободы 58% осужденных судимы неоднократно; 47% отбывают наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в исправительных колониях образуются многочисленные группировки отрицательной направленности, придерживающиеся преступных традиций уголовно-криминальной среды, ведь непосредственно в местах лишения свободы формируется «идеология преступного мира», произошло слияние двух форм преступной деятельности: организованной и общеуголовной.

Одновременно в местах лишения свободы под влиянием «преступной идеологии» происходит своеобразный «захват власти», когда исправительные колонии и их контингент начинают отбывать наказание по «уголовным понятиям» в соответствии с «криминальной субкультурой», а не по нормам уголовно-исполнительного законодательства, т.е. в настоящее время можно наблюдать противостояние: «они и мы!» Исправительные колонии, где действуют «криминальные субкультуры», называют «черными», а те колонии, где действуют нормы уголовно-исполнительного законодательства и Правила внутреннего распорядка, именуют «красными».

Задачей «криминалиста» в настоящее время является распространение своего влияния на большую часть осужденных с целью захвата власти в исправительных учреждениях.

Одним из таких действий осужденных в местах лишения свободы по переориентированию исправительных колоний являются действия по дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Несмотря на то, что в структуре преступности в местах лишения свободы действия по дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, всего 2–3%, нельзя не учитывать, что эти

преступления характеризуются высокой степенью общественной опасности, причиняют существенный вред исправлению осужденных и предупреждению преступлений.

При этом не следует забывать, что важная роль в предупреждении преступлений в местах лишения свободы принадлежит уголовно-правовым мерам, так как ч. 1 ст. 2 УК РФ предусмотрела предупредительную функцию уголовного законодательства, но гарантированность борьбы с преступностью зависит от содержания уголовно-правовой нормы и уровня правоприменения.

Исходя из наименования ст. 321 УК РФ, видно, что данная уголовно-правовая норма регулирует и охраняет такие общественные отношения, которые призваны обеспечить деятельность учреждений, исполняющих по приговору суда уголовные наказания в виде лишения свободы.

Впервые термин «дезорганизация» был введен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» [1], вызвав неоднозначную оценку в теории и практике, так как с лингвистических позиций он полисемичен. Так, с одной стороны, «дезорганизатор» – человек, нарушающий порядок, дисциплину, а с другой – нарушение общественного порядка, дисциплины, расстройство организации, развал» [2. С. 204].

Именно поэтому можно объяснить неоднозначную позицию ученых в отношении объема и содержания данного термина [3–5].

В УК РФ 1996 г. законодатель также не дал определение понятия дезорганизации деятельности исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Поэтому исходя из смысла нормы ст. 321 УК РФ, можно сделать вывод, что под «дезорганизацией деятельности исправительных учреждений» следует признать определенные действия, выразившиеся в следующем:

а) применение насилия, не опасного для жизни и здоровья осужденного, либо угроза применения насилия в его отношении с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы;

б) те же действия в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в

связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких;

в) деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья.

Таким образом, степень дезорганизации работы учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, различна, так как зависит от правового статуса потерпевших, от степени интенсивности насилия и от совершения преступления организованной группой.

Жизнь и здоровье всех граждан уголовным правом охраняется одинаково, независимо от индивидуальных качеств потерпевшего. В случае же применения ст. 321 УК РФ законодатель, устанавливая повышенную уголовную ответственность за нападение на осужденных с целью воспрепятствовать их исправлению или из мести за содействие администрации, исходит из того, что кроме причинения вреда здоровью осужденным это преступление причиняет ущерб деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы по исполнению приговора суда.

Для правильного применения ст. 321 УК РФ представляется важным определить, в отношении какой категории осужденных направлены действия по дезорганизации учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Термины, указанные в диспозиции ст. 321 УК РФ, характеризующие субъективную сторону преступления, впервые были указаны в УК 1996 г., а до этого они определялись в разъяснении высшей судебной инстанции [6. С. 27–28].

Между тем, как отмечает А.А. Примаков, «фактически любой осужденный, добросовестно выполняющий обязанности, возложенные на него нормами уголовно-исполнительного законодательства и Правилами внутреннего распорядка» [7. С. 78], может стать жертвой преступления, так как в соответствии с ч. 1 ст. 9 УИК РФ «исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам, традициям человеческого общежития и стимулирования правопослушного поведения».

В результате проведенного исследования установлено, что поведение потерпевших от действий осужденных, придерживающихся традиций и обычаев «криминальной субкультуры», отличается большим разнообразием.

Среди ситуаций, в которых поведение потерпевшего способствует совершению преступлений, является непротиводействие преступникам. Так, осужденные, добросовестно работающие на производстве, отличающиеся примерным поведением, вынуждены подчиняться различного рода поборам во «благо воровское» (общую кассу взаимопомощи), так как в колонии сильно влияние отрицательной части осужденных, определяющих, что каждый обязан вносить свою долю в «общак», а в противном случае он должен быть наказан.

Будут ли эти действия означать воспрепятствование?

В соответствии с Правилами внутреннего распорядка и в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством все осужденные обязаны содействовать адми-

нистрации в поддержании порядка. Респонденты из числа осужденных отмечают, что выпады и нападения «отрицательной» части осужденных происходят в отношении невольных, порядчиков, бригадиров, называемых «красными», сотрудничающих с администрацией, т.е. это, думается, надо рассматривать как нападение из мести.

Вместе с тем нельзя согласиться с мнением А.А. Примакова, считающего что данное преступление не должно ограничиваться территорией исправительного учреждения, так как месть осужденному, оказывающему содействие администрации, возможна и тогда, когда он уже освобождается из мест лишения свободы [7. С. 89].

Важным моментом современной диспозиции ст. 321 УК РФ является то, что в неравном положении находится категория вольнонаемных работников исправительных колоний, которые в своей повседневной деятельности также принимают участие в исправительном воздействии на осужденных. Это мастера производственного обучения, врачи, учителя и др.

Нормальная работа учреждений уголовно-исполнительной системы предполагает должную охрану служебной деятельности лиц, которые наравне с аттестованными сотрудниками исправительных учреждений обеспечивают исполнения наказания назначенного по приговору суда.

Даже в диспозиции ст. 77¹ УК РСФСР 1960 г. было сказано, что потерпевшим при совершении действий, дезорганизующих ИТУ, является представитель администрации мест лишения свободы. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 декабря 1962 г. № 16 «О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений» указал, что «представителями администрации следует рассматривать: лиц начальствующего состава исправительно-трудовых учреждений; личный состав конвойной охраны и надзирательский состав; вольнонаемный состав, осуществляющий в местах лишения свободы политико-воспитательную работу и медицинское обслуживание; административный и инженерно-технический персонал, руководящий производственной деятельностью заключенных» [8. С. 12].

Думается, что вопрос о расширении круга потерпевших по ст. 321 УК РФ должен быть пересмотрен законодателем, и подобное имеется в УК Республики Беларусь, где в ст. 410 УК Республики Беларусь предусмотрено, что при действиях, дезорганизующих работу учреждений уголовно-исполнительной системы, потерпевшими являются представители администрации, тем самым уравнивая две категории сотрудников: вольнонаемных и аттестованных [5. С. 180].

Степень дезорганизации мест лишения свободы, исходя из диспозиции ст. 321 УК РФ, может быть различной. Любой случай применения насилия к осужденным, вставшим на путь исправления, или из мести за содействие администрации, а также за посягательства на сотрудников исправительных учреждений расстраивает деятельность мест лишения свободы более существенно или на более продолжительное время, что свидетельствует о высокой степени дезорганизации исправительного учреждения.

Важной составляющей реальности современной дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, является причинение материального ущерба. Так, в настоящее время повсеместно при дезорганизации учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, совершается уничтожение имущества исправительных колоний, а причинение ущерба в диспозиции ст. 321 УК РФ не предусмотрено, хотя в 2012 г. в исправительной колонии № 6 г. Копейска Челябинской области, в 2017 г. в воспитательной колонии г. Ангарска, в 2020 г. в исправительной колонии № 15 г. Ангарска был причинен миллионный ущерб, когда были уничтожены подсобные хозяйства, цеха, здания и т.д.

Поэтому полагаем, что в диспозиции ст. 321 УК РФ в порядке *de lege ferenda* считаем возможным предложить внесение нового квалифицирующего признака – «при-

чинение значительного и крупного ущерба». Вариантом мог бы служить правовой механизм взыскания штрафа, при котором его уплата становится «очень выгодной», а его неуплата «очень невыгодной». Это стимулировало бы осужденного добровольно «рассчитаться» с государством, нежели претерпевать длительные серьезные негативные последствия, связанные с неуплатой. Таким стимулом, например, могло бы служить сокращение его размера в случае уплаты в сокращенный срок, например, по аналогии с п. 1.3 ст. 32.2 КоАП РФ, 30 дней со дня вступления приговора в законную силу, уплата может быть осуществлена в размере половины суммы назначенного судом штрафа. Неуплата же, напротив, независимо от того, назначен штраф в качестве основного или дополнительного, влекла бы замену на более суровое наказание в усиливающей кару пропорции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ведомости* Верховного Совета СССР. 1961. № 19. Ст. 207.
2. *Словарь иностранных слов* / под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ГИС, 1954. 856 с.
3. Кузнецов А., Романов А. Отграничение действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений, от хулиганства в местах лишения свободы // Советская юстиция. 1963. № 23.
4. Костюк М. Объект уголовно-правовой охраны в исправительных учреждениях // Законность. 1999. № 10.
5. Ишигеев В.С. Пенитенциарные преступления. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД, 2002. 270 с.
6. *Бюллетень* Верховного Суда СССР. 1985. № 4.
7. Примак А.А. Уголовная ответственность за преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск. 2003. 220 с.
8. *Бюллетень* Верховного Суда СССР. 1962. № 6.

Selected Issues of Qualification of Actions Disorganizing the Activities of Institutions Providing Isolation From Society (Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 25–27. DOI: 10.17223/23088451/16/5

Vladimir S. Ishigeev, Institute of State and Law, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: vladimir.ishigeev@mail.ru

Vadim L. Lapsha, Institute of State and Law, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru

Keywords: criminal law, corpus delicti, disorganization of correctional institutions, execution of punishment, criminal liability.

Prison crime is an integral part of crime in the country. Crimes committed in correctional institutions pose a serious problem, because they undermine the penitentiary system authority, impede the punishment goal achievement, destabilize the situation in prisons, and have a negative impact on the convicts' behavior. Currently, 58 % of convicts in prisons have been tried repeatedly; 47% are serving sentences for committing grave and especially grave crimes. Numerous groups of negative-minded convicts in penal colonies adhere to the traditions of the criminal environment with its "criminal ideology". The two forms of criminal activity – organized and conventional – have merged: organized and conventional. The "criminal ideology" in prisons bring about the "seizure of power", when correctional colonies and their contingent begin to serve sentences according to "criminal notions" in accordance with the "criminal subculture", not according to the norms of executive legislation. The present day shows the confrontation between "us" and "them". The correctional colonies with "criminal subcultures" are called "black", while those where the norms of executive legislation and the Internal Regulations prevail are called "red".

References

1. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. (1961) 19. Art. 207.
2. Lekhin, I.V. & Petrov, F.N. (eds) (1954) *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. 4th ed. Moscow: GIS.
3. Kuznetsov, A. & Romanov, A. (1963) *Otgranichenie deystviy, dezorganizuyushchikh rabotu ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy, ot khuliganstva v mestakh lisheniya svobody* [Delimitation of actions that disrupt the work of correctional labor institutions from hooliganism in places of detention]. *Sovetskaya yustitsiya*. 23.
4. Kostyuk, M. (1999) *Ob'ekt ugolovno-pravovoy okhrany v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh* [Object of criminal law protection in correctional institutions]. *Zakonnost'*. 10.
5. Ishigeev, V.S. (2002) *Penitentsiarnye prestupleniya* [Penitentiary crimes]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs.
6. *Byulleten' Verkhovnogo Suda SSSR*. (1985). 4.
7. Primak, A.A. (2003) *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya, posyagayushchie na ustanovlennyy poryadok ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody* [Criminal liability for crimes against the established procedure for the execution of imprisonment]. Law Cand. Diss. Krasnoyarsk.
8. *Byullyuten' Verkhovnogo Suda SSSR*. (1962). 6.

УДК 343.1, 343.7, 343.72

DOI: 10.17223/23088451/16/6

О.В. Ханинева

**ОБЩИЕ ПРИЧИНЫ И НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ МОШЕННИЧЕСТВ,
СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ, В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Описываются основные причины увеличения числа зарегистрированных мошенничеств, совершенных на территории Российской Федерации за последние 4 года. Также приводятся примеры наиболее распространенных видов мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных устройств, таких как «сообщение по телефону о совершенном родственником дорожно-транспортном происшествии»; «победа в розыгрыше, проводимом компанией-оператором сотовой связи»; «взлом страниц социальных сетей»; «сообщение от банка о блокировке карты»; «покупка товара на интернет-сайтах». Автором указываются первичные способы предупреждения и пресечения таких преступлений сотрудниками органов внутренних дел и меры, принимаемые самими гражданами.

Ключевые слова: *мошенничество, мобильные устройства, Интернет, пресечение, предупреждение.*

В течение последних нескольких лет на территории Российской Федерации, согласно официальной статистике, представленной Главным управлением правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации, совершение грабежей и разбойных нападений, предметом которых являлись мобильные телефоны и денежные средства граждан, сменились новым бесконтактным видом мошенничества.

Так, согласно отчетам о состоянии преступности в РФ, представленным порталом правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ:

– за 2017 г. количество преступлений, совершенных в форме мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ), по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. увеличилось на 6,6% и составило 222 772 преступления. Наибольший рост зарегистрированных преступлений данного вида наблюдается в Саратовской области (на 2 394; +124%), Калининградской области (на 1 247; +120,8%);

– за 2018 г. более трети всех зарегистрированных преступлений (42,3%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем краж – 756 395 (–4,1%), грабежей – 50 111 (–11,9%), разбоев – 7 474 (–17,9%). Количество преступлений, совершенных в форме мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ), по сравнению с аналогичным периодом прошлого года снизилось на 3,5% и составило 215 036 преступлений. Наибольший рост мошенничеств наблюдается в Новосибирской области (на 1 883; +42,7%), Республике Крым (на 1 066; +57,6%), Краснодарском крае (на 1 028; +10,5%);

– за 2019 г. более трети всех зарегистрированных преступлений (42,5 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем краж, – 774 159 (+2,3%), грабежей – 45 815 (–8,6%), разбоев – 6 739 (–9,8%). Количество преступлений, совершенных в форме мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ), по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилось на 19,6% и составило 257 187 преступлений.

Наибольший рост мошенничеств наблюдается в г. Москве (на 4 895; +20,1%), Ростовской области (на 3 509; +59,2%), Краснодарском крае (на 2 869; +26,5%), Ставропольском крае (на 1 777; +35,6%);

– за январь–май 2020 г. уже более половины всех зарегистрированных в стране преступлений составляют хищения чужого имущества. Каждый пятый факт связан с кражей денежных средств с банковского счета (58 993 из 289 386), большинство подобных случаев выявлено в г. Москве (6 111). Наряду с этим в России заметно сократилось количество грабежей (–10,4%, 17 245) и разбоев (–19,3%, 2 320). Увеличилось число преступлений, совершенных путем мошенничества, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 22,2%. Каждое седьмое деяние зарегистрировано в г. Москве (16 006 из 107 543). На долю мошенничеств, совершенных с использованием интернета, мобильных средств связи, компьютерной техники или других информационно-телекоммуникационных технологий, приходится 66% (71 162, +60%). Более чем вдвое увеличилось количество мошенничеств с использованием электронных средств платежей (+113,3%, 11 248). Среди субъектов Российской Федерации наиболее негативно выделяются Омская область (1 012, +209,5%) и Пермский край (816, +325%). За январь–май 2020 г. их количество возросло более чем на 85% (до 180,5 тыс.). Если годом ранее такими деяниями было каждое десятое регистрируемое преступление, то сегодня это уже каждое пятое. Больше половины из них (56,6%) совершается с использованием сети Интернет (+74,1%, 102,2 тыс.), свыше 40% – при помощи средств мобильной связи (+99,7%, 76,6 тыс.). Три четверти таких преступлений совершается путем кражи или мошенничества (+96,2%, 143 тыс.).

Средства массовой информации также выражают опасения населения в «пабликах», сообщая, что, как следует из данных Росстата, по итогам первого полугодия случился рекордный за последние три года всплеск различных мошеннических преступлений – сразу на 11% по сравнению с аналогичным периодом 2018 г.

В России произошел рекордный за последние три года всплеск мошенничества. В первом полугодии 2019 г. в стране зарегистрировано 122,8 тыс. таких преступлений, и это на 10,9% больше, чем было зафиксировано за аналогичный период 2018 г. Последний раз мощный всплеск по этому виду преступлений фиксировали в первом полугодии 2016 г., был резкий рост сразу примерно на 25% в годовом выражении.

К аналогичному выводу приходили и иные авторы, исследовавшие более ранний период времени рассматриваемого вопроса (2003–2008 гг.), который показал общий рост преступности в РФ на 16,5%, а по мошенничествам – на 120,1% [1. С. 34–40].

Для начала приведем результаты проведенного анализа правоприменительной практики за рассматриваемый период времени, который показал, что основными видами мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, продолжают оставаться такие, как:

- совершение телефонного звонка или направление sms преступником в адрес неопределенного круга лиц, и ложное сообщение о совершении их родственником / другом, дорожно-транспортного происшествия. За «решение» проблем, по которому «попавшему в беду» требуется некоторая сумма денежных средств, которые последний должен отдать сотруднику полиции / пострадавшему в ДТП / оплатить эвакуатор или штраф-стоянку, диктуя при этом банковский счет или номер мобильного телефона, привязанного к карте преступников;

- направление sms от имени компаний операторов сотовой связи или иных организаций с информацией о выигрыше потерпевшим приза, при этом запрашивая у такого абонента данные банковской карты и sms-кодов для «перевода» денежной суммы на счет «победителя». Получив доступ к ним, используя специальные программы, преступники переводят на свои счета все денежные средства с карт и счетов потерпевших;

- написание сообщения в социальных сетях путем «взлома» личных страниц с просьбой одолжить денежные средства от имени «друзей» с указанием банковского счета или номера мобильного телефона преступников для пополнения баланса;

- звонки или sms от представителей банков под предлогами «ваша карта заблокирована», с просьбой сообщения реквизитов своих карт и CVC-кодов для якобы разблокировки счетов, и под другими благовидными предлогами, помогающими преступникам завладеть информацией, позволяющей впоследствии совершать операции с денежными средствами от имени потерпевших без их непосредственного участия;

- размещение на сайтах, подобных «Avito», объявлений о продаже «товара», для приобретения которого требуется 100% предоплата в адрес продавца с указанием в переписке номеров карт и счетов, по факту не отправляя в адрес покупателя приобретенный «товар» или отправляя «муляж».

Примерно таким же способом совершаются мошенничества с использованием «зеркальных сайтов». Это далеко не полный перечень способов совершения обмана собственников имущества с целью его хищения.

В совершении таких преступлений придумываются все новые и новые способы, разрабатываются специальные программы, позволяющие использовать ip-телефонию, sip-телефонию, совершать телефонные звонки якобы со стационарных номеров телефонов, например +7(495), +7(8-800) и т.п., что еще в большей степени позволяет вводить в заблуждение население страны, которое предполагает, что звонок действительно осуществляется банковскими работниками головных офисов, расположенных в г. Москве.

Для размещения похищенных денежных средств преступники, помимо предприятий, находящихся в оффшорных зонах, и таких же банковских счетов, примерно с 2018 г. активно стали использовать перевод денежных знаков в криптовалюту, в частности, в биткоины (Bitcoin), что значительно усложнило выявление лиц, совершивших преступление, их связи, а также отслеживание похищенного имущества и тем более его изъятие и возврат законному владельцу.

При этом при обращении к сети Интернет с вопросом о возможности перевода денег в биткоины, поисковая система Яндекс выдает более 12 млн результатов. В том числе и с использованием популярнейшего приложения «Сбербанк онлайн».

Учитывая вышеописанные способы, такие мошенничества принято считать совершенными «дистанционно». Определение дистанционному мошенничеству в своей работе дал Р.В. Кудрявцев: «Дистанционное мошенничество – это совершение такого вида мошенничества, при котором виновный, чаще всего, используя компьютерные и телефонные сети, воздействует на сознание потерпевшего путем обмана, склоняет к передаче имущества удаленным образом» [2. С. 218–221].

По мнению автора, совершению подобного рода мошенничеств в Российской Федерации способствовал ряд причин, например таких, как:

1. Значительное развитие информационно-телекоммуникационных возможностей у населения страны в целом. Современное общество и ритмы жизни диктуют развитым странам необходимость активно внедрять в повседневную жизнь новейшие разработки в области информационных технологий, проходить глобализацию информационных процессов. И российское общество этому не исключение.

Такие возможности используются во всех значимых отраслях жизнедеятельности, например таких, как: образование всех видов и уровней, начиная от начальной школы и вплоть до высших учебных заведений, в которых происходит демонстрация материала, участие удаленным способом в видеоконференциях, дистанционное обучение и т.д.; в медицине, включая консультации, операции, апробацию медицинского оборудования; в торговле – заключение сделок и отправка документов посредством электронной почты, а также совершение оплаты и т.п.

2. Снижение цен на мобильные телефоны и иные мобильные устройства, что позволило значительной части граждан стать их владельцами. В связи с активной покупательской способностью и перенасыщением рынка сбыта мобильных телефонов и тому подобных

гаджетов (планшетов и т.п.) ценовая политика производителей стала более доступной для российских граждан. По этой причине практически у каждого человека различной возрастной категории имеется как минимум один мобильный телефон.

Данные нововведения, как следствие, сделали общество активными пользователями: социальных сетей, мобильных приложений, электронной почтой и другими возможностями, предоставленными сетью Интернет, как в личных целях (переводы денежных средств для оплаты коммунальных услуг, обучения, и т.п.), так и в рабочих (оплата товара по договорам, выплата заработной платы работникам и т.п.).

3. Внедрение в пользование лиц зарплатных проектов, переход на электронные платежные системы и др. Одним из социальных факторов, способствующих увеличению роста количества совершаемых мошенничеств рассматриваемой категории, автор считает глобальное внедрение банковских продуктов населению, таких как пластиковые дебетовые и кредитные карты (включая зарплатные, студенческие и пенсионные проекты), виртуальные счета, мобильный банкинг, интернет-магазины, работа с которыми осуществляется через личный кабинет, а равно посредством использования сети Интернет.

При этом для совершения операции по счетам работниками сайтов и владельцами интернет-магазинов запрашивается информация о кодах CVV2/CVC2, указанных банком, выпускающим пластиковые карты, расположенных на их оборотной стороне, зная которые, можно совершить любые денежные операции в пределах установленных банком лимитов. Отмена таких операций даже через обращение в банк практически не возможна.

Все вышеперечисленное способствует тому, что население РФ, вне зависимости от возраста, в 70% случаев перестало хранить наличные денежные средства при себе, в связи с чем количество совершаемых грабежей и разбойных нападений снизилось ввиду отсутствия предмета хищения и вместе с тем увело преступность в «безналичное пространство». Вследствие этого совершению таких мошенничеств подверглась практически вся взрослая часть общества, имеющая право и возможность пользования банковскими продуктами и мобильными устройствами.

Ущерб, причиняемый таким видом мошенничества, исчисляется миллионами рублей в год, как показывают официально опубликованные данные.

Кроме этого, как показывает практика, многие из потерпевших сразу после совершения в отношении них преступления не принимают мер к обращению в правоохранительные органы под влиянием заблуждения, в которое они были введены преступниками (в качестве примера можно привести уголовное дело, возбужденное по ч. 3 ст. 159 УК РФ в отношении неустановленного лица. Согласно материалам уголовного дела, летом 2017 г. гражданин А. приобрел посредством сети Интернет в фирме Х биологически активные добавки (далее – БАДы), однако должного эффекта от их приема не получил. Спустя год неустановленное лицо по-

звонило на мобильный телефон гражданину А. 1972 года рождения и, представившись сотрудником прокуратуры г. Москвы, пояснило, что он имеет право на компенсационные выплаты в сумме 580 000 руб. за то, что ранее приобретенные потерпевшим БАДы, не вылечили его болезнь. При этом неустановленное лицо пояснило, что для получения вышеуказанной компенсации мужчина должен заплатить налог в сумме 34 800 руб. на указанный преступником счет, которые якобы впоследствии вернутся на его счет обратно вместе с компенсацией. Гражданин А., будучи введенным в заблуждение, не осознавая истинные намерения преступников, с помощью онлайн-банкинга совершил неоднократные переводы, в общей сложности на 440 000 руб. Обратился в правоохранительные органы с заявлением о хищении спустя 3 месяца, так как все это время ожидал перевода в размере 1 020 000 руб. в качестве компенсации) [3].

Причинами «большой популярности» совершения мошенничеств вышеописанными бесконтактными способами у преступников являются: 1) расширенный круг потенциальных потерпевших; 2) возможность донести некую ложную информацию до потерпевших, оставаясь незамеченным; 3) обеспечение собственной анонимности и безопасности, исключение возможности опознания внешности и демонстрации голоса, по которому возможно было бы провести фonoскопическую экспертизу; 4) возможность удаленного получения от жертвы денежных средств в различных суммах; 5) возможность нахождения потерпевшего и участников преступной группы относительно друг друга на значительном территориальном удалении – от разных субъектов РФ до разных стран.

Все эти факторы делают раскрытие и расследование такого вида мошенничества крайне сложными.

Таким образом, в настоящее время преступники получили реальную возможность воспользоваться складывающейся ситуацией некоего замешательства правоохранительных органов в регулировании методов выявления, документирования и расследования данного вида преступлений, поняв, что для получения незаконного обогащения не обязательно совершать «опасные для себя» виды преступлений, связанные с нападением, применением насилия в отношении потерпевших и т.п., при этом оставаясь длительное время не установленными.

Зачастую представители преступного мира, избирая новый способ совершения преступлений, успевают выработать свои методы и тактику, опробовать технические средства, используемые при совершении преступления, а также подобрать соучастников из числа лиц, обладающих специальными познаниями. Чего нельзя в настоящее время сказать о сотрудниках правоохранительных органов, которые в большинстве случаев не успевают переориентироваться и надлежащим образом противостоять неизвестным методам совершения преступлений, в том числе ввиду отсутствия общей стратегии поведения в борьбе с мошенничествами.

Подводя итоги, сделаем несколько выводов.

1. Нынешнее время диктует необходимость совершенствования уровня профессиональных знаний и

умений у сотрудников органов внутренних дел, которые в силу своих должностных обязанностей принимают участие в выявлении, раскрытии и расследовании рассматриваемого вида преступлений.

2. Для решения возникающих проблем в качестве консультантов и исполнителей направляемых в рамках расследования уголовных дел запросов и постановлений суда следует привлекать к взаимодействию организации, такие как операторы сотовой связи, банки, интернет-провайдеры и иные, с помощью которых возможно будет наладить оперативное получение данных, блокирование денежных средств на счетах при попытках совершения финансовых операций с использованием номеров телефонов, сайтов и т.п., ранее замеченных при совершении преступлений или противоправных действий.

3. Говоря о предупреждении и пресечении совершения мошенничеств в отношении граждан, следует отметить отсутствие у населения страны в целом должной реакции на сведения, распространяемые правоохранительными органами с помощью средств массовой информации, а также личных профилактических бесед о мерах по реагированию на действия преступников, направленных на хищение имущества, путем обмана и злоупотребления доверием.

4. Данную работу надлежит продолжать, доводя до населения страны информацию о новых способах совершения преступлений и противостояния им, основной упор делая на запрет сообщать посторонним лицам данные о номерах своих банковских счетов, sms-кодов и паролей для входа в онлайн-банкинг, личный кабинет и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров С.А. Анализ состояния мошенничества в России // Российский следователь. 2009. № 13. С. 34–40.
2. Кудрявцев Р.В. Организация деятельности по раскрытию дистанционных мошенничеств // Молодой ученый. 2019. № 24. С. 218–221.
3. Уголовное дело № 11801120011000317 от 21.09.2018 данные ИЦ УМВД России по Астраханской области // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2020).

General Causes and Some Types of Fraud Committed With the Use of Information and Telecommunication Technologies in the Russian Federation

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 28–31. DOI: 10.17223/23088451/16/6

Olga V. Khanineva, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: hani-neva83@mail.ru

Keywords: fraud, mobile devices, Internet, suppression, prevention.

The article describes the main reasons for the increase in the number of registered frauds committed in the Russian Federation over the past 4 years and provides examples of the most common types of fraud committed with the use of information and telecommunication devices. The author analyzes the reasons for committing frauds using communication facilities and information and communication technologies, with the focus on their types, ways of commission, categories of citizens most susceptible to these crimes. The author lists the most common types of fraud and their nature and proposes improvements for further activities of law enforcement officers to promote cooperation with other organizations involved in transferring and storing funds of citizens (banks) and providing communication services via the Internet (providers, companies of cellular operators) with the aim to curb the growth of crimes and achieve the high-quality prevention and protection of information about citizens and their funds.

References

1. Petrov, S.A. (2009) Analiz sostoyaniya moshennichestva v Rossii [Fraud in Russia]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 13. pp. 34–40.
2. Kudryavtsev, R.V. (2019) Organizatsiya deyatel'nosti po raskrytiyu distantsionnykh moshennichestv [Organization of activities to disclose remote fraud]. *Molodoy uchenyy*. 24. pp. 218–221.
3. Russian Federation. (2018) *Criminal case No. 11801120011000317 of September 21, 2018, data of the IC UMVD of Russia for the Astrakhan Region*. [Online] Available form: SPS “KonsultantPlus” (Accessed: 20th April 2020). (In Russian).

В.Д. Филимонов

МЕХАНИЗМ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОПЛОЩЕНИЯ В НАКАЗАНИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Рассматриваются справедливость как принцип права и уголовно-правовой принцип справедливости как принцип возмездной справедливости; дается философская трактовка соответствия явлений как определяющего критерия воплощенного в наказании принципа справедливости; определяется, что механизм назначения наказания проявляет себя в процессе регулирования уголовно-правовых отношений в качестве правового инструмента воплощения в наказании принципа справедливости.

Ключевые слова: *принципы уголовного права, справедливость, наказание, назначение наказания, механизм назначения наказания.*

Справедливость как принцип права. Уголовно-правовой принцип справедливости как принцип возмездной справедливости. В своих исследованиях автор настоящей работы исходит из представления о справедливости как о таком нравственном и социальном требовании к взаимосвязи и взаимодействию людей в различных сферах общественных отношений, которое, выражая единство личных и общественных интересов и потребность развития общества по пути прогресса, направлено на разрешение противоречий в общественной жизни [1. С. 94]. Отмеченные в этом определении признаки справедливости определяют содержание правового принципа справедливости. Как принцип права справедливость предстает в виде такого обусловленного потребностями поступательного развития общества социального требования к правотворческой, правоприменительной деятельности и к поведению граждан, которое, будучи закрепленным в правовых нормах, выражает в них единство интересов личности, общества и государства и направлено на разрешение противоречий, возникающих в системе общественных отношений.

Содержание принципа справедливости образует совокупность всех его элементов и функциональных связей между ними. Эта их совокупность определяет его качественную характеристику. Качественное своеобразие принципа справедливости состоит в его способности разрешать противоречия на основе единства личных и общественных интересов. В связи с тем, что единство качества и количества какого-либо предмета или явления выражается философской категорией меры, качественное своеобразие принципа справедливости состоит в заключенной в нем мере социальной справедливости. Мера социальной справедливости — это такая степень соответствия (сбалансированности) личных и общественных интересов, которая обеспечивает их единство [2. С. 5–13].

В философии и общественных науках проводится деление справедливости на распределительную и уравнивающую, распределительную и возмездную, обращается внимание на существование справедливости цели, средства и результата поведения. С учетом вида справедливости выявляются особенности использования и правового принципа справедливости.

Нормы уголовного права регулируют главным образом возмездную справедливость. В нормах этой отрасли права, как и в целом ряде норм других правовых отраслей, регулирующих возмездную справедливость, нашла отражение также справедливость задач, стоящих перед различными видами деятельности суда, средств их достижения и ее результатов. В данном случае — справедливость задач, стоящих перед наказанием, справедливость средств по выполнению этих задач и справедливость результатов применения наказания.

Мерой справедливости при назначении наказания выступает главным образом соответствие наказания общественной опасности совершённого преступления, т.е. определенное равенство вреда, причиненного преступником другим лицам, обществу или государству, и тяжести возлагаемого на него наказания. Поскольку указанное соответствие выражает качественное своеобразие уголовно-правового принципа справедливости, оно стало определяющим критерием принципа справедливости, сформулированного в ст. 6 УК РФ. В связи с этим понятие соответствия явлений требует специального рассмотрения.

Философская трактовка соответствия явлений как определяющего критерия воплощенного в наказании принципа справедливости. Понятие соответствия явлений используется в научной литературе в двух смыслах. В одном из них оно трактуется как их пропорциональность, соразмерность, адекватность, эквивалентность явлений друг другу, в другом — как определенная закономерность процесса развития явлений. В этом последнем случае соответствие выступает в качестве одной из диалектических категорий, с помощью которых исследователи выявляют особенности их возникновения и развития.

Теория уголовного права при разрешении различных возникающих перед ней проблем использует и то, и другое понятие соответствия. Соответствие в смысле пропорциональности явлений оно использует, как уже отмечалось, при определении принципа справедливости путем указания на соразмерность наказания тяжести преступления.

Но теория уголовного права не может игнорировать и то представление о соответствии явлений, которое

позволяет более глубоко раскрыть процесс их возникновения и развития.

В.Т. Мещеряков, исследовавший философское понятие соответствия, т.е. соответствие как составную часть процесса развития явлений, обратил внимание на то, что оно в этом случае выражается в двух видах отношений: в отношениях между первичным и вторичным как смежными стадиями одной и той же системы и в отношениях между двумя воздействующими друг на друга сторонами единого целого.

Выделяя в развивающихся системах два вида соответствия, В.Т. Мещеряков утверждает, что, хотя выделенные им виды соответствия не совпадают по содержанию и форме, они, в конечном счете, формируют единый процесс развития явления и дают общий результат.

Развивая эту мысль, В.Т. Мещеряков обращает внимание на то, что первый вид рассматриваемого им соответствия реализует отношение между старым и новым, в котором новое находится в определенной зависимости от старого. Особенность этого отношения он видит в той преемственности, которую реализует это отношение, т.е. в переносе некоторых черт старого в новое, благодаря чему новое, при существенном отличии от старого, находится, по его мнению, в функциональной зависимости от старого. По этой причине В.Т. Мещеряков называет этот вид соответствия функциональным.

Наряду с этим В.Т. Мещеряков обращает внимание и на другой аспект проблемы. Он пишет, что поскольку «составные части сложного только при условии взаимного удовлетворения некоторым общим требованиям оказываются способными создать нечто единое, целое, входя в которое эти части как бы взаимно дополняют друг друга, то отношение этого рода можно было бы рассматривать как форму дополнительного соответствия» [3. С. 15].

Несмотря на то, что соображения В.Т. Мещерякова о существовании двух описанных им видов соответствия представляются вполне обоснованными, предложенное им их наименование не является достаточно убедительным.

В другой части своей работы, рассматривая связь между старыми и новыми научными теориями, он пишет, что «отношения между старой и новой теорией обладают зависимостью, которую можно рассматривать как функциональную вследствие наличия между ними глубокой генетической связи. Новая теория вырастает из старой и содержит в себе последнюю, как это постоянно подчеркивается многими авторами, в «снятом» виде» [Там же. С. 23].

Поддерживая мысль вышеназванного автора о преемственности в развитии явлений, нельзя не обратить внимания на то, что если связь между старым и новым в их развитии носит генетический характер, то зависимость между ними должна рассматриваться как причинная, а не функциональная связь. Поэтому, следуя также никем не оспариваемому в науке принципу правильности классификации явлений только по единому критерию и учитывая, что разные функции имеют раз-

личное содержание, необходимо выделять другие критерии разграничения видов соответствия явлений друг другу. Виды соответствия должны разграничиваться не по признаку дополнительности к избранному основанию, как это делает В.Т. Мещеряков, а по источникам их возникновения и развития – таким обстоятельствам, которые допускают существование наряду с генетической зависимостью также и иных видов детерминированности явлений.

Поскольку генетическая зависимость явлений является обязательным признаком наличия между ними только причинной связи, в основе разграничения различных видов соответствия явлений должно быть их деление по признаку природы их взаимосвязи: в одном случае – причинной, а в другом случае – не причинной детерминации явлений.

К признакам причины, образующим ее генетическую природу, в философской литературе относят способность явления порождать, производить другое явление, передавать ему вещество, энергию и информацию. Причина всегда предшествует появлению следствия, выражает необходимость его возникновения. Еще одним признаком причинно-следственного отношения является его пространственная и временная непрерывность [4. С. 477–479].

К не причинным видам детерминированности явлений чаще всего относят их функциональную зависимость, связь состояний, структурную и целевую детерминацию.

Спорным является вопрос об отнесении к видам не причинной детерминации условной (кондициональной) связи.

С учетом того, что условия, как утверждают философы, оказывают влияние на следствие не непосредственно, а опосредованно, через причину, следует допустить в этом случае существование не причинной детерминации.

Как пишут П.В. Алексеев и А.В. Панин, «граница, отделяющая причину от условий, весьма относительна. В определенном контексте рассмотренная причина может быть отнесена к совокупности необходимых условий. А условия могут быть включены в состав полной причины. Сама зависимость возникновения явления от условий носит объективный характер. Это означает, что детерминация условиями может рассматриваться как самостоятельный вид детерминации наряду с причинностью» [Там же. С. 486].

Современные философские представления о факторах, обуславливающих возникновение и развитие явлений, приводят к выводу, что критерием разграничения двух видов соответствия – соответствия этапов их развития и соответствия структурных элементов друг другу – является свойственный каждому из них вид детерминирующих связей. Соответствие этапов развития явлений обуславливается передачей от одного этапа к другому этапу их генетических свойств качественной определенности, присущей причинной связи между явлениями. Соответствие же друг другу структурных элементов развивающегося явления достигается в процессе реализации не причинных видов детерминации.

Наиболее полное представление о возможностях использования в исследовательской и практической деятельности понятия соответствия позволяет получить выявление *меры* и *степени* соответствия рассматриваемых явлений.

При выявлении их соотношения В.Т. Мещеряков исходит из того, что всякая конкретная система в своем развитии проходит стадии возникновения, восходящего движения к некоторой высшей точке, а затем нисходящего движения и распада.

Степень соответствия, считает он, в отличие от меры соответствия, представляет собой как бы отношение достигнутого состояния к оптимальному ее состоянию. О продуктивности понятия «степень соответствия», отмечает В.Т. Мещеряков далее, свидетельствует и тот факт, что всякая система на всех этапах своего развития обладает множеством возможностей, реализация которых в одних случаях делает систему более жизнеспособной, а в других, наоборот, приводит ее к потере жизнеспособности и гибели. Отсюда следует, что отношения, в наибольшей степени повышающие жизнеспособность системы, представляют собой высшую степень соответствия заключенной в ней тенденции развития [3. С. 51–52].

Соответствие в системе структурных элементов механизма назначения наказания как инструмент воплощения в наказании принципа справедливости. Суду, выполняющему требования принципа справедливости, при назначении наказания прежде всего приходится устанавливать два вида генетического соответствия.

Первый вид – соответствие признаков преступного поведения, обстоятельств его совершения и личности виновного общественной опасности личности преступника как криминологическому основанию назначения наказания. Это соответствие реализует обусловленность оснований назначения наказания генезисом преступного поведения. Отказ от установления этого вида соответствия мог бы привести к неверному представлению о характере и степени общественной опасности личности виновного, а следовательно, и к необоснованному определению вида и размера наказания за совершённое им преступление.

Второй вид – соответствие вида и размера наказания основаниям его назначения – социальной потребности в противопоставлении антиобщественному поведению и антиобщественным свойствам личности виновного такого наказания, которое отвечает интересам законопослушных граждан, общества и государства, т.е. социальному явлению, воплощающему в своем содержании генезис уголовно-правового регулирования общественных отношений.

Эти два генезиса противостоят друг другу и создают в основаниях определения конкретной меры государственного принуждения то противоречие, которое находит свое разрешение в процессе конструирования судом вида и размера наказания или иной меры уголовно-правового характера.

Наряду с отношениями, выражающими генетическую обусловленность этапов развития явлений в фор-

мировании соответствия того и другого вида, принимают участие и те детерминирующие связи между их составными частями, которые находятся за пределами причинной взаимозависимости явлений.

С учетом того, что было указано выше о соотношении меры и степени соответствия явлений друг другу, применительно к деятельности суда, связанной с назначением наказания, можно сделать следующий вывод. Если степень соответствия, в отличие от меры соответствия, представляет собой отношение достигнутого состояния к оптимальному состоянию системы, то оптимальное соответствие назначаемого судом наказания основаниям его применения может быть достигнуто только при наиболее полном учете обстоятельств, определяющих его вид и размер. Достигнуть такого результата суду по целому ряду причин, исходящих не только от него самого, удастся далеко не всегда. Но суд всегда должен к этому стремиться.

В механизме назначения наказания как предусмотренном законом порядке, устанавливающим последовательность различных видов преобразования деятельности суда при определении вида и размера назначаемого судом наказания, приходится выявлять не только упомянутые виды генетического и иного соответствия явлений. Необходимо учитывать и соответствие в смысле пропорциональности и соразмерности явлений. Особенно в том случае, когда речь идет о соответствии наказания тяжести совершённого преступления.

Но одной констатации существования различных видов соответствия для уяснения их роли в механизме назначения наказания недостаточно. Необходимо обратить внимание и на другие особенности их взаимозависимости.

Во-первых, соответствие, реализуемое в процессе развития явления, предшествует возникновению соответствия наказания тяжести преступления. Во-вторых, соответствие этапов и структурных элементов назначения наказания обуславливает возникновение соответствия наказания тяжести совершённого преступления.

При установлении соответствия структурных элементов преступного поведения в процессе его развития и структурных элементов последующего формирования назначаемого наказания суду предстоит выполнить ряд требований. Их выполнение необходимо для выявления в одном случае как генетической, так и не причинной (в том числе функциональной) связи наказания с характером и степенью общественной опасности преступления, обстоятельствами его совершения и личностью виновного. В другом случае – для выявления генетической и иной детерминирующей связи структурных элементов назначаемого наказания между собой и с обстоятельствами внешней среды. Без правильного выполнения этих требований избранная судом мера наказания может оказаться недостаточно обоснованной.

В деятельности, направленной на решение этих задач, суду приходится принимать во внимание весь комплекс причинных и не причинных связей самых различных обстоятельств, определяющих вид и размер назначаемого им наказания. Особенно важен учет их связей с генетической направленностью преступления.

Они могут различаться как по объему их взаимообусловленности, так и по степени ее проявления.

В некоторых видах такой взаимосвязи правовому осуждению подвергается лишь ее генетическое звено. Например, при анализе отягчающего обстоятельства в виде группового совершения преступления правовому осуждению подлежит лишь связь взаимопомощи участников группы друг другу в достижении преступного результата с генетической направленностью их преступных деяний.

Сама взаимопомощь отрицательной оценке не подвергается. В общественно полезной деятельности людей она всегда оценивается положительно. Сама готовность человека помогать другим людям к антиобщественным свойствам личности не относится. Поэтому при анализе характера и степени общественной опасности группового совершения преступления ее определяющим признаком является генетическое содержание его поведения (например, его корыстная направленность, направленность на совершение террористического преступления и т.п.).

Бывают случаи и иного рода, когда на первое место в определении характера и степени общественной опасности того или иного смягчающего или отягчающего обстоятельства выходит не генетическое свойство преступного поведения, а обстоятельство, с которым это генетическое свойство связано непричинным видом детерминации, в частности связью состояний.

Например, при совершении преступления в связи со стечением тяжелых жизненных обстоятельств определяющую роль в его уголовно-правовой оценке играет не генезис преступного поведения (степень предрасположенности лица к совершению преступления), а психологическое состояние лица, обусловленное внешним фактором.

Приведенные и подобные им сочетания различных видов детерминирующих связей в обстоятельствах, формирующих характер и степень общественной опасности преступления и личности преступника, учитываются судом при определении параметров назначаемого им наказания. Они влияют на решение вопросов о соотношении вида и срока наказания, соотношении срока исправительных работ с размером удержаний из заработной платы осужденного, на выбор видов ограничения свободы и обязанностей, возлагаемых на условно осужденного, и во многих других случаях индивидуализации наказания.

Можно представить подобные коллизии – коллизии в самом соответствии генетической и непричинных видов детерминации – при столкновении не только правовых предписаний, но и при определенных сочетаниях регулируемых ими мер карательного и иного исправительного воздействия на осужденных.

Так, например, в судебной практике встречаются случаи, когда при перевозке наркотических средств, оружия и боеприпасов из одного населенного пункта в другой экспедиторы обращаются за помощью к водителям транспортных средств. За обусловленную заранее оплату договариваются с ними о своем перемещении и транспортировке запрещенных грузов. Водители

порой, зная, кого и что они перевозят, выполняют взятые на себя обязательства.

В соответствии с правовыми предписаниями они должны нести ответственность за пособничество в совершении соответствующих преступлений. Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что генетическая связь действий водителей с исполнителями преступлений в таких случаях проявляется часто очень слабо, а при перевозке очень небольшого количества, например, спрятанных в кармане наркотических средств, ее вообще может не быть.

Пособники при указанных обстоятельствах получают вознаграждение часто не за перевозку наркотических средств и оружия, они получают деньги за обычную для них повседневную работу – только за перевозку пассажиров, порой по счетчику такси. И полученное денежное вознаграждение они рассматривают не как оплату перевозки наркотических средств или оружия, а как оплату перевозки пассажиров. Генетическая связь совершённых ими действий с действиями экспедиторов в тех случаях, когда водители знают о том, что перевозят экспедиторы, часто проявляется очень слабо. На первое место выходит стремление получить материальное вознаграждение за обычную для себя работу. Значительной роли в определении социальной направленности их поведения генезис осуществляемого преступного поведения во многих таких случаях не играет. Определяющее значение в подобных случаях приобретает не генетическая, а их функциональная связь с исполнителями преступления. Поэтому водители при указанных обстоятельствах вправе рассчитывать на менее строгое наказание, чем то, которое при иных равных условиях должны будут нести сами экспедиторы перевозки наркотиков и оружия.

Другой вид воплощенного в механизме назначения наказания соответствия – соответствия назначаемого наказания тяжести преступления – обусловлен необходимостью назначения такого наказания, которое может рассматриваться как пропорциональное характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Без их учета невозможно выполнить обязательное требование принципа справедливости наказания – определить его размер с учетом примерной пропорциональности степени дестабилизации общественных отношений, субъектом и объектом которых является лицо, совершившее преступление, той степени дестабилизации общественных отношений, которая наступает в результате причинения вреда объекту совершённого этим лицом преступления.

На первоначальном этапе назначения наказания у суда нет сведений ни о характере и степени общественной опасности лица, совершившего преступление, ни о характере и степени общественной опасности вреда, нанесенного совершённым им преступлением. Представления о них суду еще предстоит составить.

Для их установления суду необходимо выявить сначала соответствие признаков общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного между собой, а затем соответствие каж-

дого из них и их совокупности с обстоятельствами внешней среды. В последующей своей деятельности суду предстоит определить соответствие друг другу и обстоятельствам внешней среды элементов назначаемого наказания, и только потом с учетом полученных сведений перейти к установлению того соответствия, которое прямо указано в формулировке принципа справедливости, к определению соответствия созданной судом модели наказания тяжести совершённого преступления.

Следует обратить внимание на то, что выявление всех перечисленных видов соответствия достигается в процессе функционирования механизма назначения наказания.

Последний из перечисленных видов соответствия, как это следует из текста статьи 6 УК РФ, в содержании уголовно-правового принципа справедливости занимает доминирующее положение. Именно поэтому этот вид соответствия наряду с теми предшествующими по времени возникновения его видами обуславливает его качественную определенность.

На основе анализа всех видов соответствия в функционировании механизма назначения наказания можно сделать следующие выводы.

Поскольку указанные виды соответствия в системе механизма назначения наказания детерминируют деятельность суда, постольку они выступают в роли ее регуляторов. Способность же регулировать деятельность суда превращает всю их совокупность в инструмент внедрения в наказание принципа справедливости. Поэтому механизм назначения наказания проявляет себя в процессе регулирования уголовно-правовых отношений в качестве правового инструмента воплощения в наказании принципа справедливости.

Под инструментами (от дат. *instrumentum* – орудие) понимаются различные предметы, приборы, устройства, механизмы, машины и т.п., а также алгоритмы, используемые для целевого воздействия на объект. В широком смысле инструмент – это целевое средство воздействия на объект преобразования и создания объекта [5]. Этот инструмент, по существу, ничем не отличается от тех средств воздействия на поведение лиц, нарушающих порядок общественных отношений, которые используются и другими отраслями права – от средств воздействия на административные правонарушения, дисциплинарные проступки и гражданско-правовые деликты. Более того, соответствие структурных элементов общественных отношений друг другу лежит в основе и иных видов возмездной справедливости. Например, справедливости распределения материальных благ в соответствии с количеством и качеством затраченного труда.

Назначенное судом наказание оказывает влияние не только на поведение лиц, совершивших правонарушения, но и на общественное сознание. Это влияние оно оказывает в результате реализации всех перечисленных случаев соответствия его составных частей. Все они обладают сходным инструментом внедрения принципа справедливости в систему общественных отношений, потому что общепризнанная ценность этого инструмента заключается в том, что он, формируя справедливость общественных отношений, обладает способностью удовлетворять предъявляемые к наказанию требования большинства членов общества. Он, таким образом, обретает способность поддерживать и нормальное функционирование сложившейся в нем системы общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровский М.И. О критерии нравственности. Минск : Наука и техника, 1970. 164 с.
2. Филимонов В.Д. Справедливость как принцип права // Государство и право. 2009. № 9. С. 5–13.
3. Мещеряков В.Т. Соответствие как отношение и принцип. Л. : Наука, 1975. 104 с.
4. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. 4-е изд. М. : Проспект, 2007. 588 с.
5. Инструмент. Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/инструмент> (дата обращения: 23.01.2020).

The Mechanism for Imposing Punishment as a Tool for Implementing the Principle of Justice

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 32–37. DOI: 10.17223/23088451/16/7

Vadim D. Filimonov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: principles of criminal law, justice, punishment, sentencing, punishment mechanism.

The article examines justice as a principle of law and as criminal principle of justice as a principle of compensated justice. The measure of justice in punishment is mainly the correspondence of the punishment to the public danger of the committed crime, i.e. a certain equality of harm caused by criminals to other persons, society or the state, and the severity of the punishment imposed on them. The author argues that a court that follows the principle of justice in imposing punishments has to establish two types of genetic correspondence. The first type is the correspondence of the criminal behavior, circumstances of the crime and the culprit's personality to the public danger of the criminal's personality as a criminological basis for imposing punishment. This correspondence employs the genesis of criminal behavior to substantiate the imposed punishment. The rejection of this correspondence could lead to a misconception about the nature and degree of social danger of the perpetrator's personality as well as an unreasonable type and amount of punishment for the committed crime. The second type consists in the compliance of the type and amount of punishment with the grounds for its imposition – the social need to oppose antisocial behavior and personality traits of the guilty person with such a punishment that meets the interests of law-abiding citizens, society, and the state, that is, a social phenomenon that embodies the genesis of criminal law regulation of public relations. The author claims that that it is necessary to identify not only the above-mentioned types of genetic and other correspondences in the mechanism of imposing a punishment, but also take into account the correspondence in terms of proportionality, especially when it comes to the compliance of the punishment with the gravity of the crime committed. Having analyzed all types of correspondences in the mechanism of punishment imposition, the author concludes that since the indicated types of correspondences in the system of pun-

ishment imposition determine the activity of the court, insofar they act as its regulators. The ability to regulate the activities of the court turns their entire set into an instrument for introducing the principle of justice into punishment. Therefore, the mechanism for imposing punishment manifests itself in the process of regulating criminal law relations as a legal instrument for implementing the principle of justice in punishment.

References

1. Borovsky, M.I. (1970) *O kriterii npravstvennosti* [On the criterion of morality]. Minsk: Nauka i tekhnika.
2. Filimonov, V.D. (2009) Spravedlivost' kak printsip prava [Justice as a principle of law]. *Gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 5–13.
3. Meshcheryakov, V.T. (1975) *Sootvetstvie kak otnoshenie i printsip* [Compliance as an attitude and principle]. Leningrad: Nauka.
4. Alekseev, P.V. & Panin, A.V. (2007) *Filosofiya* [Philosophy]. 4th ed. Moscow: Prospekt.
5. Wikipedia.org. (n.d.) *Instrument* [Tool]. [Online] Available form: <https://ru.wikipedia.org/wiki/instrument> (Accessed: 23rd January 2020).

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.161.1, 343.161.4, 343.15

DOI: 10.17223/23088451/16/8

Р.Л. Ахмедшин

СУД ПРИСЯЖНЫХ КАК СОВОКУПНОСТЬ ЭФЕМЕРНЫХ ИДЕЙ

Рассматриваются теоретико-идеологические аспекты суда присяжных. Работа включает содержательный анализ трех системообразующих идей суда присяжных как целостной системы. Вера в позитивность суда присяжных как социального инструмента базируется на совокупности идей независимости присяжных, объективности присяжных, разумности присяжных, а также (малоафишируемо) на идее несправедливости власти в лице работников судебных органов. В завершение приводится комплекс мер, способных оптимизировать рассматриваемый социальный институт.

Ключевые слова: суд присяжных, личность присяжного, воздействие, независимость, объективность, разумность.

«Существование суда присяжных необходимо, более того это обязательное условие для создания диалога между гражданским обществом и государством». Разберем эту мысль, присущую современному информационному пространству.

Уже на первый взгляд видно, что принадлежит это высказывание непрофессиональному исследователю правовых проблем, так как термин гражданского общества – это тавтология. Разве может существовать общество без граждан? Любое современное общество гражданское по своей природе. Напомним, что игра понятий – это первый признак скрываемых манипуляций и необъективности.

Второе: разве государство – это лишь совокупность власть предержащих и государственного аппарата, непосредственно эту власть обслуживающих? С каких пор стало нормальным противопоставлять государство и общество в нем, даже при условии, что современное государство является по природе своей тоталитарным, что является нормой для рыночных государств XX–XXI вв. индустриального типа (Великобритания, США, Россия и пр.).

И наконец, третье – с каких пор один из элементов системы правосудия стал системообразующим не только для этой системы, но и для государства в целом?

«Правильно сформированный и лишенный влияния и давления извне суд присяжных, как правило, выносит вердикт, основанный на справедливости, объективном рассмотрении дела и жизненном опыте». Разберем также и эту максиму, гуляющую на тех же просторах современного информационного пространства.

Как следует из вышесказанного, «правильно сформированный и лишенный влияния и давления извне суд присяжных» не менее эффективен, нежели судья / судьи, должным образом подготовленные и лишенные влияния и давления извне, зато объективно менее профессионален. Так, может, лучше сделать ставку на профессионализм судей и развивать судебную систему в этом направлении? Может, не стоит опять привлекать толпы кухарок к управлению государством?

Даже «правильно подобранный суд присяжных» выносит полноценный вердикт лишь как правило, что перечеркивает саму идею его существования. Достаточно вероятности ошибки даже при соблюдении всех идеальных условий. Вердикт один – существование суда присяжных абсурдно по своей природе.

Из сказанного вытекает основная проблема изучения суда присяжных, которая сводится к тому, что обоснование целесообразности суда присяжных очень часто сводится к набору нагроможденных нелепостей, а сами рассуждения традиционно несут манипулятивный, а не научный характер. Сомнения в разумности природы суда присяжных высказывались многими исследователями:

– Р. Иеринг: «Присяжные добрые люди, но плохие музыканты», неспособные судьи, ибо не могут быть хорошими судьями люди «без знания права, которое достигается только внимательным его изучением, без сознания ответственности, которое приобретается профессией, вырабатывается лишь практикой, люди, часто приходящие в суд уже с предвзятым мнением вследствие ходячих газетных сплетен, покорные речи защитника и всевозможным общественным влияниям».

– И. Бентам: «Суд присяжных – это суд, пригодный для варваров, но недопустимый у нас».

– Г. Гросс: «Девяносто процентов всех практикующих юристов и большая часть образованной публики убеждены в том, что достоинства суда присяжных ничтожны, а опасность его для правосудия огромна».

– А. Вах: «Если бы хотели учредить премию за изобретение самой плохой формы суда, то эту премию получил бы изобретатель суда присяжных».

И пусть некоторыми исследователями подобные высказывания кажутся снобистскими, но, выходя за рамки научной дискуссии, им можно пожелать присутствия 12 представителей от народа в операционной, где делают операцию им или их близким, причем речь идет не о простом присутствии, а о праве принимать решение за хирурга. Абсурд? Да, но не меньший, чем присутствие непрофессионалов на судебном заседании с правом решающего голоса.

Для понимания целесообразности существования суда присяжных сегодня необходимо еще раз критически проанализировать объективность его существования вообще и в нашей стране в частности. К сожалению, если проанализировать часть аргументов, то можно говорить о их демагогичности и наивности по сути, но внешне интеллигентной и либеральной природе по форме. Нижеследующие аргументы апелляции целесообразно относить к категории логически пустых, так как в них содержатся скорее лозунги:

– «большое количество обвинительных приговоров в судебной российской практике – показатель их несправедливости и необъективности»;

– «интеллектуально-духовный потенциал здравого смысла как формы практического мышления при исследовании вопросов о виновности в процессе доказывания»;

– «совесть – нравственная основа судопроизводства и защиты в суде с участием присяжных заседателей»;

– «общечеловеческие потребности и чувства, лежащие в основе общественной гуманистической совести коллегии присяжных заседателей».

На чем же базируется идея позитивности суда присяжных как социального инструмента? На идее независимости присяжных, идее объективности присяжных, идее разумности присяжных, а также (малоафишируемо) на идее несправедливости власти в лице работников судебных органов.

Об эфемерности идеи объективности присяжных. В теории права суд присяжных часто воспринимается как институт судебной системы, явившийся следствием развития потребности в защите прав граждан от произвола судебных чиновников. Принято считать, что исторически суд присяжных был способом обеспечения безопасности прежде всего отдельной личности от правового произвола системы. В современном информационном пространстве (научном, развлекательном, социально-политическом), подаваемом как серьезное достижение цивилизации, суд присяжных, как и любое социальное явление, имеет и иные смыслодержательные уровни, не столь привлекательные, как крики о свободе и справедливости.

Одним из этих уровней является иерархично-регулятивная функция суда присяжных. Традиционно круг лиц, которые могли быть присяжными, ограничивался и порождался механизмом отбора тех граждан, кто представлял собой выходцев из стабильных социальных страт с выраженной законопослушностью (буржуа, интеллигенция, мещане). Неудивительно, что при рассмотрении уголовных дел присяжные неосознанно или вполне осознанно склонны принимать решение в пользу наиболее близкого им по социальному статусу лица. Статусная предпочтительность наиболее часто предопределяет вердикт присяжных. Таким образом, это институт скорее сдерживания тех асоциальных страт, которые, как правило, в силу своей экономической несостоятельности склонны к криминальному поведению.

Словно ориентированная природа суда присяжных никуда не делась, она просто сместилась с пред-

ставителей среднего класса, на представителей класса малоимущих в лучшем случае или скорее с представителей обеспеченных групп на представителей групп со средним достатком.

Еще одним из бросающихся в глаза смыслодержательных уровней является ориентированность защиты суда присяжных на защиту финансово обеспеченных клиентов. Логика тут проста. Услуги высокопрофессионального адвоката стоят дорого, поэтому в суде присяжных выигрывает наиболее «обеспеченная» сторона. Следовательно, не «непонимание его социальной ценности, духовного и правозащитного потенциала» [1. С. 3], а осознание его (суда присяжных) беззащитности перед высокооплачиваемым манипулятором-адвокатом предопределило крайне настороженное отношение к суду присяжных в нашем обществе.

Из сказанного следует системообразующая задача суда присяжных быть инструментом противодействия богатым властным. За последние 300 лет ничего не поменялось – если в Британии XVII в. это было противостояние аристократии и буржуазии, то в современной России XXI в. – это противостояние властных структур и структур оппозиционных. Рассмотрение же «простых» преступных событий в суде присяжных – это лишь фон, который предназначен оправдать его существование в глазах криминальной части электората.

Отсутствие равного доступа, в силу неравности уровня экономического благосостояния, к высокооплачиваемым услугам профессиональных манипуляторов ставит под глубокое сомнение идею объективности присяжных и суда присяжных в целом.

Об эфемерности идеи разумности присяжных. Первый фильтр, который проходит в сознании присяжных подсудимый и потерпевший, – это фильтр «свой-чужой». «Своему» мы склонны прощать многое, в том числе и несправедное, «чужого» склонны осуждать порой даже за наличие собственной точки зрения. Чем сильнее фильтр «свой-чужой» тем менее объективно восприятие преступного события.

Для усиления действия этого фильтра в суде присяжных действует в большей степени психологический механизм допуска уже выбранных в рамках конкретного дела присяжных к судебному заседанию. Процедура допуска включает в себя условно объективную и манипулятивную части.

В условно объективную часть отбора присяжных включают мотивированный отбор. Мотивированный отбор присяжных преследует цель исключения из состава жюри лиц с выраженной установкой на восприятие информации независимо от её содержания. Эта установка может проистекать из факта знакомства с участниками судебного процесса, имеющими специфическое к ним отношение (наличие в микростратосе присяжного работников правоохранительных органов или осужденных за рассматриваемые преступления и пр.).

В манипулятивную часть отбора присяжных включают безмотивный отбор кандидатов в жюри. Понятно, что стороны пытаются отвести лиц, обладающих признаком психологической сопричастности (отношение к подсудимому, полу, возрасту, культурной, религиоз-

ный, национальной, социально-экономической и профессиональной идентичности). К счастью, абсолютизировать состав коллегии крайне проблематично, так как любая из сторон может апеллировать к тенденции и необъективности состава коллегии.

В целом процедура отвода ориентирована на понижение условного критического восприятия анализируемой информации.

Таким образом, при мотивированном отборе отводятся самые необъективные, а при немотивированном – самые объективные. Вот такой парадокс.

Основная особенность суда присяжных – это потенциальная манипулятивность мнением непрофессионалов, осознающих себя принимающими решение по конкретному делу. Сама возможность упомянутого манипулирования проистекает и усиливается совокупностью факторов, проистекающих из того, что лицо, избранное присяжным в судебном процессе:

- испытывает осознание собственной значимости;
- чувствует себя защищенным от ошибки в силу коллегиальности предстоящего решения;
- не чувствует себя естественно в обстановке официоза (судебных атрибутов), следовательно, склонен компенсировать состояние стресса категоричностью, подаваемой как уверенность в собственных силах.

Испытываемые присяжными ощущения предопределяют эффективность воздействия на них в неявной, завуалированной форме. Эффективность воздействия на присяжных также проистекает из следующих обстоятельств:

– Познавательные способности присяжных заседателей нестабильны во времени. Присяжные часто склонны, прислушиваясь к говорящему, корректировать свою оценку происходящего.

– На мнение присяжных крайне значительное влияние влияет внешность и поведение участников судебного процесса, особенно подсудимого и потерпевшего. Говоря о потерпевшем, необходимо помнить, что люди часто не столько сочувствуют жертве, сколько анализируют ситуацию через призму «а что бы при этих условиях делал бы я?». Но так как подобное моделирование происходит в контролируемой обстановке, результат предполагаемого собственного поведения очень часто оказывается более оптимальным, чем в рассматриваемых обстоятельствах. Если это происходит, то степень пережитого им в сознании присяжного значительно уменьшается, а к потерпевшему складывается отношение несколько свысока. Таков механизм смягчения отношения к подсудимому за счет умаления личности жертвы

– В определенный момент времени присяжные начинают подчиняться стадному инстинкту, что выражается в том, что в скором времени они начинают прислушиваться скорее к тому, что происходит в их кругу, а не непосредственно на сцене суда. В описываемый момент психологически неустойчивые присяжные ищут лидера или контрлидера.

– Приписывание причин преступления личности подсудимого обычно ведет к его обвинению; ситуации и среде – повышает шансы на оправдание.

– На начальном этапе судебного заседания присяжные ориентируются в значительной степени на поведение судьи как лица, обладающего признаками наиболее высокого статуса. Эмоции судьи, манера его обращения к сторонам вполне может сформировать у присяжного установку на восприятие происходящего.

В целом существуют три тактические линии, которые, как показала практика, эффективны в плане воздействия на когнитивную сферу присяжных.

Первую линию условно можно обозначить как «Клоун». Она сводится к максимальному проявлению у участников артистических способностей, оглашению невнятных по содержанию реприз, направленных на эмоциональное их восприятие присяжными. «Подсудимый столько лет прощал вам ваши грехи, простите и вы ему его грех», «бранное слово – это междометие народного языка, без него не обходится не только ссора, но и веселые, душевные речи» и пр. Эта внешне эффектная линия тем результативнее, чем ниже уровень познавательных особенностей присяжных и остальных участников судебного заседания, а также лиц, впоследствии воспринимающих материалы судебного рассмотрения.

Вторую линию условно можно обозначить как «Сухарь». Линия, которой придерживаются современные работники прокуратуры в судах присяжных. Поведение в ней не адаптировано к особенностям восприятия фактов в сфере события преступления непрофессионалами-обывателями (кухарками от юриспруденции). Эта внешне неэффективная линия тем результативнее, чем выше уровень познавательных особенностей присяжных и чем более выражена у них установка разобраться в деле. К сожалению, необходимо отметить, что последнее малохарактерно для современного среднестатистического обывателя индустриального общества. Это неудивительно, ведь современный уровень низкой интеллектуальной продуктивности личности есть социальный заказ рыночного государства индустриального типа. Таким образом, вторая линия, также обладающая высоким манипулятивным потенциалом, сегодня результативно почти не применяется.

Ориентируясь на вторую линию воздействия, необходимо понимание того, что участие в суде присяжных психологически более комфортно защитнику как человеку, которому свойствен комплекс автономных внесистемных установок, и некомфортно для работников правоохранительных органов, профессиональное мышление которых ориентированно на факты, а не их оценку. Неудивительно, что эффективность участия прокурорских работников в суде присяжных современной России невысока, а адвокатов – наоборот.

Третью линию условно можно обозначить как «Советник». Линия, в которой, излагая факты напрямую, а их оценку в неявной форме, участник судебного заседания предоставляет присяжным уже структурированный материал, сохраняя у них иллюзию самостоятельности и независимости. Представляет собой компромисс между первой и второй линией поведения в суде присяжных. Эффективна при наличии среднего уровня интеллектуального развития и в силу неявности манипуляционного воздействия.

Разработанная и активно используемая сторонами стратегия воздействия с целью манипулирования присяжными ставит под глубокое сомнение идею разумности присяжных и суда присяжных в целом.

Об эфемерности идеи независимости присяжных.

Ранее было сказано, что глубокое сомнение в рациональности идей объективности и разумности присяжных и суда присяжных в целом объективно. В отличие от них того же нельзя сказать об идее независимости присяжных. Это не значит, что идея независимости присяжных имеет под собой фактическое обоснование. Нет. Речь идет о том, что идея независимости присяжных нуждается в дополнительном обосновании.

Есть распространенное мнение, что независимость присяжных заседателей проявляется в следующих аспектах:

1. Присяжные не зависимы от органов законодательной и исполнительной властей, от иных органов и организаций, должностных лиц или граждан, которые не вправе давать им указаний о разрешении дел или иным образом вмешиваться в судебную деятельность.

2. При вынесении вердикта присяжные не связаны доводами спорящих сторон судебного процесса, а также выводами органов предварительного расследования.

Это не совсем так. Независимость присяжных заседателей проистекает из случайности выбора присяжного из массы граждан. А вышеперечисленные оба обстоятельства лишь условия дальнейшей реализации идеи независимости присяжных как лиц, избранных случайно и не имеющих личного интереса в решении по конкретному уголовному делу. Кому-то может показаться, что процедуры выбора присяжного скорее относятся к идее объективности, чем к идее независимости. Однако, как мы ранее говорили, идея объективности больше соотносится с установками скорее социально-экономического плана.

Таким образом, чтобы доказать тезис о независимости присяжных, необходимо обосновать тезис о защищенности от скрытого и / или постороннего воздействия механизма выбора из значительной по объему массы граждан кандидатуры присяжного. Как общеизвестно, выбор присяжного происходит в рамках функционирования системы государственной автоматизированной системы «Выборы».

Генеральным заказчиком системы была Центральная избирательная комиссия РФ в лице своего подведомственного предприятия Федерального центра информатизации (ФЦИ), а генподрядчиком стало головное предприятие Минсвязи России ФГУП НИИ «Восход».

С учетом сказанного идею независимости присяжных можно опровергнуть или доказать, имея информацию о следующем:

– Кто разработал протокол выбора из реестра ГАС «Выборы»?

– Какие изменения в протокол выбора вносились в рассматриваемую ГАС и почему?

– Какие изменения в протокол выбора были запланированы, но не внесены?

– Каким нормативным документом регулируется внесение изменений в ГАС «Выборы» и кто контролирует законность реализации процедуры этого внесения?

– Являются ли исчерпывающими критерии выбора присяжного из реестра, указанные в законе?

– Сколько раз система ГАС «Выборы» подвергалась кибератакам и каковы их результаты?

Без сомнения, идея независимости присяжного неотделима от уверенности последнего в своей безопасности. В этой связи крайне актуальна информация о судебной практике о преступлениях, предусмотренных ст. 296 УК РФ в отношении присяжных заседателей. В частности, предельно сложно даже в научной литературе найти ответ на вопрос о том, сколько установлено фактов воздействия на присяжных с целью управления ими и сколько лиц получило за это наказание? А если это число невелико, то что здесь – высокая латентность рассматриваемого преступления или отсутствие информации о нем в силу отсутствия социального заказа на исследования в данной области?

Таким образом, идея независимости присяжных – это не положение, проистекающее из свойств самой системы «суд присяжных», а положение, проистекающее из практики реализации политики эффективного судопроизводства.

Отсутствие необходимой информации о практике функционирования механизма отбора присяжных не позволяет ни усомниться, ни убедиться в идее независимости присяжных и суда присяжных в целом.

Суд присяжных – это объективно малоэффективная система, но даже неэффективную систему можно оптимизировать, и к числу рецептов подобной оптимизации следует отнести законодательно закрепленные:

– требование принятия присяжными вердикта исключительно единогласно;

– ограничение процедуры немотивированного отвода присяжных;

– увеличение роли потерпевшего в судебном заседании, возможно, введение заключительного слова потерпевшего перед заключительным словом подсудимого;

– необходимость предоставления присяжным достаточного количества фото- и видеоматериалов, на которых запечатлены последствия события преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельник В.В. Искусство защиты в суде присяжных : учеб.-практ. пособие. М. : Дело, 2003. 480 с.

Jury as a Collection of Ephemeral Ideas

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 38–42. DOI: 10.17223/23088451/16/8

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: jury trial, jury personality, impact, independence, objectivity, reasonableness.

To understand the expediency of the jury today, it is necessary to critically analyze its objectivity in general and in this country in particular. Unfortunately, the analysis of certain arguments demonstrates their demagogism and naivety, with outwardly intelligent and liberal form. Even a “well-chosen jury” does not always pass a full-fledged verdict, which negates the very idea of the jury. If an error is possible even in ideal conditions, there can be only one verdict – the jury is absurd by nature. The main problem in studying jury trials comes down to the fact that justifying the expediency of a jury trial often comes down to a set of absurdities and traditionally manipulative, not scientific reasoning. Unsurprisingly, politicians, attorneys for the defense, and philosophers support the jury, while law enforcement officials, psychologists, and sociologists consistently oppose it. The belief in the positivity of jury trials as a social tool is based on the ideas of jury independence, objectivity, rationality, as well as implicit unrighteous judiciary authorities. The lack of equal access to the highly paid services of professional manipulators due to the different level of economic well-being casts deep doubt on the idea of jury objectivity and the jury in general. The strategy of influence developed and actively used by the parties to manipulate the jury undermines the idea of reasonableness of the jury. The lack of necessary information about the jury selection mechanism does not allow doubting or checking the independence of the jury. A jury trial is an objectively ineffective system, but even an ineffective system can be optimized in a number of ways. Thus, the jury can be obliged to pass a verdict only unanimously; the procedure for unmotivated jury challenge can be limited; the victim in the court session can be given a bigger role, probably through the introduction of the victim’s concluding speech before the defendant’s concluding speech; the jury must receive a sufficient number of photos and video materials that capture the consequences of the crime.

References

1. Melnik, V.V. (2003) *Iskusstvo zashchity v sude prisyazhnykh* [The art of defense in a jury]. Moscow: Delo.

УДК 343.13

DOI: 10.17223/23088451/16/9

В.Н. Гапонова, В.А. Виноградова

**ДОМАШНИЙ АРЕСТ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО):
ПОЛНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ И ПРАВО НА ПРОГУЛКУ**

Анализируются изменения, произошедшие в правовом регулировании меры пресечения в виде домашнего ареста, практика его избрания. Особое внимание уделено спорному вопросу о праве обвиняемого, находящегося под домашним арестом, покидать пределы жилого помещения для прогулки. Авторы приходят к выводу, что положительное его решение допустимо только в результате применения закона по аналогии. При этом должны учитываться правовые позиции Конституционного Суда РФ об обязанности государства заботиться о здоровье лиц, чьи возможности в этой части ограничены в связи с избранием в отношении них мер пресечения с изоляцией от общества.

Ключевые слова: *мера пресечения, домашний арест, заключение под стражу, обвиняемый, суд.*

Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ введена новая мера пресечения – запрет определенных действий, ей посвящена в УПК РФ самостоятельная ст. 105.1. Этим же законом дана новая редакция ст. 107 УПК РФ «Домашний арест», которая, с одной стороны, усилила степень изоляции лица, помещенного под домашний арест, а с другой – предполагает обязательное установление запрета или запретов и осуществление контроля за обвиняемым и подозреваемым (далее – обвиняемый). Законодатель предпринял попытку соединить конструктивные элементы обеих мер пресечения, плотно увязал изоляцию обвиняемого с возможностью дополнительно контролировать его поведение путем запрета, например, общаться с определенными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления.

В юридической печати в первых отзывах на произошедшие изменения в институте мер пресечения обращалось внимание на фактическое раздвоение домашнего ареста и регулирование его нормами ст. 105.1 и 107 УПК РФ [1. С. 97]. Подчеркивалось, что домашний арест в измененном формате превратился в более жесткую меру пресечения, поскольку частичная изоляция заменена на полную, а вместо ограничений на какие-либо действия предусмотрен абсолютный запрет на них [2. С. 67].

Нормативная трансформация домашнего ареста, приблизившая его к заключению под стражу, поставила перед правоприменением задачу преодоления уже сложившихся стереотипов в трактовке конкретных положений, выражающих сущность данной меры пресечения. В первую очередь это касается «режима» изоляции, а если конкретно – вопроса о возможности обвиняемым совершать прогулки.

Старая редакция ч. 1 ст. 107 УПК РФ предусматривала ограничение свободы передвижения обвиняемого, подвергнутого домашнему аресту. Как разъяснено в п. 40 постановления Пленум Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (в ред.

постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 23), «при ограничении выхода за пределы жилого помещения, где подозреваемый или обвиняемый проживает, суду следует перечислить случаи, в которых лицу разрешено покидать пределы жилого помещения (например, для прогулки, для посещения учебного заведения), и указать время, в течение которого лицу разрешается находиться вне места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста (например, для посещения школы во время учебных занятий, для прогулки в определенное время), и (или) случаи, в которых лицу запрещено покидать пределы жилого помещения (например, в ночное или иное время, при проведении массовых мероприятий или некоторых из них). Руководствуясь ч. 1 ст. 107 УПК РФ, действовавшей до внесения в нее изменений Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, п. 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41, суды «прописывали» в постановлении об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста наряду с запретами и возможность обвиняемому покидать жилое помещение для совершения ежедневных прогулок в районе проживания в определенный период времени.

В настоящее время, когда сущность домашнего ареста состоит в максимальной изоляции обвиняемого с сохранением права проживать в его жилище, разрешение судом обвиняемому покидать место проживания не основано на законе. Несмотря на произошедшие в ч. 1 ст. 107 УПК РФ изменения, на практике при рассмотрении судом вопроса об избрании домашнего ареста обвиняемому сторона защиты обычно ходатайствует о предоставлении ежедневной, продолжительностью не менее часа, прогулки, обосновывая это ссылкой на ст. 17 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», которая гарантирует находящимся под стражей лицам ежедневную прогулку продолжительностью не менее одного часа. На сегодняшний день четкой позиции в этой части судебной практикой не выработано. Показателен в этом отношении следующий пример.

15 октября 2019 г. Басманным районным судом г. Москвы продлен срок домашнего ареста на три месяца Е., обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 160 УК РФ. Отказывая в удовлетворении ходатайства защиты разрешить обвиняемому Е. прогулки, суд привел следующие доводы: по смыслу ст. 107 УПК РФ этот вопрос находится в компетенции следователя, расследующего уголовное дело. Данное судебное постановление обжаловано в апелляционном порядке.

В апелляционном постановлении от 25 ноября 2019 г., которое оставило без изменения постановление суда первой инстанции от 15 октября 2019 г. о продлении срока домашнего ареста, а апелляционную жалобу адвоката без удовлетворения, относительно ходатайства защиты о предоставлении обвиняемому Е. ежедневных прогулок суд указал: такое ходатайство не основано на положениях ст. 107 УПК РФ, предусматривающей нахождение лица в полной изоляции в жилом помещении, установлении запретов и ограничения свободы передвижения. Апелляционное постановление Московского городского суда от 25 ноября 2019 г. обжаловано в кассационном порядке. В кассационной жалобе адвокат обвиняемого обращал внимание на то, что «совершенно несправедливо Е. лишен прогулок, поскольку даже более суровая мера пресечения в виде заключения под стражу предусматривает такую возможность».

Своим постановлением судья Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 февраля 2020 г. отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Применительно к доводам кассационной жалобы о несправедливости отказа в снятии запрета покидать жилые помещения для совершения прогулок судья указал в постановлении, что «они были предметом рассмотрения суда апелляционной инстанции и не нашли своего подтверждения, поскольку, как верно указал суд первой инстанции, мера пресечения в виде домашнего ареста предполагает нахождение обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, при котором ему запрещено покидать пределы жилого помещения. Вместе с тем следует иметь в виду, что обвиняемый, содержащийся под домашним арестом, имеет равные права с обвиняемым, который содержится под стражей, и в силу п. 11 ст. 17 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 105-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» имеет право пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью не менее одного часа. Данное неотъемлемое право обвиняемого, который находится под домашним арестом, по смыслу действующих правовых норм в части комбинированного применения ст. 105¹ и 107 УПК РФ должно обеспечиваться федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных».

Приведенный пример интересен тем, что в рамках одного уголовного дела при рассмотрении вопроса об избрании обвиняемому меры пресечения в виде до-

машнего ареста судами первой, апелляционной и кассационной инстанции в рамках единого подхода к трактовке положений ч. 1 ст. 107 УПК РФ высказывались отличающиеся позиции. Суд первой инстанции посчитал, что вопрос о прогулках обвиняемого должен решаться следователем, в производстве которого находится уголовное дело. Апелляционная инстанция исходила из того, что ч. 1 ст. 107 УПК РФ в принципе исключает возможность обвиняемому покидать пределы жилого помещения. Признавая за обвиняемым, находящимся под домашним арестом, право на ежедневные прогулки, судья кассационного суда указал, что данное право обеспечивается контролирующим исполнением меры пресечения органом.

В юридической литературе приводятся и другие примеры из судебной практики, когда суд в постановлении об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста указывает на возможность в определенное время покидать обвиняемому жилище [2. С. 80–81].

Таким образом, в судебной практике возникла ситуация неопределенности, осложняющая правоприменение и способствующая принятию судами решений, неточно отражающих смысл норм, регламентирующих применение меры пресечения в виде домашнего ареста. Убедительным подтверждением этому является следующий факт: в настоящее время планируется внесение изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 в связи с принятием Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ. Потребуется и корректировка редакции п. 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41, поскольку он отражает содержание «старой» ч. 1 ст. 107 УПК РФ. При этом вряд ли удастся «уйти в сторону» от вопроса о прогулках обвиняемого, находящегося под домашним арестом. Наши пояснения к обозначенной ситуации сводятся к следующему.

Во-первых, следует разобраться, относится ли разрешение обвиняемому ежедневной прогулки в непосредственной близости от места исполнения меры пресечения к числу вопросов, подлежащих рассмотрению судом при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста? Думается, что нет.

В ч. 9 ст. 107 УПК РФ «запрограммировано» содержание судебного решения об избрании названной меры пресечения, которое должно предусматривать место, где будет находиться обвиняемый, срок домашнего ареста, запреты, установленные в отношении обвиняемого, способы связи со следователем и контролирующим органом. Важно подчеркнуть, что в соответствии с ч. 7 ст. 107 УПК РФ суд может установить только запреты, указанные в п. 3–5 ст. 105.1 УПК РФ. Они не предполагают покидание обвиняемым жилища в условиях полной его изоляции.

Не пытайтесь оспорить принадлежащее обвиняемому, находящемуся под домашним арестом, право на ежедневную часовую прогулку (что, кстати, не так уж и очевидно), приходим к выводу: разрешение обвиняемому ежедневной прогулки не относится к числу вопросов, подлежащих рассмотрению судом при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. Точно

так же суд, будучи осведомленным о содержании п. 11 ст. 17 Закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ, в постановлении об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не затрагивает вопроса о праве обвиняемого пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью не менее одного часа.

Во-вторых, констатация права обвиняемого, помещенного под домашний арест, иметь ежедневную прогулку основывается на содержании п. 11 ст. 17 Закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ, гарантирующего такое право подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей. Но ставить знак равенства между правовыми статусами (в данном случае имеется в виду объем и характер претерпеваемых обвиняемым ограничений и лишений) лиц, в отношении которых избраны соответственно меры пресечения заключение под стражу и домашний арест, неправильно. Время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы (ч. 3, 4 ст. 72 УК РФ). С некоторой долей условности можно считать, что официально на законодательном уровне домашний арест позиционируется как мера пресечения, которая в два раза мягче по степени жесткости, суровости в сравнении с другой мерой пресечения – заключением под стражу.

С учетом изложенного вывод о том, что обвиняемый, содержащийся под домашним арестом, имеет равные права с обвиняемым, содержащимся под стражей, и на него автоматически распространяется действие п. 11 ст. 17 Закона от 15 июля 1995 г. № 105-ФЗ, как минимум спорный. Логика рассуждений здесь такова: если даже самая жесткая мера пресечения допускает ежедневную прогулку обвиняемого, то ее тем более должен допускать домашний арест. Понятны и мотивы таких рассуждений: обвиняемый, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, не может быть лишен права пользоваться ежедневной прогулкой, которая в данном случае рассматривается не как исключение из запрета покидать пределы жилого помещения, а является условием, обеспечивающим охрану здоровья обвиняемого, содержащегося под домашним арестом.

Косвенно на обсуждаемую ситуацию можно спроецировать позицию Конституционного Суда РФ, выраженную им в Определении от 3 июля 2014 г. № 1484-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гродецкого Владимира Павловича на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Суть ее сводится к тому, что в контексте конституционных норм, провозгласивших право каждого на жизнь, право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 19, ч. 1; ст. 20; ст. 21, ч. 1; ст. 41 Конституции РФ), а также норм и принципов международного права, гарантирующих лицам, лишенным свободы, право на гуманное обращение, лицам, содержащимся под стражей, должны обеспечиваться надежные гаран-

тии права на жизнь и права на охрану здоровья. Названные права гарантируются возложением на должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, и администрацию места содержания под стражей публично-правовой обязанности заботиться о жизни и здоровье заключенных.

Несмотря на то, что вышеизложенная позиция Конституционного Суда РФ касается преимущественно лиц, находящихся под стражей, однако она также имеет значение и для тех лиц, кто помещен под домашний арест, поскольку в связи с избранием меры пресечения имеют ограниченные возможности самостоятельно заботиться о своем здоровье. В системе мер, могущих при домашнем аресте поддерживать здоровье обвиняемого, надлежит рассматривать и его ежедневную прогулку.

И все же в условиях действующего правового регулирования домашнего ареста как меры пресечения распространение п. 11 ст. 17 Закона от 15 июля 1995 г. № 105-ФЗ на обвиняемого, находящегося под домашним арестом, возможно только по аналогии закона [3. С. 89–94]. При этом должен действовать внесудебный (по согласованию со следователем, расследующим уголовное дело, и контролирующим органом) порядок получения обвиняемым разрешения покидать пределы жилого помещения для прогулки. Соответствующие дополнения потребуются внести и в «Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений».

С изложенных позиций, как представляется, и необходимо выстраивать практику применения в указанной части домашнего ареста.

Если исходить из того, что полная изоляция обвиняемого при домашнем аресте не исключает его ежедневные прогулки, абз. 2 п. 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 целесообразно сформулировать в новой редакции:

«С учетом положений части первой ст. 107 УПК РФ (в ред. ФЗ от 18.04.2018 № 72-ФЗ) к числу вопросов, подлежащих рассмотрению судом при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, не относится разрешение подозреваемому или обвиняемому ежедневной прогулки в непосредственной близости от места исполнения меры пресечения. Судам следует иметь в виду, что право лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью не менее одного часа, обеспечивается контролирующим органом».

При отказе от применения по аналогии п. 11 ст. 17 Закона от 15 июля 1995 г. № 105-ФЗ в отношении обвиняемых, подвергнутых домашнему аресту, абз. 2 п. 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 может выглядеть следующим образом:

«С учетом положений части первой ст. 107 УПК РФ (в ред. ФЗ от 18.04.2018 № 72-ФЗ) к числу вопросов, подлежащих рассмотрению судом при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, не относится раз-

решение подозреваемому или обвиняемому ежедневной прогулки в непосредственной близости от места исполнения меры пресечения».

Подводя итоги, сделаем несколько выводов:

1. Внесенные Законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ в гл. 13 УПК РФ изменения сменили формат применения меры пресечения в виде домашнего ареста, сущность которого теперь определяется полной изоляцией обвиняемого по месту проживания и запретами на осуществление коммуникативных действий.

2. В судебной практике на уровне всех инстанций (первой, апелляционной, кассационной) формируется позиция, в соответствии с которой при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста суды отказывают в удовлетворении ходатайства стороны защиты разрешить обвиняемому ежедневные прогулки.

3. Среди правоприменителей распространена спорная, не подкрепленная нормативным материалом точка зрения о том, что на обвиняемого, находящегося под домашним арестом, автоматически распространяется

действие п. 11 ст. 17 Закона от 15 июля 1995 г. № 105-ФЗ (право пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью не менее одного часа).

4. В связи с предстоящей корректировкой содержания постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41, обусловленной серьезными изменениями в законодательной регламентации мер пресечения, в обновленном постановлении Пленуму Верховного Суда РФ целесообразно дать уточняющие разъяснения относительно перечня вопросов, разрешаемых судом при избрании домашнего ареста. В него не должен включаться вопрос о разрешении обвиняемому ежедневных прогулок.

5. Применение по аналогии п. 11 ст. 17 Закона от 15 июля 1995 г. № 105-ФЗ в отношении обвиняемого, находящегося под домашним арестом, предполагает внесудебный (по согласованию со следователем, расследующим уголовное дело, и контролирующим органом) порядок получения разрешения покидать пределы жилого помещения для прогулки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гричаниченко А. Запрет определенных действий и домашний арест // Уголовное право. 2019. № 6. С. 97–103.
2. Марковичева Е.В. Домашний арест, запрет определенных действий и залог как альтернативы заключению под стражу // Заключение под стражу и его альтернативы в уголовном судопроизводстве / под ред. О.В. Качаловой. М., 2018. С. 67–83.
3. Кононенко В.И. Аналогия в уголовном процессе // Российское правосудие. 2018. № 12. С. 89–94.

House Arrest of the Accused (Suspect): Full Isolation and the Right to Walk

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 43–46. DOI: 10.17223/23088451/16/9

Valentina N. Gaponova, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: valentina3886@mail.ru

Varsenik A. Vinogradova, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: varsenik.vinogradova.89@mail.ru

Keywords: preventive measure, house arrest, detention, accused, court.

The article analyzes the changes in the legal regulation of the house arrest and the practice of its imposition. Particular attention is given to the controversial issue of the right of the accused under house arrest to leave the premises for a walk. The authors note that the Normative Transformation of House Arrest, which brought it closer to detention, set the law enforcement task to overcome the established stereotypes in the interpretation of specific provisions related to the essence of this preventive measure. First, it concerns the “regime” of isolation, specifically, the possibility of the accused to take walks. Today, when the house arrest implies ultimate isolation of the accused with the right to live in their home, the court’s permission for the accused to leave the place of residence is not based on the law. The authors conclude that the positive decision of the court is permissible only because of applying the law by analogy. At the same time, it is necessary to take into account the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the responsibility of the state to take care of the health of persons whose possibilities in this part are limited due to the election of preventive measures with isolation from society.

References

1. Grichanichenko, A. (2019) Prohibition of particular actions and home confinement. *Ugolovnoe pravo*. 6. pp. 97–103. (In Russian).
2. Markovicheva, E.V. (2018) Domashniy arest, zapret opredelennykh deystviy i zalog kak al'ternativy zaklyucheniyu pod strazhu [House arrest, prohibition of certain actions and bail as an alternative to detention]. In: Kachalova, O.V. (ed.) *Zaklyuchenie pod strazhu i ego al'ternativy v ugolovnom sudoproizvodstve* [Detention and Its Alternatives in Criminal Proceedings]. Moscow: KnoRus. pp. 67–83.
3. Kononenko, V.I. (2018) Analogy in criminal proceedings. *Rossiyskoe pravosudie*. 12. pp. 89–94. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2072-909X.2018.12.89-94

П.О. Герцен

**О ПРАВЕ УЧАСТНИКОВ СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ НА ОБЖАЛОВАНИЕ
В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПОРЯДКЕ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ РЕШЕНИЙ СУДА, ВЫНЕСЕННЫХ
НА ДОСУДЕБНОМ ЭТАПЕ: ЗАЩИТА ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСОВ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта № 20-311-90018.

Статья посвящена проблеме определения перечня участников со стороны обвинения, наделенных правом обжалования в апелляционном порядке промежуточных решений, вынесенных на досудебном этапе уголовного судопроизводства. Определение в законе субъектного состава без учета специфики стадии предварительного расследования и обжалуемых решений приводит к противоречивой практике. Автор приходит к выводу о необходимости расширения перечня субъектов, наделенных правом обжалования промежуточных решений.

Ключевые слова: *промежуточные решения, апелляция, следователь, прокурор, баланс частных и публичного интересов.*

Состояние современного уголовного процесса и тенденции его развития делают актуальным вопрос о необходимости соблюдения баланса частных и публичного интересов. Особо остро эта проблема стоит на досудебном этапе судопроизводства, где ярко проявляются черты розыскного характера отечественного уголовного процесса.

В ходе предварительного расследования возникает необходимость в производстве следственных действий, в применении мер пресечения и совершении иных процессуальных действий, которыми затрагиваются основополагающие права граждан, гарантированные Конституцией Российской Федерации. Для сохранения баланса между необходимостью соблюдать гражданские права и свободы и обязанностью осуществлять уголовное преследование требуется установление ряда гарантий. В частности, УПК РФ установлено требование, в соответствии с которым производство таких процессуальных и следственных действий возможно только по решению суда. Подобные судебные решения относятся к промежуточным и подлежат самостоятельному обжалованию до вынесения итогового решения по делу. Стоит отметить, что такой вывод следует из положений ч. 1 ст. 127, ч. 11 ст. 108 УПК РФ, а также из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26, в соответствии с которым «самостоятельному обжалованию подлежат промежуточные решения, затрагивающие конституционные права участников уголовного судопроизводства или нарушающие их права на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки, а также препятствующие дальнейшему движению дела» [1].

В настоящее время обжалование и пересмотр промежуточных решений осуществляются в порядке, предусмотренном гл. 45.1 УПК РФ, т.е. по правилам производства в суде апелляционной инстанции. При этом положения главы не учитывают специфику стадии предварительного расследования, в частности, субъектного состава её участников. В связи с этим проблему представляет определение перечня субъектов,

наделенных правом подачи апелляционной жалобы (представления) на промежуточное судебное решение.

В соответствии с ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ, «правом апелляционного обжалования наделены осужденный, оправданный, их защитники и законные представители, государственный обвинитель и (или) вышестоящий прокурор, потерпевший, частный обвинитель, их законные представители, представители, а также иные лица в той части, в которой обжалуемое решение затрагивает их права и законные интересы». Пленум Верховного Суда РФ устранил пробел и дополнил перечень субъектов обжалования участниками досудебного этапа уголовного судопроизводства: подозреваемым, обвиняемым, прокурором [1].

Тем не менее вопрос о перечне субъектов, наделенных правом обжалования в апелляционном порядке промежуточных решений суда, вынесенных на досудебном этапе уголовного судопроизводства, остается дискуссионным. Предметом спора, в частности, являются вопросы о праве руководителя следственного органа, следователя на обжалование промежуточных судебных решений, вынесенных по результатам рассмотрения ходатайств о производстве следственных и процессуальных действий, которые могут существенно ограничить права и законные интересы участников процесса, а также вопрос о праве потерпевшего на защиту частного интереса путём подачи апелляционной жалобы на промежуточное решение суда.

Перечень участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся должностные лица (прокурор, руководитель следственного органа, следователь и др.), которые наделены властными полномочиями и на которых возложена обязанность защищать публичный интерес. Определение публичного интереса также является предметом исследования ряда авторов, однако для целей данной статьи мы будем придерживаться позиции И.Г. Смирновой. Публичный интерес она определяет как «государственный интерес, а также подтвержденный и законодательно закрепленный об-

публичный интерес как совокупность социально значимых частных интересов, не вступающих в противоречие с государственным интересом» [2. С. 17]. Вместе с тем публичный интерес не исключает частные интересы [3. С. 7]. Вторая группа представлена участниками, которые не наделены властными полномочиями (потерпевший, его законный представитель, представитель) и представляют в деле частный интерес. Частный (или личный) интерес в литературе определяют как «интерес, который обусловлен тем, что совершенное преступление непосредственно, лично затрагивает субъекта, и который выражается в стремлении к достижению определенного исхода уголовного дела посредством его возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения» [4. С. 66], или как «индивидуальный интерес отдельных граждан» [5. С. 44].

Большое количество споров ведётся относительно наличия права обжалования промежуточных решений у участников, отнесенных к первой группе. Как уже было отмечено, закон наделяет правом подачи апелляционного представления прокурора, руководитель же следственного органа и следователь ни законодателем, ни Пленумом Верховного Суда РФ не отнесены к субъектам обжалования. Такая позиция законодателя и Верховного Суда РФ обоснованно подвергается критике. В литературе отмечается, что наделение прокурора исключительным правом подачи апелляционного представления на промежуточные решения суда «не является достаточной гарантией пересмотра апелляционной инстанцией решений, не отвечающих цели вынесения промежуточных решений – способствовать эффективному расследованию уголовного дела и таким образом обеспечивать защиту прав потерпевших» [6. С. 126].

Почему же именно прокурору предоставлена возможность инициировать производство в суде апелляционной инстанции? Такое решение может быть связано с его ролью в рассмотрении заявленного следователем ходатайства. УПК РФ установлено, что при рассмотрении судом ходатайства о применении меры пресечения прокурор обосновывает его (либо поручает эту задачу следователю), а в судебном заседании по ходатайству о производстве следственных действий принимает участие. Одни авторы отмечают, что закрепленное полномочие прокурора участвовать в заседании, обосновывать ходатайство либо поручить это лицу, его возбудившему, указывает на его роль в качестве лица, осуществляющего уголовное преследование [7]. Другие считают, что в производствах по рассмотрению судом ходатайства следователя прокурор осуществляет свою основную на досудебном этапе функцию – надзора за предварительным расследованием [8]. Так, если обратиться к положениям приказа Генеральной прокуратуры от 28.12.2016 № 826, в соответствии с которыми «прокурор, участвующий в судебном заседании, составляет заключение об обоснованности заявленного ходатайства», а «в случаях выявления нарушений принимает меры к своевременному обжалованию в апелляционном, кассационном, надзорном порядке», а также «оценивает каждое ходатайство с позиции законности» [9], можно говорить о том, что прокурор в данном

виде производства выступает гарантом соблюдения прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, и осуществляет надзорные полномочия. То есть на прокурора возложена обязанность реагировать на любые выявленные нарушения закона по производствам о следственных действиях, о применении мер пресечения путем подачи апелляционного представления. При этом цель их применения – повысить эффективность и качество предварительного расследования – не является для прокурора приоритетной. Кроме того, он не связан позицией следователя и может не поддержать ходатайство в суде. Как следствие прокурор может как обжаловать решение суда об удовлетворении ходатайства, так и не инициировать апелляционное производство в случае отказа в удовлетворении ходатайства.

Судебная практика подтверждает данные выводы, а также в некоторых случаях свидетельствует о формальном подходе к составлению представлений и отсутствию заинтересованности в результатах пересмотра. Так, судья Верховного суда Республики Крым удовлетворил апелляционное представление прокурора и жалобу защитника обвиняемого на решение суда первой инстанции о продлении сроков заключения под стражу и изменил меру пресечения на домашний арест [10]. Суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры отказал в удовлетворении представления прокурора на постановление об отказе в применении меры пресечения в виде заключения под стражу в связи с тем, что представление было подано прокурором с нарушением сроков [11]. В свою очередь Верховный суд Республики Дагестан отказал в удовлетворении представления прокурора на аналогичное решение суда в связи с отсутствием в представлении доводов о необходимости применения более строгой меры пресечения, чем домашний арест, фактически признав жалобу немотивированной [12].

Кроме того, очевидно изменение роли прокурора во взаимодействии со следствием после реформы 2007 г., когда большинство его контрольных полномочий было передано руководителю следственного органа. Согласно действующему УПК РФ, руководитель следственного органа даёт следователю указания о направлении хода расследования, утверждает постановление следователя о возбуждении перед судом ходатайства, проверяет материалы уголовного дела и может принимать участие в формировании материала, в обосновании ходатайства и др. Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 108 УПК РФ, руководитель следственного органа может участвовать в рассмотрении ходатайства следователя судом. Однако его роль в судебном заседании остаётся неясной, так как возможность обосновывать позицию следствия предоставлена только прокурору или по его поручению лицу, возбудившему ходатайство. Положениями же ст. 165 УПК РФ, которая устанавливает порядок вынесения судебного решения о производстве следственного действия, руководитель следственного органа вообще не отнесён к участникам заседания. То есть руководитель следственного органа реализует свои контрольные полномочия в форме утверждения решения следователя о возбуждении пе-

ред судом ходатайства, но при этом активным участником в данном производстве не становится. Тем не менее в литературе существуют точки зрения, что именно руководитель следственного органа, а не следователь должен быть наделён правом обжалования промежуточных решений. В частности, А.О. Бекетов считает, что «руководитель следственного органа приобрел в настоящее время широкий круг полномочий, позволяющий полноценно отстаивать позицию следственного органа в судебно-контрольных производствах, в связи с чем должен быть наделён правом апелляционного обжалования судебных решений». Предоставление такого права руководителю следственного органа он объясняет желанием избежать необоснованных обращений в вышестоящий суд [13. С. 156]. В то же время существуют и другие способы ограничить право следователя самостоятельно обратиться в апелляционный суд, например возложив на него обязанность согласовывать подачу жалобы с руководителем следственного органа. Безусловно, позиция о необходимости наделения руководителя следственного органа правом обжалования промежуточных решений заслуживает внимания. Однако представляется, что этим не должно подменяться право следователя как лица, инициировавшего производство по рассмотрению ходатайства, на обжалование решений суда об отказе в его удовлетворении.

В связи с этим нельзя не затронуть проблему отсутствия у следователя права на подачу апелляционной жалобы в случаях отказа в удовлетворении заявленного им ходатайства. В научной среде вопрос о необходимости наделения следователя правом обжалования промежуточных решений является дискуссионным.

Противники наделения его таким правом указывают на то, что «следователь выступает в уголовном процессе не от себя лично, а реализует полномочия, которыми его наделило государство, и только в пределах, определенных законом. Он действует от имени государства лишь при производстве предварительного следствия. Что же касается представления результатов работы следователя перед судом, то это исключительная компетенция прокурора» [14]. Однако, как справедливо отмечает А.С. Червоткин, тот факт, что «следователь представляет публичный, а не личный интерес, не может служить основанием для ограничения его процессуальных прав за счёт передачи их части (в том числе права обжалования) другому участнику процесса – прокурору», при этом автор обоснованно обращает внимание на то, что активная роль следователя в судебных процедурах по вынесению промежуточных решений указывает на необходимость наделения его полным объёмом прав стороны, в том числе правом на подачу апелляционной жалобы [15]. В свою очередь, О.В. Кузьмина, являясь сторонником наделения следователя правом апелляционного обжалования, аргументирует свою позицию тем, что именно следователь в ходе предварительного расследования несёт ответственность за результаты производства по уголовному делу, полноту и качество собранных доказательств. Кроме того, она справедливо указывает на то, что в

связи с возможностью расхождения позиций прокурора и следователя предоставление права обращения в суд апелляционной инстанции только прокурору, может привести к отсутствию возможности своевременно исправить судебную ошибку (в случае необоснованного отказа в удовлетворении ходатайства следователя), что скажется на эффективности защиты публичного интереса [16. С. 87]. Ю.А. Цветков отмечает, что отсутствие у следователя права на обжалование промежуточных решений, при условии, что прокурор не является «выразителем интересов следствия», фактически лишает эти интересы защиты, при этом им отмечается наличие противоречивой судебной практики по данному вопросу [17. С. 29].

Действительно, долгое время неоднозначной оставалась и судебная практика. В частности, Советский районный суд г. Томска отказал в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении обвиняемой в качестве меры пресечения заключения под стражу, сославшись на возможность применения более мягкой меры пресечения. Данное постановление суда было обжаловано следователем СО УФСКН России по Томской области, ранее возбудившим перед судом ходатайство в суд апелляционной инстанции. Постановлением Томского областного суда от 19.03.2014 по делу № 22-652/2014 апелляционная жалоба следователя была удовлетворена, постановление Советского районного суда об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу отменено, а в отношении обвиняемой избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок два месяца [18].

В аналогичный период Московским городским судом по апелляционной жалобе следователя по особо важным делам вынесено решение от 02.10.2013 по делу № 10-9639/2013, в котором суд указал, что «согласно положениям уголовно-процессуального законодательства, следователь не наделён правом самостоятельного апелляционного обжалования судебного решения, в том числе в силу его полномочий в соответствии со ст. 38 УПК РФ, и не является лицом, права и законные интересы которого затронуты обжалуемым постановлением» [19].

Интерес представляет тот факт, что в настоящее время судебная практика фактически не ставит под сомнение право следователя на подачу апелляционной жалобы на частное определение суда. Так, Якутский городской суд Республики Саха (Якутия) в ходе рассмотрения ходатайства следователя о применении меры пресечения в виде заключения под стражу вынес частное определение в связи с усмотрением в действиях следователя нарушений процессуального законодательства. Следователем была подана апелляционная жалоба в Суд апелляционной инстанции Верховного суда Республики Саха (Якутия). Жалоба была судом рассмотрена, в её удовлетворении отказано [20]. При этом судом не была дана оценка тому факту, что ни законодатель, ни Пленум Верховного суда следователя к субъектам обжалования не относят.

Наличие дискуссии в науке и противоречивой практики указывает на актуальность проблемы наделения

следователя правом апелляционного обжалования промежуточных решений. Представляется, что в целях обеспечения беспрепятственного хода предварительного расследования и защиты публичного интереса законодательно следует наделить следователя, наряду с прокурором, возможностью инициировать производство в суде апелляционной инстанции путем подачи жалобы на промежуточное решение суда, вынесенные по результатам рассмотрения его ходатайства. При этом, исходя из порядка заявления ходатайства (ч. 1 ст. 165, ч. 1 ст. 108 УПК РФ), апелляционная жалоба должна подаваться с согласия руководителя следственного органа.

Преступлением нарушаются не только публичные права, но и права частных лиц – физических и юридических. Как следствие, законодатель наделил лиц, защищающих частный интерес, правом обжалования промежуточных решений суда. Как уже отмечалось, таким правом наделён потерпевший (его законный представитель, представитель).

Наличие частного интереса у потерпевшего обусловлено тем, что преступлением ему причинен физический, имущественный, моральный вред. Как указывает И.Г. Смирнова, «частный интерес не ограничивается индивидуальным, но включает в себя и коллективные – интересы предприятий, организаций, объединений» [2. С. 16].

При этом позиции частного лица и лица, осуществляющего предварительное расследование, могут не совпадать, в связи с чем потерпевшему и предоставлено право обжалования, в том числе, промежуточных решений. О такой возможности свидетельствует и судебная практика. Так, Верховным Судом Республики Карелия отказано в удовлетворении апелляционной жалобы потерпевшего на решение суда первой инстанции об отказе в применении меры пресечения в виде заключения под стражу, при этом прокурор отозвал

свое апелляционное представление и в заседании против удовлетворения жалобы возражал [21].

В другом случае потерпевший в апелляционной жалобе, поданной им в Тамбовский областной суд, указывал, что «в материалах дела отсутствуют достаточные доказательства, свидетельствующие о причастности обвиняемого к преступлению, и отмечал, что обжалуемое постановление содержит преждевременные выводы о его виновности», при этом просил меру пресечения заменить на не связанную с лишением свободы. Прокурор против удовлетворения жалобы возражал [22].

В связи с тем, что частный и публичный интересы могут не совпадать, представляется обоснованной позиция законодателя, который предоставил потерпевшему право обжалования промежуточных решений. Между тем для обеспечения этого права потерпевшего необходимо установить в законе обязанность следователя уведомлять его о возбуждении перед судом ходатайства о применении меры пресечения, помещении обвиняемого в стационар для проведения экспертизы и др., а также обязанность суда направлять потерпевшему копии постановлений по результатам рассмотрения указанных ходатайств.

В заключение стоит отметить, что порядок апелляционного обжалования промежуточных решений, вынесенных на досудебном этапе уголовного судопроизводства, требует пересмотра. Отсутствие комплексного нормативного регулирования обжалования промежуточных решений, которое учитывало бы особенности стадии предварительного расследования и специфику обжалуемых решений, приводит к тому, что как на практике, так и в теории множатся разночтения и противоречивые позиции. В частности, следует дополнить УПК РФ перечнем субъектов подачи жалобы (представления) на промежуточные решения, включив в него следователя как основного участника процесса на стадии предварительного расследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *О применении норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции* : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2012 №26 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.10.2020).
2. Смирнова И.Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное // Государство и право. 2008. № 8. С. 14–18.
3. Андреева О.И. Проблемы нормативного закрепления прав и обязанностей потерпевшего как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4. С. 5–13.
4. Ильницкая Л.И. Личные интересы участников российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 201 с.
5. Тенчов Э. О частных началах в российском уголовном праве // Уголовное право. 2000. № 1. С. 44–46.
6. Устинова С.А. Об участии следователя в апелляционном процессе // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 124–129.
7. Колоколов Н.А. Глава 52 УПК РФ: новое в законе // Уголовный процесс. 2007. № 6. С. 30–37.
8. Сычев Д.А. Прокурор в досудебном судопроизводстве: функциональный спектр деятельности // Юридические исследования. 2015. № 5. С. 34–57.
9. *Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия* : приказ Генерального прокурора от 28 декабря 2016 г. № 8226 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.10.2020).
10. *Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 12 декабря 2017 г. № 22К-3571/2017 3/2-813/2017* // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.10.2020).
11. *Апелляционное постановление суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 01.09.2017 № 22-1621/2017* // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.10.2020).
12. *Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан № 22К-769/2019 от 10 апреля 2019 г. по делу № 22К-769/2019* // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.10.2020).
13. Бекетов А.О. Руководитель следственного органа – субъект обжалования судебного решения в досудебном производстве // Актуальные проблемы российского права, 2016. № 11. С. 152–162.

14. Жудро К. Судебный порядок рассмотрения жалоб в соответствии со ст. 125 УПК РФ (к вопросу о возможности обжалования следователем судебного решения, указания прокурора и руководителя следственного органа) // Уголовное право. 2012. № 1. С. 84–89.
15. Червоткин А.С. Промежуточные судебные решения в уголовном судопроизводстве. М.: Проспект, 2017. 375 с.
16. Кузьмина О.В. Следователь как субъект обжалования судебных решений на досудебной стадии уголовного процесса // Уголовное право. 2010. № 3. С. 85–89.
17. Цветков Ю.А. Следователь в апелляции // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 27–32.
18. Апелляционное постановление Томского областного суда от 19.03.2014 по делу № 22-652/2014 // Архив Советского районного суда г. Томска.
19. Апелляционное постановление Московского городского суда по делу № 10-10443/2013 от 21.10.2013 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 29.10.2020).
20. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 13 июля 2018 г. № 22К-1174/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.10.2020).
21. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Карелия от 8 апреля 2020 г. № 22К-507/2020 по делу № 3/1-1/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.10.2020).
22. Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 27 марта 2020 г. № 22К-657/2020 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 29.10.2020).

On the Right of the Accused Parties to an Appeal of Interim Court Decisions Made at the Pre-Trial Stage: Protection of Private and Public Interests

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 47–52. DOI: 10.17223/23088451/16/10

Polina O. Gertsen, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stenwaysfiringlight@gmail.com

Keywords: interim decisions, appeal, investigator, prosecutor, balance of private and public interests.

The article examines the problem of determining the list of participants on the part of the prosecution, endowed with the right to appeal the interim decisions made at the pre-trial stage of criminal proceedings. Currently, the appeal and revision of interim decisions are carried according to Chapter 45.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. However, Chapter does not take into account the specificity of the preliminary investigation stage, in particular, the subject composition of its participants. As a result, the list of the subjects entitled to appeal of the interim court decisions at the pre-trial stage of criminal proceedings remains controversial. The article discusses the right of the investigator and the head of the investigative body to file an appeal as well as the right of the victim to initiate proceedings in the court of appeal in defense of private interest. Drawing on the analysis of literature and practices of appealing interim court decisions, the author identifies the problems of theory and practice, including: 1) the prosecutor's right to appeal is not sufficient to ensure to protect public interests; 2) the controversial right of the investigator, or the head of the investigative body to file a complaint with the court of appeal; 3) there is no legal obligation of state bodies to notify the victim about the initiation of a petition before the court for a preventive measure or an investigative action, which may prevent the victim from exercising their right to appeal. The author proposes: 1) to supplement the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with a list of subjects for filing (presenting) a complaint of interim decisions, including the investigator as the main participant in the process at the stage of preliminary investigation; 2) to legislate the investigator's obligation to notify the victim about the initiation of a petition before the court for the application of a preventive measure, placement of the accused in a hospital for an examination, etc., as well as the obligation of the court to send the victim copies of decisions on these petitions.

References

1. The Supreme Court of the Russian Federation. (2012) *On the application of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing proceedings in the court of appeal: Resolution No. 26 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 27, 2012*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138315/. (Accessed: 29th October 2020). (In Russian).
2. Smirnova, I.G. (2008) *Interes – ponyatie ugovolno-protsessual'noe* [Interest – the concept of criminal procedure]. *Gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 14–18.
3. Andreeva, O.I. (2015) The problems of normative entrenchment of the rights and duties of the injured party as a party to a criminal trial on the part of prosecution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/18/1
4. Il'nitskaya, L.I. (2002) *Lichnye interesy uchastnikov rossiyskogo ugovolnogo protsesssa* [Personal interests of participants in the Russian criminal process]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
5. Tenchov, E. (2000) *O chastnykh nachalakh v rossiyskom ugovolnom prave* [About private principles in the Russian criminal law]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 44–46.
6. Ustinova, S.A. (2017) On the participation of investigator in appeal. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti – Vestnik of Economic Security*. 3. pp. 124–129. (In Russian).
7. Kolokolov, N.A. (2007) Glava 52 UPK RF: novoe v zakone [Chapter 52 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: new in the law]. *Ugolovnyy protsess*. 6. pp. 30–37.
8. Sychev, D.A. (2015) Prosecutor in pre-trial proceedings: functional range of activities. *Yuridicheskie issledovaniya – Legal Studies*. 5. pp. 34–57. (In Russian). DOI: 10.7256/2409-7136.2015.5.14389
9. Russian Federation. (2016) *On the organization of prosecutorial supervision over the procedural activities of the preliminary investigation bodies: Order No. 8226 of the Prosecutor General of December 28, 2016*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212081/ (Accessed: 29th October 2020). (In Russian).
10. Russian Federation. (2017) *Appeal Ruling No. 22K-3571/2017 3/2-813/2017 of the Supreme Court of the Republic of Crimea of December 12, 2017*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=SOUG&dst=0&hash=0&n=130754&req=doc#09699819859666856> (Accessed: 29th October 2020). (In Russian).

11. Russian Federation. (2017) *Appeal Ruling No. 22-1621/2017 of the court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra of September 1, 2017*. [Online] Available from: SPS “Konsul’tantPlyus”. (Accessed: 29th October 2020). (In Russian).
12. Russian Federation. (2019) *Appeal Ruling No. 22K-769/2019 of the Supreme Court of the Republic of Dagestan of April 10, 2019, in Case No. 22K-769/2019*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSK;n=97787#09515276999270357> (Accessed: 29th October 2020). (In Russian).
13. Beketov, A.O. (2016) The head of the investigative body is the subject of the appeal to a court decision in a pre-trial proceeding. *Aktual’nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of the Russian Law*. 11. pp. 152–162. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2016.72.11.152-162
14. Zhudro, K. (2012) Judicial grievance procedure according to Article 125 of the criminally remedial code of the Russian Federation (about question on a possibility of the appeal investigators of judgements, instructions of the public prosecutor and heads of investigating. *Ugolovnoe pravo*. 1 pp. 84–89. (In Russian).
15. Chervotkin, A.S. (2017) *Provezhutochnye sudebnye resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve* [Interim court decisions in criminal proceedings]. Moscow: Prospekt.
16. Kuzmina, O.V. (2010) Investigator as an appellant against judicial decisions made during the pre-trial criminal proceedings. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 85–89. (In Russian).
17. Tsvetkov, Yu.A. (2014) Investigator in appellate procedure. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 4. pp. 27–32. (In Russian).
18. Russian Federation. (2014) *Appeal Ruling of the Tomsk Regional Court of March 19, 2014, in Case No. 22-652/2014*. The Archive of the Soviet District Court of Tomsk. (In Russian).
19. Russian Federation. (2013) *Appeal Ruling of the Moscow City Court in Case No. 10-10443/2013 of October 21, 2013*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/7TrclSDLcON8/> (Accessed: 29th October 2020). (In Russian).
20. Russian Federation. (2018) *Appeal Ruling No. 22K-1174/2018 of the Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia) of July 13, 2018*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=108167#013933830072339304> (Accessed: 29th October 2020). (In Russian).
21. Russian Federation. (2020) *Appeal Ruling No. 22K-507/2020 of the Supreme Court of the Republic of Karelia of April 8, 2020, in Case No. 3/1-1*. [Online] Available from: SPS “KonsultantPlus”. (Accessed: 29th October 2020). (In Russian).
22. Russian Federation. (2014) *Appeal Ruling No. 22K-657/2020 of the Tambov Regional Court of March 27, 2020*. [Online] Available from: SPS “KonsultantPlus”. (Accessed: 29th October 2020). (In Russian).

В.К. Зникин, И.Н. Раззорова

НЕРАЗУМНОСТЬ РАЗУМНОГО СРОКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Рассматривается соотношение понятий «разумный срок» и «быстрое, полное и всестороннее расследование». На основе обобщения теоретических воззрений, практики применения положений статьи 125 УПК РФ предлагаются пути совершенствования механизма обеспечения судебной защиты прав частных лиц в уголовном судопроизводстве. Делается вывод о том, что можно считать разумным сроком уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, разумный срок, процессуальный срок, принцип уголовного судопроизводства.*

Оксюморон, вынесенный в заглавие статьи, вовсе не фигура речи, а обозначение реально существующей проблемы: понятие разумного срока уголовного судопроизводства, одного из принципов, закрепленных в действующем УПК РФ, размыто, а потому его рамки могут раздвигаться при определенных условиях до неразумных пределов. Заметим, что в УПК РСФСР существовала задача, указывающая на недопущение «неразумности» срока уголовного судопроизводства.

Принцип уголовного судопроизводства «разумный срок» появился в УПК РФ только в 2010 г., т.е. практически через девять лет после его принятия. А что было до этого: разумный срок не существовал или существовал, но не как принцип? Можно ли считать задачу быстрого, всестороннего, полного и объективного раскрытия преступлений, на которую ориентировался прежний УПК РСФСР [1], синонимом принципа разумного срока в УПК РФ? Как проявляется данный принцип при реализации прав, предусмотренных ст. 125 УПК РФ в качестве механизма побуждающего воздействия со стороны заинтересованных участников уголовного процесса, на длительность уголовного судопроизводства?

Конституция России провозглашает права и свободы личности как высшую ценность [2]. Государственным законодательством признается необходимость соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Эти правовые предписания должны служить руководством для должностных лиц при осуществлении деятельности по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, а также при проведении проверок по сообщениям о преступлениях. Очевидно, что основной закон содержит далеко не весь перечень прав и свобод личности. Гарантируя гражданам право на судебную защиту их законных интересов, Конституция РФ, тем не менее, ничего не говорит о том, что срок правосудия должен быть разумным, способствуя этим его наибольшей эффективности процесса восстановления гражданских прав потерпевших, нарушенных в результате совершения преступлений. Представляется, что ответ на поднимаемые нами вопросы нужно искать в законодательстве, которое определяет срок уголовного судопроизводства и процедуру его продления, что формально может расцениваться как разумный срок, если выполнены все условия, предусмотренные действующим законодательством.

Например, в УПК РФ содержатся нормы, где наблюдается исторически сложившаяся в российском уголовном процессе тенденция на полное, всестороннее и объективное расследование. В качестве примера можно рассматривать часть четвертую ст. 152 УПК РФ, где допускается возможность производства предварительного расследования по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения полноты, объективности и соблюдения процессуальных сроков. Наряду с этим часть вторая ст. 154 УПК РФ допускает возможность выделения уголовного дела в отдельное производство для завершения предварительного расследования, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного следствия. То есть независимо от того, что норма, указывающая на всесторонность, полноту, объективность уголовного процесса, как принцип не выделена в действующем УПК РФ, дознаватель, следователь, а в случае, не терпящем отлагательства, — приравненные к ним лица обязаны исследовать все обстоятельства всесторонне, устанавливать обстоятельства, имеющие значение для дела, полно и при этом сохранять объективность. Очевидно, что указанные критерии (всесторонность, полнота, объективность) должны проявляться не только при собирании доказательств, но и при их проверке и оценке, а также при принятии процессуальных решений на всех стадиях уголовного судопроизводства. В одной из своих работ Н.Н. Апостолов говорит, что такой подход законодателя тесно связан с понятием быстроты процесса, что в качестве основополагающей идеи признавалось ещё в дореволюционном уголовном процессе [3. С. 66], т.е. имеет место исторически сложившаяся правовая норма, которая находит свое отражение в современном уголовно-процессуальном законодательстве.

Однако уголовно-процессуальная деятельность не всегда протекает планомерно и не все субъекты проявляют себя как сознательные участники, которые действуют активно, а следовательно, такой процессуальный срок, который увеличивается ввиду индивидуальных особенностей поведения отдельных участников уголовного процесса, нельзя называть разумным. Приведем несколько типовых ситуаций «законного» затягивания разумного срока, обозначенного ст. 6.1 УПК РФ. Увеличение процессуального срока может

возникать в результате применения процедур, предусмотренных УПК РФ: на судебное заседание не является основной свидетель обвинения; на судебное заседание не является защитник по «уважительной причине», а подсудимый отказывается от другого защитника; судья уходит в отпуск; на судебное заседание не доставляется подсудимый (подозреваемый, обвиняемый), секретарём (следователем, дознавателем) не заказан конвой; подсудимый требует назначения стационарной психиатрической экспертизы, несмотря на то, что ранее проходил ее в амбулаторном порядке; единственный свидетель призывается на действительную военную службу; отказ прокурора от обвинения и др. Видится, что, несмотря на отсутствие в УПК конкретной нормы, указывающей на быстрое и всестороннее раскрытие преступлений, именно такие ситуации и не согласуются с принципом разумного срока, содержащегося в УПК РФ, и не признаются на практике как его нарушения.

Очевидно, что правило о разумном сроке применяется на протяжении всего уголовного судопроизводства и не рассматривается отдельно для каждой стадии. 11 августа 2020 г. вступили в силу изменения ст. 6.1 УПК РФ (разумный срок уголовного судопроизводства) [4]. Исходя из внесенных изменений, разграничены и принципы определения разумного срока для разных сторон процесса:

- для лица, в отношении которого в соответствии с установленным порядком осуществляется уголовное преследование, – это временной период со дня начала осуществления уголовного преследования до дня прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора;

- для потерпевшего или иного заинтересованного лица, которому в результате совершения преступления причинен вред, – это период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора.

Внесение изменений в нормы уголовно-процессуального права, определяющие разумный срок уголовного судопроизводства, не привело к законодательному закреплению самого понятия «разумный срок» и никак не прояснило: тот ли это срок, когда проверка сообщения о преступлении или производство по уголовному делу проведены быстро, полно и всесторонне.

В свою очередь прогнозирование возможности возникновения споров о разумных темпоральных пределах уголовного процесса и для разрешения иных сложных ситуаций определило потребность разработки побуждающего механизма, в качестве которой в УПК РФ включены нормы об обжаловании незаконных действий или бездействия субъектов уголовного судопроизводства, предполагающие возможность внешнего стимулирования быстроты уголовно-процессуальной деятельности, в том числе используя судебные органы (например, ст. 125 УПК РФ).

Отличительной особенностью российского досудебного производства является то, что роль судебных органов является опосредованной. Чаще всего необходимость обращения в суд возникает при решении во-

просов, связанных с ограничением прав личности (например, применение меры пресечения в виде содержания подозреваемого или обвиняемого под стражей, ограничение срока ознакомления сторон с материалами уголовного дела и т.п.). Инициаторами в этих случаях выступают должностные лица, которые осуществляют от имени государства уголовно-процессуальную деятельность по защите гражданских прав. Частные лица в досудебном производстве могут обратиться в судебные органы с жалобой на действие (бездействие) должностных лиц, за исключением случаев совершения преступлений частного обвинения, где предусмотрена процессуальная возможность прямого обращения в суд для реализации гарантированного права на судебную защиту. В процессе восстановления нарушенных гражданских прав потерпевшие в результате преступлений в первую очередь обращаются в правоохранительные органы, в чью компетенцию входит проверка сообщений о преступлениях, где влияние судебных органов на срок уголовного судопроизводства мало заметно. Очевиднее влияние судебных органов на срок уголовного судопроизводства в судебной стадии.

Однако в настоящее время сложно говорить о высокой эффективности разработанного в российском уголовно-процессуальном законодательстве института судебной защиты гражданских прав. В наибольшей степени недостатки этого института проявляются при реализации права обжалования действий и решений должностных лиц, влияющих на длительность срока уголовного судопроизводства. Устранение препятствий, возникающих на пути эффективного ведения уголовного производства, становится основной задачей для всё большего числа контролирующих и надзирающих органов, чем требуется объективно при соблюдении порядка, установленного УПК РФ. Наблюдается рост жалоб участников уголовного судопроизводства, обусловленных желанием скорейшего отправления правосудия и реализации права на судебную защиту своих прав. Результат при рассмотрении таких жалоб (в порядке ст. 125 УПК РФ) достигается формально, а реально его нет. В пользу данного вывода говорят выявленные нами факты.

Нами были изучены более 200 материалов судебного производства по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ, рассмотренных Центральным районным судом г. Кемерово и Заводским районным судом г. Кемерово за период 2018–2020 гг. Третья часть изученных материалов судебного производства по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ, признанных не подлежащими удовлетворению, содержала информацию о неуведомлении участников уголовного производства о принятых решениях по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях. Данные обстоятельства послужили основаниями для обращения с жалобами в суд для обеспечения права на судебную защиту. Безусловно, обратившиеся с жалобами в суд участники уголовного судопроизводства объективно не были лишены возможности обратиться в суд по формальным нарушениям, но реального решения вопроса обеспечения доступа к правосудию никто из них не получил. При приня-

тии решения о назначении жалобы к рассмотрению судьями указывалось на отсутствие конкретного предмета обжалования, в результате чего делался вывод о возвращении её инициатору для устранения препятствий для рассмотрения жалобы. Такой порядок не обеспечивает возможности прямого участия в уголовном процессе нуждающихся в защите своих прав сторон, но требования закона при этом соблюдены.

Еще одним барьером, который не ускоряет доступ граждан к правосудию и не обеспечивает разумный срок уголовного судопроизводства, выступает то обстоятельство, что незаконные решения об отказе в возбуждении уголовного дела могут отменяться как по требованию прокуроров, так и руководителями органов предварительного следствия без ведома заинтересованных сторон многократно, но это не гарантирует возможности получения судебной защиты в разумный срок. Кроме того, схожая ситуация может возникать и в процессе подготовки к судебному заседанию в порядке ст. 125 УПК РФ, когда происходит оповещение заинтересованных сторон о предмете, времени и месте проведения судебного заседания. Такой порядок дает возможность оповещенным контролирующим и надзирающим органам за отведенное на подготовку время отменить обжалуемое решение, в связи с чем предмет обжалования на момент рассмотрения жалобы судом попросту отсутствует. Однако и в этом случае факт отмены незаконного процессуального решения не гарантирует гражданину восстановление его нарушенных гражданских прав и принятие после отмены законного решения по результатам уголовно-процессуальной деятельности и разумного срока уголовного судопроизводства. Возможно, одним из способов обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства может стать законодательное закрепление необходимости вынесения судебного решения об установлении предельного срока проверки по сообщению о преступлении или срока расследования по уголовному делу, где судом будут учитываться сложность и объем действий, которые следует выполнить для обеспечения судебной защиты гражданских прав участников уголовного судопроизводства.

Практика прекращения производства по жалобам в связи с отсутствием предмета обжалования на момент проведения назначенного судебного заседания встречается наиболее часто. В своих решениях судьи ссылаются на Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 г. № 1019-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Шарудинова Абдурахмана Курбановича и Шарудинова Курбана Курбановича на нарушение их конституционных прав частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [5]. В данном случае выводы решения, принятого судом по жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ, сводятся к тому, что деятельность лица, принимающего жалобу к рассмотрению, направлена на защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, прямо связана с возложением судом на соответствующее должностное лицо обязанности устранить допущенное

нарушение. Если нарушение уже устранено (например, отменено обжалуемое решение), принятие жалобы к рассмотрению по ранее имевшему место факту нарушения прав делает бессмысленным признание действия (бездействия) или решения незаконным. Суд в процессе своей деятельности не подтверждает наличие нарушения закона в действии (бездействии) должностных лиц на момент подачи жалобы. В сложившейся практике рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ суд объективно может принять решение об оставлении жалобы без удовлетворения. Установленное право на доступ к правосудию предписывает, по сути содержания постановления Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П [6], некоторые безусловные обстоятельства, которые, при рассмотрении жалоб граждан в соответствии со ст. 125 УПК РФ, должны учитываться: в период предварительного расследования судебного контроля за законностью и обоснованностью процессуальных актов органов дознания, следователей и прокуроров судом не должны предreshаться вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела [Там же]. Очевидно, что бездействие должностных лиц не входит в предмет судебного разбирательства по сообщению о преступлении, т.е. может рассматриваться в судебном заседании при рассмотрении жалобы в соответствии со ст. 125 УПК РФ. Можно говорить о том, что существующий в настоящее время порядок рассмотрения жалоб не стимулирует не допускать нарушения действующего законодательства должностными лицами в дальнейшем. К суду не предъявляется требование выделять в отношении должностных лиц, чьи действия (бездействия) обжалуются, материалы и направлять их для проведения проверки по факту халатного отношения к своим обязанностям должностных лиц при рассмотрении жалоб о нарушении порядка уголовного судопроизводства за затягивание срока уголовного судопроизводства. Отсутствие суждения о нарушении разумного срока уголовного судопроизводства в решении о результатах рассмотрения жалобы невозможно будет использовать в процессе подготовки иска о компенсации за нарушение разумного срока уголовного судопроизводства.

Суды в постановлениях указывают на процессуальную независимость дознавателей, следователей, руководителей следственного органа и прокуроров, когда в описательной части в качестве аргументов для отказа в признании факта бездействия сотрудников приводят позицию об их независимости и внутренней субъективной убежденности в том, что именно должно быть выполнено или не выполнено, но рассмотрение вопроса о роли участников процессуальной деятельности в затягивании срока уголовного судопроизводства могла бы быть предметом рассмотрения по такого рода жалобам. Фактически процессуальные нарушения имеют место, а их устранение (хотя бы формальное) является результатом побуждающего воздействия со стороны заинтересованных участников. По нашему мнению, во избежание ситуации по предreshению вопросов, которые впоследствии могут стать предметом судебного

разбирательства по существу уголовного дела, суд не должен обязывать следователей или дознавателей выполнять какие-либо конкретные действия, но может решать вопрос о нарушении возложенных на них обязанностей за необеспечение исполнения требований законодательства и неосуществление процессуальной деятельности в установленный законом срок. Аналогичным образом должно оцениваться и обеспечение участия в судебном заседании всех сторон процесса и особенности их индивидуального поведения, выстраивающего барьеры для рассмотрения дел в судебной стадии. Целесообразно при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ оценивать влияние поведения должностных лиц на длительность срока уголовного судопроизводства и при наличии повода выделять материалы для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности должностных лиц, которые своим действием или бездействием способствовали необоснованному увеличению срока уголовного судопроизводства. Кроме того, суд мог бы устанавливать предельный срок процессуальной деятельности, в который необходимо принять процессуальное решение, обеспечивающее доступ граждан к правосудию в разумный срок. Таким образом, суд не будет разбираться в обстоятельствах, подлежащих доказыванию при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, но при-

мет меры к установлению факта нарушения требований закона со стороны должностных лиц. Представляется, что для обеспечения возможности принятия такого решения необходимо дополнить содержание п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ: «...и его обязанности устранить допущенное нарушение в срок, определенный судьей». Такая процедура рассмотрения жалобы, поступившей в порядке ст. 125 УПК РФ, возможно, будет наиболее оптимально отвечать ст. 2 и 46 Конституции России и способствовать обеспечению принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

Подводя итог, можно сказать, что разумный срок уголовного судопроизводства – это такой его срок, который не дает возникнуть противоречию между действиями участников уголовного процесса и требованием общества о своевременном и адекватном реагировании суда на все злоупотребления, допускаемые этими участниками, влекущими за собой увеличение срока уголовного судопроизводства. Исторические предпосылки обусловили объективную необходимость законодательного закрепления разумного срока в качестве одного из принципов российского уголовного судопроизводства. Требование к быстрому, полному, всестороннему и объективному расследованию является также одной из составляющих того, что включается в содержание принципа «разумный срок».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР* // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.09.2020).
2. *Конституция Российской Федерации* : принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.09.2020).
3. Апостолов Н.Н. Разумный срок уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2010. № 9. С. 63–66.
4. *Федеральный закон* от 31.07.2020 № 243-ФЗ «О внесении изменения в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.09.2020).
5. *Определение Конституционного Суда РФ* от 29.05.2012 № 1019-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Шарудинова Абдурахмана Курбановича и Шарудинова Курбана Курбановича на нарушение их конституционных прав частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2018).
6. *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации* от 23 марта 1999 года № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.03.2020).

Unreasonableness of Reasonable Time in Criminal Proceedings

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 53–57. DOI: 10.17223/23088451/16/11

Valery K. Znikin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Inna N. Razzorenova, Kuzbass State University named after T.F. Gorbachev (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: i.razzorenova@yandex.ru

Keywords: criminal proceedings, reasonable time, procedural time, principle of criminal proceedings.

The analysis of the criminal procedure law made it possible to conclude that there is a historically established tendency for a complete, comprehensive, and objective investigation with the principle of reasonable time. The authors emphasize the lack of legislative consolidation of the concept of “reasonable time”, which results in the lack of clarity in making a decision on its violation. The research into practice has shown that there are situations inconsistent with the principle of reasonable time that are not recognized as a violation of it. Having summarized the theoretical views and practices of applying the provisions of Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the authors identify the obstacles in ensuring citizens’ access to justice and ensuring a reasonable period of criminal proceedings and propose the ways to improve the mechanism for ensuring judicial protection of the rights of individuals. They also stress out the need for legislative consolidation of the delivery of a court decision on the deadline for verification of a crime report or a timeframe for investigation in a criminal case. The conclusion is that a reasonable period of criminal proceedings is such a period that does not give rise to a contradiction between the actions of the participants in the criminal proceedings and the public’s demand for a timely and adequate response of the court to all abuses committed by these participants, entailing an increase in the duration of the criminal proceedings. As a consequence, the requirement for a prompt, complete, comprehensive, and impartial investigation is part of the “reasonable time” principle.

References

1. Russian Federation. (n.d.) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RSFSR* [The Criminal Procedure Code of the RSFSR]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (Accessed: 29th September 2020). (In Russian).
2. Russian Federation. (1993) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993* [The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Accessed: 29th September 2020). (In Russian).
3. Apostolov, N.N. (2010) Reasonable time of criminal proceedings. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 9. pp. 63–66. (In Russian).
4. Russian Federation. (2020) *Federal Law No. 243-FZ of July 31, 2020, On Amendments to Article 6.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358675/ (Accessed: 29th September 2020). (In Russian).
5. Russian Federation. (2012) *Resolution No. 1019-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 29, 2012, On refusal to accept for consideration the complaint of citizens Sharudinov Abdurakhman Kurbanovich and Sharudinov Kurban Kurbanovich on violation of their constitutional rights by Part 1 of Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation*. [Online] Available from: SPS “KonsultantPlus”. (Accessed: 18th March 2018). (In Russian).
6. Russian Federation. (1999) *Resolution No. 5-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 23, 1999, On verification of the constitutionality of Article 133, Part One of Article 218 and Article 220 of the RSFSR Criminal Procedure Code in connection with complaints from citizens V. Borisova, B.A. Kekhman, V.I. Monastyretsky, D.I. Fuflygin and the limited liability company “Monokom”*. [Online] Available from: SPS “KonsultantPlus”. (Accessed: 21st March 2018). (In Russian).

К.В. Муравьев

**МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, СОСТОЯЩИЕ В ИЗОЛЯЦИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО:
РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Констатируется, что в отечественном законодательстве получили отражение международные стандарты применения задержания и заключения под стражу несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Сделаны предложения по совершенствованию УПК РФ и корректировке разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, направленные на усиление процессуальных гарантий прав участников уголовного судопроизводства, не достигших взрослого возраста.

Ключевые слова: *задержание, заключение под стражу, международный стандарт, мера пресечения, несовершеннолетний.*

Российская Федерация ратифицировала ряд документов в области охраны прав и свобод несовершеннолетних. Тем самым наше государство взяло обязательство привести национальное законодательство в соответствие с международными стандартами. Особого внимания потребовала защита прав и интересов подростков, соприкасающихся с уголовным судопроизводством. В этой сфере при наличии оснований допускается применение мер процессуального принуждения, в том числе состоящих в изоляции подозреваемого, обвиняемого, – задержание, заключение под стражу [1]. Международный опыт работы с несовершеннолетними правонарушителями во многом воспринят отечественной правовой системой. По отдельным аспектам оптимизация российского законодательства может быть продолжена.

Так, в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, указывается, что содержание под стражей лиц, не достигших совершеннолетия, должно применяться лишь в качестве «крайней меры и в течение кратчайшего периода во времени» (п. 13.1); предлагается во всех возможных случаях заменять содержание под стражей альтернативными мерами (п. 13.2). Аналогичная рекомендация содержится в Конвенции о правах ребенка: «арест, задержание или тюремное заключение ребенка осуществляются согласно закону и используются лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого соответствующего периода времени» (п. «b» ст. 37).

Отечественный законодатель стремится обеспечить предложенный международными стандартами уровень охраны прав и интересов лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Согласно ч. 2 ст. 423 УПК РФ «при решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр». Данная мера принуждения состоит в обеспечении надлежащего поведения подростка родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится

(ст. 105 УПК РФ). Тем самым сделана попытка реализовать идею во всех возможных случаях заменять содержание под стражей другими, альтернативными мерами, направленными на воспитание несовершеннолетних и не связанными с изъятиями из семей [2. С. 24–25].

Вместе с тем правовая регламентация присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым имеет существенные недостатки. В правоприменении же в отношении данной меры принуждения сложились негативные стереотипы.

В частности, отсутствует алгоритм действий следователя или дознавателя по определению лиц, на которых могут быть возложены обязанности по осуществлению присмотра, выявлению и процессуальному оформлению (фиксации) фактов невыполнения ими принятого обязательства и последствий этого. В связи с чем данное средство воздействия на практике применяется крайне редко. По данным исследователей среди иных мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых доля «присмотра» составляет лишь около 6,7%. При этом заключение под стражу используется следователями и дознавателями в 2,5 раза чаще. Его удельный вес находится у отметки 16,4% [3. С. 3–4, 228]. Таким образом, идея применения в отношении подростков заключения под стражу как «крайней меры» не нашла должной реализации.

Следует обратить внимание, что в настоящее время в российском парламенте находится проект Федерального закона № 679268-6, в соответствии с которым к несовершеннолетним правонарушителям предлагается применять новую меру пресечения – помещение в центры временного содержания органов внутренних дел несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений небольшой, средней тяжести или тяжких преступлений, за исключением тяжких преступлений, указанных в ч. 5 ст. 92 УК РФ, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности [4].

В случае реализации данного законопроекта будут созданы условия для более четкой дифференциации подходов к выбору меры пресечения [5. С. 336]. Это

усилит гарантии прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, что всецело соответствует требованиям Пекинских правил, которые определяют, что использование карательных санкций к данной категории лиц должно быть ограничено с учетом тяжести правонарушения и особенностей личности несовершеннолетнего, и призывают государства к поиску новаторских средств соблюдения баланса правосудия и интересов несовершеннолетнего, с тем чтобы избежать содержания последнего под стражей до суда в интересах его благополучия [6].

Л.И. Лавдаренко справедливо отмечает, что в действующем уголовно-процессуальном законе России отсутствуют предписания об исключительности применения задержания и заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего [2. С. 24–25]. Такие установки содержались ранее в ст. 393 УПК РСФСР 1960 г. Согласно же ч. 1 ст. 423 УПК РФ рассматриваемые меры принуждения «производятся в порядке, установленном ст. 91, 97, 99, 100 и 108 Кодекса», т.е. по обычным правилам, применяемым к «взрослым» подозреваемым, обвиняемым.

Отдельные изъятия из указанного правила содержит ч. 2 ст. 108 УПК РФ. Здесь установлено условие, призванное уменьшить применение принудительных мер воздействия, связанных с лишением свободы, в период производства по делу: к несовершеннолетнему правонарушителю заключение под стражу может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В порядке исключения эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести. В отношении «взрослых» правонарушителей заключение под стражу применяется при совершении особо тяжких, тяжких и средней тяжести преступлений и лишь при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. При расследовании посягательств небольшой тяжести заключение под стражу может применяться только при наличии исключительных обстоятельств, свидетельствующих о высокой вероятности ненадлежащего поведения преследуемого лица. К ним относятся следующие случаи: подозреваемый, обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или от суда (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Таким образом, законодатель приводит закрытый список исключительных обстоятельств только при регламентации условий применения заключения под стражу к взрослым правонарушителям. Соответствующий перечень по отношению к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым законом не определен. Это приводит к различному его толкованию в юридической литературе [7. С. 86; 8. С. 14] и правоприменительной практике [9. С. 100–104]. По мнению отдельных исследователей, наличие в Кодексе оценочной категории «исключительный случай» не согласуется с

озвученным в международных актах требованием законности к процедуре лишения свободы [2. С. 24–25].

Основания и иные условия задержания подростков по сравнению с правилами задержания взрослых правонарушителей также не имеют каких-либо изъятий. В качестве процедурной особенности можно выделить лишь обязательность уведомления близких родственников, родственников или близких лиц несовершеннолетнего о каждом случае применения данной меры принуждения (ч. 4 ст. 96 УПК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 91 УПК РФ задержание применяется при подозрении лица в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Вместе с тем необходимо учитывать, что данная мера принуждения осуществляется в целях разрешения вопроса о применении к подозреваемому ареста. В этой связи следует прислушаться к предложениям А.А. Чувилева, который еще несколько десятилетий назад призывал распространить уголовно-правовые ограничения, предусмотренные для заключения под стражу, и на данную меру принуждения. При этом он считал необходимым сохранить за органами предварительного расследования право задерживать лиц, подозреваемых в совершении преступления, наказуемого лишением свободы на меньший срок, лишь в порядке исключения – для немедленной изоляции от общества лица, принимающего активные меры по уничтожению следов совершенного преступления или предпринимающего попытку скрыться от расследования [10. С. 24]. С данным предложением соглашались и другие авторы [11. С. 5]. Поскольку действующий УПК РФ допускает, по общему правилу, заключение под стражу лиц, преследуемых за совершение общественно опасного деяния, за которое предусмотрено уголовное наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, а несовершеннолетних – за совершение тяжких и особо тяжких посягательств, то полагаем, что в отсутствие исключительных обстоятельств применение задержания подозреваемого должно быть определено аналогичными категориями преступлений.

Международные стандарты о необходимости ограничить применение мер процессуального принуждения, связанных с лишением свободы, в отношении подростков «как можно более коротким периодом времени» также требуют дальнейшей оптимизации национального законодательства. При этом следует с осторожностью относиться к откровенно популистским идеям. В частности, к предложению установить в УПК РФ срок задержания несовершеннолетнего, не превышающий 24 часов [12. С. 10, 19–20]. Полагаем, что такого временного периода следователю (дознавателю) будет недостаточно для того, чтобы подготовить необходимые для ареста материалы и предоставить их в суд вместе с постановлением о возбуждении ходатайства об избрании заключения под стражу, да еще и за 8 часов до истечения срока задержания (ч. 4 ст. 108 УПК РФ). Вместе с тем предусмотренный п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ порядок продления времени задержания (после 48 часов на срок не более 72 часов для представления дополнительных доказательств обоснованности из-

брания ареста) целесообразно скорректировать, чтобы на несовершеннолетних правонарушителей он не распространялся.

Следует учитывать и правила соразмерности сроков ограничения мер процессуального принуждения грозящему наказанию. По смыслу принципа презумпции невиновности до вступления в законную силу обвинительного приговора на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, в своей совокупности сопоставимые по степени тяжести, в том числе срокам, с уголовным наказанием, а тем более превышающие его¹. Учитывая, что правила назначения наказания для несовершеннолетних осужденных предполагают уменьшение низшего и верхнего пределов лишения свободы (ч. 6 и 6.1 ст. 88 УК РФ), считаем, что последовательным должно стать и установление уменьшенных предельных сроков содержания под стражей в отношении данной категории лиц.

Стандарты международных организаций, связанные с отправлением правосудия в отношении подростков, нашли свое отражение и в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Так, в п. 3 постановления от 1 февраля 2011 г. № 1 отмечается, что правосудие в отношении несовершеннолетних должно быть направлено на то, чтобы применяемые к ним меры воздействия обеспечивали максимально индивидуальный подход к исследованию обстоятельств совершенного деяния и были соизмеримы как с особенностями их личности, так и с обстоятельствами совершенного деяния, способствовали предупреждению преступлений среди несовершеннолетних, обеспечивали их ресоциализацию, защиту законных интересов потерпевших. В п. 6 и 7 постановления указывается, что заключение под стражу может применяться к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего времени. Суду следует проверять положения, обосновывающие невозможность применения в отношении него иной, более мягкой, меры пресечения [14].

В отдельных случаях разъяснения Верховного Суда РФ являются спорными. Так, в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 со ссылкой на ч. 6 ст. 88 УК РФ дается следующее пояснение: «Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу не допускается в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, который подозревается или обвиняется в совершении преступлений небольшой или средней тяжести впервые, а также в отношении остальных несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой тяжести впервые». Такое разъяснение не соответствует ч. 2 ст. 108 УПК РФ, в которой установлен абсолютный запрет на применение к несовершеннолетнему меры пресечения в виде заключения под стражу по делам о пре-

ступлениях небольшой тяжести. Поэтому положение п. 6 постановления № 1 надлежит привести в соответствие с уголовно-процессуальным законом.

Возможно, наличием данного разъяснения следует объяснить и существующую практику заявления органами предварительного расследования ходатайств о заключении под стражу несовершеннолетних, преследуемых в совершении преступлений небольшой тяжести, и даже их удовлетворения судами. Так, в 2012 г. заявлялось 10 таких ходатайств, удовлетворено – 2; в 2013 и 2014 гг. данные ходатайства заявлялись по 9 раз; в 2015 г. заявлялось 5 ходатайств, удовлетворено – 1, в 2016 и 2017 гг. такие ходатайства заявлялись по 3 раза, были удовлетворены 1 и 2 соответственно; в 2018 и 2019 гг. – заявлялось 2 и 5 подобных ходатайств [15].

В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 имеется точное разъяснение применения взаимосвязанных норм УК РФ и УПК РФ о соразмерности ограничений принудительного воздействия в отношении несовершеннолетних: «...суду надлежит учитывать положения ч. 6 ст. 88 УК РФ, по смыслу которой заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые» [16].

В целом российские суды руководствуются международными стандартами в области охраны прав и свобод несовершеннолетних. При этом они соблюдают принцип соразмерности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, учитывают не только тяжесть преступления, но и особенности их личности. Свидетельством этому является сравнительный анализ абсолютных и относительных данных об удовлетворении судами ходатайств об избрании ареста.

Так, в 2019 г. в отношении всех категорий обвиняемых удовлетворено 94 633 из 104 866 (90,2%) рассмотренных ходатайств (в том числе 27 550 из 29 125 (94,6%) по особо тяжким преступлениям; 41 835 из 46 827 (89,3%) – по тяжким; 21 362 из 24 390 (87,6%) – средней тяжести; 3 886 из 4 524 (85,9%) – небольшой тяжести). В отношении же несовершеннолетних обвиняемых судами удовлетворено 833 из 1 156 (72,1%) ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (в том числе 255 из 343 (74,3%) по особо тяжким преступлениям; 329 из 577 (74,4%) – по тяжким; 149 из 251 (59,4%) – средней тяжести) [Там же].

Итак, в национальном законодательстве и процессуальной практике получили отражение международные стандарты применения мер принуждения, состоящих в изоляции несовершеннолетних правонарушителей, в качестве крайних средств и в течение кратчайшего времени. Идея требует дальнейшего развития. Имеются проекты законов, реализация которых способна усилить гарантии прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве.

¹ По делу о проверке конституционности ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина: постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 27-П (п. 4) // СПС «КонсультантПлюс» [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Цоколова О.И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого. М., 2008. 310 с.
2. Лавдаренко Л.И. Задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего // Российский следователь. 2015. № 6. С. 23–27.
3. Ерофеева В.А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 242 с.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части расширения перечня категорий несовершеннолетних, помещаемых в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел: проект Федерального закона № 679268-6 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.09.2020).
5. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017. 505 с.
6. Головинская И.В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения. URL: <http://отрасли-права.rf/article/20372> (дата обращения: 20.09.2020).
7. Макаренко И.А. К вопросу о применении мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. 2007. № 2. С. 85–88.
8. Цветкова Е.В. Особенности и порядок применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых // Российский следователь. 2012. № 15. С. 13–16.
9. Тетюев С. Заключение под стражу несовершеннолетнего // Уголовное право. 2012. № 1. С. 100–104.
10. Чувилев А.А. Привлечение следователем и органом дознания лица в качестве подозреваемого по уголовному делу : учеб. пособие. М., 1982. 77 с.
11. Булатов Б.Б. Применение мер государственного принуждения к лицам, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, в работах А.А. Чувилева // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 3–9.
12. Авалиани К.А. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 237 с.
13. По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина: постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 27-П (п. 4) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.09.2020).
14. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 29 ноября 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.09.2020).
15. Официальный сайт Судебного департамента Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 02.03.2020).
16. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 24 мая 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.09.2020).

Procedural Enforcement Measures Consisting in the Isolation of a Minor Suspect and Defendants: Implementation of International Standards in Russian Law

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 58–62. DOI: 10.17223/23088451/16/12

Kirill V. Muraviev, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk, Russian Federation). E-mail: murki@list.ru

Keywords: arrest, detention, international standard, preventive measure, minor.

Russian legislation reflects international standards for the use of coercive measures of isolation of juvenile offenders as a last resort and for the shortest possible time. However, the RF Code of Criminal Procedure does not define a closed list of exceptional circumstances to regulate the conditions for detention of juvenile suspects and accused. Neither does it define the exceptions and other conditions for the detention of adolescents in comparison with the rules for the detention of adult offenders. Further improvement of the RF Criminal Procedure Code and correction of the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are required to reinforce the guarantees of the rights of underage participants in criminal proceedings.

References

1. Tsokolova, O.I. (2008) *Mery ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya, sostoyashchie v izolyatsii podozrevaemogo, obvinyaemogo* [Measures of criminal procedural coercion, consisting in the isolation of the suspect, the accused]. Moscow: [s.n.].
2. Lavdarenko, L.I. (2015) Arrest and confinement under guard of a minor. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 6. pp. 23–27. (In Russian).
3. Erofeeva, V.A. (2018) *Prismotr za nesovershennoletnim podozrevaemym, obvinyaemym v ugolovnom sudoproizvodstve* [Supervising a minor suspect or accused in criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Moscow.
4. Russian Federation. (n.d.) *On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in terms of expanding the list of categories of minors placed in temporary detention centers for juvenile offenders of the internal affairs bodies: Draft Federal Law No. 679268-6*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=130134#07807284462346724> (Accessed: 2nd September 2020). (In Russian).
5. Muraviev, K.V. (2017) *Optimizatsiya ugolovnogo protsessa kak formy primeneniya ugolovnogo zakona* [Optimization of the criminal process as a form of application of criminal law]. Law Dr. Diss. Omsk.
6. Golovinskaya, I.V. (n.d.) *Institut mer presecheniya: problemy diversifikatsii i varianty ikh razresheniya* [Institute of preventive measures: problems of diversification and options for their solution]. [Online] Available from: <http://otrasli-prava.rf/article/20372> (Accessed: 20th September 2020).

7. Makarenko, I.A. (2007) K voprosu o primeneni mer presecheniya v otnoshenii nesovershennoletnikh [On applying preventive measures against minors]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 85–88.
8. Tsvetkova, E.V. (2012) Features and procedure for applying preventive measures in the form of detention of juvenile suspects and defendants. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 15. pp. 13–16. (In Russian).
9. Tetyuev, S. (2012) Detention of the minor. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 100–104. (In Russian).
10. Chuvilev, A.A. (1982) *Privlechenie sledovatelem i organom doznaniya litsa v kachestve podozrevaemogo po ugolovnomu delu* [Involvement of a person as a suspect in a criminal case by the investigator and the body of inquiry]. Moscow: [s.n.].
11. Bulatov, B.B. (2006) [The use of measures of state coercion against persons suspected and accused of committing crimes in the works of A.A. Chuvilev]. *Sovershenstvovanie norm i institutov Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Improving the Norms and Institutions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Proc. of the Conference. Omsk: [s.n.]. pp. 3–9. (In Russian).
12. Avaliani, K.A. (2009) *Osobennosti dosudebnogo proizvodstva po ugolovnym delam v otnoshenii nesovershennoletnikh* [Specificity of pre-trial proceedings in criminal cases against minors]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
13. Russian Federation. (2011) *On verification of the constitutionality of Article 107 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen of the Republic of Estonia A.T. Fedin: Resolution No. 27-P (Clause 4) of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 6, 2011*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123019/ (Accessed: 2nd September 2020). (In Russian).
14. Russian Federation. (2011) *On judicial practice in the application of legislation regulating the peculiarities of criminal liability and punishment of minors: Resolution No. 1 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 1, 2011 (as amended on November 29, 2016)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (Accessed: 2nd September 2020). (In Russian).
15. The Judicial Department of the Russian Federation. Official Website. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru> (Accessed: 2nd March 2020).
16. Russian Federation. (2013) *On the practice of the application by courts of legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest and bail: Resolution No. 41 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013 (as amended on May 24, 2016)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (Accessed: 2nd September 2020). (In Russian).

И.Г. Смирнова, Ю.А. Коротаева

**О ПРОБЛЕМЕ ОТНЕСЕНИЯ ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИЦИИ К СУБЪЕКТАМ
ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Разрешается вопрос отнесения заместителей начальника полиции, осуществляющих полномочия начальника органа дознания, к субъектам ведомственного контроля за процессуальной деятельностью органа дознания органов внутренних дел. Обозначена проблема конкретности понятия начальника органа дознания в УПК РФ. Сделан вывод, что указанные заместители являются субъектами ведомственного контроля только в случае исполнения обязанностей начальника органа дознания в случае его отсутствия.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, ведомственный контроль, начальник отдела полиции, орган дознания, заместители начальника органа дознания, руководители территориального органа МВД РФ на региональном и районном уровне.

Уголовно-процессуальным законодательством определен круг субъектов ведомственного контроля органа дознания органов внутренних дел Российской Федерации. Особое внимание, на наш взгляд, необходимо обратить на таких должностных лиц, как заместители начальника полиции. Интересным является вопрос: относятся ли указанные должностные лица к субъектам ведомственного контроля органа дознания?

В соответствии с ч. 3 ст. 40.2 УПК РФ в ОВД РФ заместители начальника полиции вправе осуществлять полномочия начальника органа дознания. Проблему отнесения каких-либо должностных лиц правоприменительного органа к начальникам органа дознания допускается решать с учетом организационно-штатной структуры соответствующего органа [1. С. 31]. В настоящее время наибольшая сложность в данном вопросе имеется применительно к системе органов внутренних дел [2. С. 124].

В первую очередь необходимо понимание: кто из руководителей ОВД РФ является начальником органа дознания. Дефиниция данного должностного лица, закрепленная в уголовно-процессуальном законе, вызывает бурное обсуждение среди ученых. Например, И.И. Колесников считает, что определение начальника органа дознания в УПК РФ представляется как «расплывчатое», не содержащее конкретного понятия [3. С. 47]. Подобное мнение имеет и А.А. Дядченко, считающий вышеупомянутое определение недостаточно конкретным, без точных указаний о конкретных полномочиях начальника органа дознания [4. С. 41].

Стоит согласиться с мнением Е.Ю. Стефановой о том, что в определении «начальник органа дознания» нет правовой нагрузки [5. С. 101]. На наш взгляд, в уголовно-процессуальном законе необходимо закрепить конкретный перечень должностных лиц, которые имеют право осуществлять полномочия начальника органа дознания в органах внутренних дел. Только после этого можно обозначить круг его заместителей.

По мнению Т.А. Левиновой, применительно к территориальному органу МВД России на районном уровне полномочия начальника органа дознания при-

надлежат начальнику указанного органа. Как следствие, его заместители также вправе осуществлять полномочия начальника органа дознания [6. С. 124].

С точки зрения В.Ю. Стельмах, в системе МВД России начальниками органа дознания считаются такие должностные лица, как:

- начальник органа внутренних дел;
- начальник полиции, являющийся по должности заместителем начальника органа внутренних дел;
- заместитель начальника полиции по охране общественного порядка;
- начальник территориального отдела (отделения, пункта) полиции.

Анализируя уголовно-процессуальные нормы, а также ведомственные акты, мы приходим к выводу, что законодатель не дает конкретного перечня должностных лиц, которых можно отнести к начальникам органа дознания. При отсутствии указанного перечня возникает сложность в понимании, кто из заместителей полиции может осуществлять полномочия начальника органа дознания и соответственно, являются ли данные должностные лица субъектами ведомственного контроля.

Согласно нормам Типового положения об отделе (отделении, пункте) полиции территориального органа МВД РФ на районном уровне [7], начальник отдела полиции имеет заместителей, которые назначаются и освобождаются на (с) должности руководителем (начальником) соответствующего территориального органа МВД России на районном уровне в установленном МВД России порядке. Штатная численность отдела полиции определяется согласно штатному расписанию, утвержденному руководителем (начальником) соответствующего территориального органа МВД России на региональном уровне. Как следует из указанного нормативного правового акта, отдел полиции является структурным подразделением территориального органа МВД России на районном уровне. Руководитель (начальник) отдела полиции имеет в своем подчинении несколько заместителей, как правило, их количество составляет от двух и более сотрудников, а именно за-

меститель начальника отдела полиции (по оперативной работе) и заместитель начальника отдела полиции (по охране общественного порядка) [8. С. 117–118].

По нашему мнению, можно согласиться со многими учеными-процессуалистами в том, что на районном и региональном уровне в территориальном органе МВД РФ начальником органа дознания является начальник соответствующего органа, и, как следствие, его заместители уполномочены осуществлять полномочия начальника органа дознания.

Однако в зависимости от района и региона, на территории которых находятся территориальные органы МВД РФ, количество заместителей начальника полиции варьируется от трех и более сотрудников. В таком случае необходимо учесть, что среди указанных заместителей присутствуют сотрудники, которые имеют специальные звания не только полиции, но и юстиции, а также внутренней службы и в силу специфики выполняемых обязанностей по занимаемой должности никакого отношения к процессуальной деятельности органа дознания не имеют.

Таким образом, на районном и региональном уровне для заместителей руководителя различных территориальных органов МВД России, имеющих специальное звание юстиции и внутренней службы, норма УПК РФ, предусматривающая осуществление полномочий начальника органа дознания заместителями, представляется некорректной. Следовательно, перечисленные заместители субъектами ведомственного контроля органа дознания не являются.

Вместе с тем необходимо отметить, что в том случае, если указанные заместители начальника по приказу исполняют служебные обязанности начальника полиции (начальника органа дознания) по причине отсутствия последнего, тогда такой заместитель, обладая статусом начальника органа дознания, вправе осуществлять его полномочия [9. С. 21]. В таком случае заместитель будет являться субъектом ведомственного контроля за процессуальной деятельностью подчиненных дознавателей.

Иные заместители начальника полиции различного уровня в органах внутренних дел, которые имеют специальное звание сотрудника полиции, вправе пользоваться правами начальника органа дознания как субъекта ведомственного контроля. Следовательно, теоретически их можно отнести к кругу указанных субъектов.

Однако практика говорит об обратном, а именно: необходимо понимать, что каждый из заместителей начальника полиции различного уровня, на котором находится территориальный орган МВД РФ, курирует направление уголовно-процессуальной деятельности

своих подчиненных сотрудников. Данная деятельность характеризуется большим объемом поставленных задач, и осуществление ведомственного контроля еще и за органами дознания таковыми заместителями не представляется возможным. Тем более, помимо начальника органа дознания органа внутренних дел, осуществляющего ведомственный процессуальный контроль, присутствует и начальник подразделения дознания, который, в свою очередь, по нашему мнению, более детально осуществляет указанный контроль.

Кроме того, в случае осуществления некоторых полномочий начальника органа дознания его заместителем возникают определенные сложности в пользовании своих прав у других должностных лиц органа дознания.

К примеру, дознаватель, являясь должностным лицом органа дознания, находится в подчинении у начальника подразделения дознания и начальника органа дознания. УПК РФ (п. 4 ст. 41), обязывает дознавателя выполнять указания начальника органа дознания. Вместе с тем данная правовая норма предоставляет дознавателю право на обжалование указаний начальника органа дознания. Таким образом, в случае осуществления полномочий начальника органа дознания его заместителем, в частности, дачи указаний дознавателю о направлении расследования и производстве процессуальных действий, право дознавателя на обжалование указаний не может быть реализовано, так как в перечне лиц, чьи указания могут быть обжалованы, заместителя начальника органа дознания нет. По нашему мнению, данный факт является пробелом в процессуальной деятельности органа дознания ОВД РФ.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в процессуальной деятельности органов дознания присутствуют вопросы, которые требуют внимания со стороны законодателя. Во-первых, существует необходимость в указании конкретного перечня должностных лиц, которые являются начальниками органа дознания в органах внутренних дел. Во-вторых, при наделении полномочиями начальника органа дознания заместителей начальника полиции необходимо учитывать сферу их деятельности [10. С. 49]. Заместители начальника полиции, осуществляющие полномочия начальника органа дознания, являются субъектами ведомственного контроля только в том случае, если указанные должностные лица в соответствии с локальным нормативным актом территориального органа исполняют обязанности начальника полиции или начальника органа внутренних дел по причине его временного отсутствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Степняк В.Ю.* Понятие начальника органа дознания и начальника подразделения дознания и их процессуальные полномочия // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (49). С. 31–33.
2. *Луковников Г.Д.* Начальник органа дознания: уголовно-процессуальные и организационно-управленческие полномочия // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2013. № 2-1. С. 122–126.
3. *Гаврилов Б.Я.* Реализация отдельных положений Устава уголовного судопроизводства в современном досудебном производстве России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5 (42). С. 897–905.

4. Дядченко А.А. Правовое положение начальника органа дознания в российском уголовном судопроизводстве: теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 224 с.
5. Стефанова Е.Ю. Полномочия начальника органа дознания в системе МВД России // Публичное и частное право. 2018. № 3 (39). С. 101–107.
6. Левинова Т.А. Начальник органа дознания в зеркале организационно-практических проблем // Российская юстиция. 2014. № 5. С. 22–25.
7. Об утверждении Типового положения об отделе (отделении, пункте) полиции территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне: приказ МВД России от 01.09.2017 г. № 690 (ред. от 26.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.09.2020).
8. Митюкова М.А. К вопросу о процессуальных полномочиях начальника органа дознания // Сибирский юридический вестник. 2016. № 2 (73). С. 115–123.
9. Миронова А.В. О проблемах процессуального статуса органов внутренних дел как органов дознания // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 19–21.
10. Горчакова Е.В. К вопросу о процессуальных полномочиях начальника органа дознания в органах внутренних дел // Актуальные проблемы науки и практики : сб. науч. тр. Дальневосточного юридического института МВД России. Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. С. 47–49.

On the Problem of Classifying Deputy Heads of Police as Subjects of Departmental Control of Inquiry Bodies of the Internal Affairs Agencies of the Russian Federation in the Field of Criminal Proceedings

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 63–65. DOI: 10.17223/23088451/16/13

Irina G. Smirnova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smirnova-ig@mail.ru

Yulia A. Korotaeva, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: 123j89@mail.ru

Keywords: criminal proceedings, departmental control, head of police department, inquiry body, deputy heads of inquiry body, heads of territorial body of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation at regional and district levels.

The article discusses the vague normative regulation of the concept of the head of the body of inquiry. This vagueness results in difficulties in classifying deputy heads of police that exercise the powers of the head of the inquiry body as subjects of departmental control over the procedural activities of the inquiry body of the internal affairs agencies. The authors focus on a number of issues that require attention from the legislator: the need to make a specific list of officials who are heads of inquiry bodies in the internal affairs agencies; the need to take into account the scope of activities of deputies when giving them the powers of the head of the inquiry body. The deputy head of police exercising the powers of the head of the body of inquiry is subject to departmental control only if they are acting as the head of police or the head of an internal affairs agency due to the head's temporary absence.

References

1. Stel'makh, V.Yu. (2017) Ponyatie nachal'nika organa doznaniya i nachal'nika podrazdeleniya doznaniya i ikh protsessual'nye polnomochiya [The concept of the head of the inquiry body and the head of the inquiry subdivision, and their procedural powers]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 3 (49). pp. 31–33.
2. Lukovnikov, G.D. (2013) Nachal'nik organa doznaniya: ugolovno-protsessual'nye i organizatsionno-upravlencheskie polnomochiya [Head of the inquiry body: Criminal procedural and organizational administrative powers]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo – Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2–1. pp. 122–126.
3. Gavrillov, B.Ya. (2014) Realizatsiya otdel'nykh polozheniy Ustava ugolovnogo sudoproizvodstva v sovremennom dosudebnom proizvodstve Rossii [Implementation of certain provisions of the Charter of Criminal Proceedings in modern pre-trial proceedings in Russia]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 5 (42). pp. 897–905. DOI: 10.7256/1994–1471.2014.5.11350
4. Dyadchenko, A.A. (2009) *Pravovoe polozhenie nachal'nika organa doznaniya v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya i praktika* [The legal status of the head of the inquiry body in the Russian criminal justice: Theory and practice]. Law Cand. Diss. Moscow.
5. Stefanova, E.Yu. (2018) Powers of the Chief of the Inquiry Agency in the System of the Ministry of Interior of Russia. *Publichnoe i chastnoe pravo*. 3 (39). pp. 101–107. (In Russian).
6. Levinova, T.A. (2014) The chief of body of inquiry in the mirror organizational and practical problems. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 5. pp. 22–25. (In Russian).
7. Russian Federation. (2020) *On approval of the Model Regulations on the Police Department (Division, Point) of the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the regional level: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 01 September 2017 No. 690 (as amended on 26 June 2020)*. [Online]. Available from: SPS “Konsul'tant Plyus”. (Accessed: 2nd September 2020). (In Russian).
8. Mityukova, M.A. (2016) On the Question of Procedural Powers of the Inquiry Body Chief. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian Law Herald*. 2 (73). pp. 115–123. (In Russian).
9. Mironova, A.V. (2013) About the Problems of Procedure Status of Organs of Internal Affairs as Organs of Inquiry. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2. pp. 19–21. (In Russian).
10. Gorchakova, E.V. (2018) K voprosu o protsessual'nykh polnomochiyakh nachal'nika organa doznaniya v organakh vnutrennikh del [On the procedural powers of the head of the inquiry body in the internal affairs agencies]. In: Kravtsova, I.V. (ed.) *Aktual'nye problemy nauki i praktiki* [Topical issues of science and practice]. Khabarovsk: Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 47–49.

УДК 343.157

DOI 10.17223/23088451/16/14

М.С. Спиридонов

ЭТАП ОЦЕНКИ ОБОСНОВАННОСТИ ЖАЛОБЫ (ПРЕДСТАВЛЕНИЯ) ПРИ СПЛОШНОЙ КАССАЦИИ

Рассматривается этап проверки судом кассационной инстанции обоснованности кассационной жалобы, представления. Анализируется зарубежное уголовно-процессуальное законодательство, которое касается регулирования данного вопроса. Высказываются конкретные предложения по изменению уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: кассационное производство, сплошная кассация, выборочная кассация, кассационная жалоба (представление).

Отличия в процедуре обжалования между сплошной и выборочной кассациями состоят в том, что для сплошной кассации предусмотрен особый порядок подачи жалобы (представления) – через суд первой инстанции, который выполняет подготовительные действия по делу (ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ). В итоге жалоба (представление) поступает в кассационную инстанцию вместе с материалами уголовного дела и подлежит рассмотрению в судебном заседании коллегиальным составом суда.

Порядок обжалования для выборочной кассации остался таким же, каким был до 1 октября 2019 г., т.е. жалобы (представления) подаются непосредственно в суд кассационной инстанции и подлежат предварительному изучению судьей кассационной инстанции, который принимает одно из решений согласно ч. 2 ст. 401.10 УПК РФ: об отказе в передаче кассационной жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, если отсутствуют основания для пересмотра судебных решений в кассационном порядке; о передаче кассационной жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о предварительном рассмотрении судьей жалоб на вступившее в законную силу судебное решение сводится к следующему:

- существование данного этапа обусловлено целью обеспечить баланс публичного и частного интересов, не допустить превращение суда, полномочного пересматривать вступившие в законную силу судебные решения, в обычную (ординарную) судебную инстанцию и исключить явно необоснованные обращения;

- эта процедура отвечает правовой природе и предназначению производства по пересмотру вступивших в законную силу судебных решений и не может расцениваться как не совместимая с правом каждого на судебную защиту и на справедливое судебное разбирательство, при том что при рассмотрении дела по существу судом вышестоящей инстанции в отношении сторон и иных участвующих в нем лиц обеспечивается соблюдение основных процессуальных принципов и гарантий;

- установление иной предварительной процедуры – с проведением судебного заседания, обеспечением

присутствия лиц, участвующих в деле, заслушиванием их доводов и возражений – привело бы к существенному увеличению срока прохождения жалоб на этом этапе их проверки, целью которого является лишь исключение явно необоснованных обращений из сферы рассмотрения судом вышестоящей инстанции;

- при решении вопроса о наличии или отсутствии оснований для истребования дела, а также при решении вопроса о наличии или отсутствии оснований для передачи дела в суд вышестоящей инстанции для рассмотрения по существу необходимо вынесение мотивированного решения;

- судья обязан проанализировать обжалуемые судебные постановления и изложенные в жалобе доводы о допущенных нарушениях закона и во всяком случае истребовать дело, если на основе изучения представленных материалов у него возникли сомнения в правомерности вынесенного решения, а по результатам рассмотрения истребованного дела, если он полагает, что имеют место предусмотренные законом основания для отмены или изменения обжалуемого судебного акта, – передать дело для рассмотрения по существу в суд вышестоящей инстанции;

- на этом этапе какое-либо новое решение, поновому определяющее права и обязанности сторон, не выносится, поэтому единоличное рассмотрение судьей жалобы и истребованного дела не противоречит конституционным принципам правосудия, не ограничивает и не нарушает конституционное право на судебную защиту (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 05.02.2007 г. № 2-П, от 25.03.2014 г. № 8-П, Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22.03.2011 г. № 327-О-О, от 03.04.2012 г. № 598-О, от 25.02.2010 г. № 232-О-О, от 22.04.2004 г. № 131-О).

Применительно к существовавшей до 1 октября 2019 г. кассационной процедуре И.С. Дикарев [1. С. 167], А.С. Омарова [2. С. 98], М.Е. Нехороших [3. С. 84], К.В. Ивасенко [4. С. 123], Т.Г. Бородинова [5. С. 273] поддерживали данную позицию и придавали важное значение этапу предварительного рассмотрения судьей кассационной жалобы.

Г.Я. Борисевич [6. С. 467–474] и А.Г. Тузов [7. С. 87–91] выдвигали альтернативную точку зрения, согласно которой предварительное изучение жалобы

должно предназначаться только для исключения из производства формально неприемлемых жалоб, а решение вопроса об обоснованности жалобы по существу должно проходить в судебном заседании.

Как видно, последняя точка зрения фактически воплощена в жизнь, поскольку предварительный этап сплошной кассации касается только формальной стороны жалобы (представления), без ее рассмотрения по существу. Следовательно, отсутствие этапа предварительного изучения жалобы (представления) и безусловная передача на рассмотрение в судебном заседании каждой поступившей жалобы (представления) являются характерными чертами ординарного проверочного производства. И.С. Дикарев считает, что отказ от предварительного производства при сплошной кассации означает введение деволутивного порядка производства в суде кассационной инстанции, и в этом аспекте сплошная кассация сблизилась с апелляцией [8. С. 115–120]. В этом аспекте можно говорить о том, что сплошная кассация имеет черты ординарного проверочного производства, а выборочная кассация – исключительного.

Отсутствие предварительного этапа рассмотрения жалобы (представления) на кассационной стадии встречается не только в отечественном арбитражном, гражданском и административном процессуальном законодательстве, но и в уголовно-процессуальном законодательстве других стран, например, в Азербайджане (ст. 418 УПК Азербайджана [9]) и Армении (ст. 413, 417 УПК Армении [10]).

Классический вариант кассации – когда обоснованность жалобы или наличие оснований для кассационного производства проверяется составом кассационного суда. Так, во Франции первый председатель или председатель палаты по уголовным делам кассационного суда может принять решение о подготовке уголовного дела коллегией из трех судей. По просьбе одной из сторон коллегия может передать рассмотрение дела на слушание в Палату, если хотя бы один из судей коллегии найдет для этого основания. Коллегия может признать кассационную жалобу неприемлемой или необоснованной (ст. 567.1.1 УПК Франции [11]).

Схожее регулирование можно увидеть в Эстонии, где Государственный суд в составе трех государственных судей принимает в течение одного месяца со дня получения жалобы решение о принятии ее к производству на основании материалов уголовного дела без вызова сторон кассационного производства. Жалоба принимается к производству, если хотя бы один государственный судья считает, что: 1) приведенные в ней доводы дают основания предполагать, что окружным судом были неправильно применены нормы материального права или допущены существенные нарушения норм уголовно-процессуального права; 2) в ней оспаривается правильность применения норм материального права или в ней содержится ходатайство об отмене решения окружного суда вследствие существенного нарушения норм уголовно-процессуального права, а решение Государственного суда имеет важное значение с точки зрения единообразного применения закона (ст. 349 УПК Эстонии [12]).

В Грузии кассационный суд вправе без устного слушания проверить допустимость кассационной жалобы. Кассационная жалоба является допустимой, если: а) дело представляет важность для развития права и формирования единообразной судебной практики; б) решение апелляционного суда отличается от существовавшей ранее практики Верховного Суда Грузии по делам, относящимся к той же категории; в) дело было рассмотрено апелляционным судом со значительными правовыми или процессуальными нарушениями, которые могли существенным образом повлиять на результаты рассмотрения дела. Определение кассационного суда о признании жалобы недопустимой окончательно и обжалованию не подлежит. Если кассационный суд определением признает жалобу допустимой, он назначает дату кассационного заседания (ст. 303 УПК Грузии [13]).

В Германии закон предъявляет к ревизионной (кассационной) жалобе требование обоснованности, которое состоит в том, что заявитель должен указать, в какой части он обжалует приговор и просит его отменить (так называемые ревизионные требования), и это требование обосновать. Обоснованная ревизионная жалоба обязательно подписывается подсудимым и его адвокатом. При выполнении требований закона, предъявляемых к ревизионной жалобе, суд первой или апелляционной инстанции направляет ее с материалами дела прокурору, а прокурор – в ревизионный суд. Без судебного разбирательства ревизионный суд вправе отклонить жалобу как недопустимую или необоснованную (§ 344, 345, 349 УПК Германии [14. С. 301–303]).

В уголовно-процессуальном законодательстве Украины (ст. 428 УПК Украины [15]) существует понятие «открытие кассационного производства». Суд кассационной инстанции открывает кассационное производство в течение пяти дней со дня поступления жалобы, если нет оснований для оставления кассационной жалобы без движения, возвращения кассационной жалобы или отказа в открытии кассационного производства. Вопрос об открытии кассационного производства суд кассационной инстанции решает без вызова сторон уголовного производства. Суд кассационной инстанции выносит определение об отказе в открытии кассационного производства, если: 1) кассационная жалоба подана на судебное решение, которое не подлежит обжалованию в кассационном порядке; 2) из кассационной жалобы и представленных с ней судебных решений и других документов усматривается, что оснований для удовлетворения жалобы нет. При этом суд кассационной инстанции не вправе отказать в открытии кассационного производства по основанию ее необоснованности, если обжалуется судебное решение, которым в апелляционном порядке было ухудшено положение подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного. По мнению Н.Н. Ковтуна, поскольку кассация в уголовном процессе Украины относится к экстраординарным проверочным производствам, то вполне обоснованно, что решение об открытии кассационного производства принимается в целом судом кассационной инстанции, а не судьей-докладчиком; суд

кассационной инстанции констатирует отсутствие (особых / исключительных) оснований для открытия кассационного производства и фактически разрешает спор о правосудности судебного акта по существу [16. С. 23–30].

В качестве примера, когда кассационная жалоба предварительно изучается единолично судьей кассационной инстанции, можно привести Казахстан, где по общему правилу решение о передаче кассационного ходатайства для рассмотрения в судебном заседании кассационной инстанции принимает судья кассационного суда по результатам предварительного изучения такого ходатайства. Из этого правила есть исключение: представление Председателя Верховного суда Республики Казахстан, протест Генерального прокурора Республики Казахстан, представление председателя областного суда об устранении возникших противоречий при повторном апелляционном рассмотрении дела, а также ходатайства лиц, осужденных к смертной казни или пожизненному лишению свободы, или их защитников рассматриваются судом кассационной инстанции непосредственно, для них не требуется предварительное изучение судьей кассационной инстанции (ст. 490, 491 УПК Казахстана).

Приведенные выше примеры показывают, что даже там, где вопрос о приемлемости и обоснованности жалобы решается коллегиальным составом суда, проведение судебного заседания в общем порядке не предусмотрено, что, однако, не умаляет силы такого кассационного решения и позволяет считать такую процедуру эффективным средством правовой защиты. Это подтверждает и позиция Европейского суда по правам человека, согласно которой возможность кассационного обжалования окончательного, но не вступившего в законную силу судебного решения, ранее обжалованного в апелляционном порядке, признается эффективным средством внутригосударственной правовой защиты, исчерпание которого обязательно для целей п. 1 ст. 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (например: Решение ЕСПЧ от 31.05.2007 г. по делу «Долинез и Метена против Франции» (*Doliner and Maitenaz v. France*) жалоба № 24113/04 [17. С. 580]).

В пояснительном докладе к Протоколу № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод отмечается, что право на пересмотр обвинительного приговора вышестоящим судом может быть реализовано и посредством обращения осужденного в суд или административный орган с заявлением о разрешении на обжалование [18]. Тем самым этап предварительного рассмотрения жалобы не противоречит требованию справедливого судебного разбирательства.

И.С. Дикарев пишет: «Отказ от предварительного производства по кассационным жалобам и представлениям, поданным на итоговые судебные решения по уголовным делам, и переход к деволютивному порядку пересмотра лишают принцип правовой определенности одной из его ключевых гарантий в производстве в суде кассационной инстанции. Однако следует отдавать себе отчет в том, что принцип правовой определенности принесен законодателем в жертву не менее значимой

правовой ценности – праву на судебную защиту» [8. С. 115–120]. Соглашаясь с данным утверждением, необходимо сослаться также на позицию Н.А. Колоколова о том, что «сочетание принципа свободы обжалования судебного решения с методом сплошной ревизии материалов дела должно гарантировать наилучший результат судебного-контрольной деятельности. Однако незащищенность вышестоящей инстанции от злоупотребления участниками права на обжалование ведет к ее перегрузке лишней работой, задержке исполнения судебных решений и, как следствие, нарушению прав участников процесса, согласных с судебным решением» [19. С. 84–90].

Очевидный минус отсутствия при сплошной кассации этапа оценки обоснованности жалобы и наличия оснований для ее передачи на рассмотрение кассационного суда – это отсутствие у сторон заинтересованности в составлении обоснованных и полных жалоб, содержащих ссылки на кассационные основания, достаточные для передачи дела в суд кассационной инстанции. При сплошной кассации любая, даже явно необоснованная жалоба является основанием для начала кассационного производства.

Кроме того, следует отметить, что проведение судебного заседания при сплошной кассации с учетом его формата, который предусматривает только устное заслушивание позиций явившихся сторон, не влияет на уровень гарантии права на судебную защиту. Нами были проанализированы размещенные на официальных сайтах судов списки уголовных дел, назначенных к слушанию (Первым кассационным судом общей юрисдикции – за 27 февраля, 10 марта, 3 и 4 июня, 14, 15 и 16 июля, 4, 5 и 6 августа 2020 г.; Вторым кассационным судом общей юрисдикции – за 11 марта, 18, 19 и 20 мая, 4, 8 и 9 июня, 1, 2 и 3 июля 2020 г.; Четвертым кассационным судом общей юрисдикции – за 2 и 4 марта, 18 и 20 мая, 1 и 3 июня, 13 и 15 июля 2020 г.; Пятым кассационным судом общей юрисдикции – за 11 и 16 марта, 18 и 20 мая, 3 и 4 июня, 6 и 8 июля 2020 г.; Седьмым кассационным судом общей юрисдикции – за 11, 12 и 16 марта, 18, 19 и 20 мая, 2, 4 и 16 июня, 6, 7 и 8 июля 2020 г.), из которых видно, что на одно заседание в среднем отводится от 15 до 30 минут. При этом нужно учитывать, что существенную часть заседания занимают процессуальные моменты (разъяснение прав, разрешение отводов и ходатайств и т.д.). Очевидно, что стороны, участвуя в таком заседании, не получают каких-то дополнительных преимуществ по сравнению с развернутым изложением своей позиции в письменном виде в жалобе (представлении) или возражениях.

Отсутствие этапа оценки обоснованности жалобы и наличия оснований для ее передачи на рассмотрение кассационного суда чрезмерно усиливает ревизионное начало и смещает баланс в сторону задачи по выявлению и устранению нарушений требований к итоговому судебному решению. По нашему мнению, решение этой проблемы возможно посредством введения письменного кассационного производства, осуществляемого коллегией из трех судей, в ходе которого будет рассматриваться вопрос о приемлемости и обоснованно-

сти жалобы (представления). С учетом этого предлагаем следующую редакцию ч. 1 ст. 401.8 УПК РФ:

«1. В течение 20 суток со дня поступления уголовного дела в суд кассационной инстанции судебная коллегия в составе трех судей на основании материалов уголовного дела без вызова сторон решает вопрос о передаче либо отказе в передаче кассационной жалобы (представления) с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Отказ в передаче кассационной жалобы (представления) для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции должен быть мотивированным. Кассационная жалоба (представление) подлежит передаче для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, если хотя бы один судья пред-

полагает наличие оснований для пересмотра судебных решений в кассационном порядке. В этом случае уголовное дело с кассационной жалобой (представлением) передаются на изучение судье кассационной инстанции, который не позднее 5 суток выносит постановление о назначении судебного заседания».

Существенное отличие предлагаемой процедуры от выборочной кассации заключается в том, что решение по жалобе (представлению) в любом случае принимается: 1) на основании материалов уголовного дела; 2) коллегиальным составом суда. По нашему мнению, это позволит сохранить высокий уровень гарантии права на судебную защиту и одновременно сократит служебную нагрузку кассационных судов, повысит эффективность их работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. 398 с.
2. Омарова А.С. Кассационное производство как форма юридической проверки законности судебных актов : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 242 с.
3. Нехороших М.Е. Кассационное производство: сущность, задачи и направления совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2018. 288 с.
4. Ивасенко К.В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 265 с.
5. Бородинова Т.Г. Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 455 с.
6. Борисевич Г.Я. О несовершенстве регулирования первого этапа кассационного производства в процессуальном праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 34. С. 467–474.
7. Тузов А.Г. Влияние практики Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека на формирование системы производств по пересмотру приговоров // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (7). С. 87–91.
8. Дикарев И.С. Сплошная кассация: специфика и проблемы новой формы пересмотра судебных решений по уголовным делам // Уголовное право. 2019. № 3. С. 115–120.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.06.2020 г.). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280#pos=4570;-57 (дата обращения: 14.01.2019).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Р. Армения. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus#48> (дата обращения: 14.01.2019).
11. Уголовно-процессуальный кодекс Франции. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения: 20.03.2020).
12. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/130122014009> (дата обращения: 11.01.2019).
13. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=101> (дата обращения: 13.01.2019).
14. Головинков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам, 2012. 404 с.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Украины. URL: <https://kodeksy.com.ua/ka/upku-2012/statja-428.htm> (дата обращения: 20.03.2020).
16. Ковтун Н.Н. Судебные стадии и производства УПК Украины: система и векторы реализованных нормативных реформ // Уголовное судопроизводство. 2013. № 2. С. 23–30.
17. Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда по правам человека. 2002–2016. Избранные статьи Конвенции и организационно-процедурные вопросы / науч. ред. и сост. Ю.Ю. Берестнев. М. : Развитие правовых систем, 2019. 1032 с.
18. Explanatory Report to the Protocol No. 7 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Пояснительный доклад к Протоколу № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод). URL: <https://rm.coe.int/16800c96fd> (дата обращения: 12.01.2020).
19. Колоколов Н.А. Система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в России: генезис, эволюция и перспективы развития // Апелляция: реалии, тенденции и перспективы : материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции к 75-летию Нижегородского областного суда (г. Нижний Новгород, 24–25 октября 2013 г.). М. : Акцион-Медиа, 2013. С. 84–90.

The Stage of Assessing the Validity of the Complaint (Presentation) in Continuous Cassation

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 66–70. DOI: 10.17223/23088451/16/14

Mikhail S. Spiridonov, Stavropol Regional Court (Stavropol, Russian Federation). E-mail: mishok84@mail.ru

Keywords: cassation proceedings, continuous cassation, selective cassation, cassation complaint (presentation).

With the introduction of continuous cassation in criminal cases on 01 October 2019, the content of the verification of the validity of the cassation complaint and presentation has changed. The science of criminal procedure has been faced with a new problem: to assess the

effectiveness of legal regulation, in which the validity of the cassation complaint or presentation is verified directly at the hearing, not at the preliminary stage. The object of this research is criminal procedural relations that develop in the implementation of the norms of criminal procedure law that regulate cassation proceedings in criminal procedure. The research focuses on the norms of the constitutional and criminal procedure law of the Russian Federation, domestic and foreign legislation, generally recognized principles and norms of international law governing cassation proceedings, provisions of the science of criminal law and criminal procedure. The aim of the research is to reveal the essence of the introduced legislative changes concerning the stage of verification of the validity of the cassation complaint or presentation, to develop proposals for improving the legislation. The methods of analysis, synthesis and comparison were applied to determine the procedure for the verification of the validity of the cassation complaint or presentation by the court of the cassation instance. The comparative legal method was employed to study foreign forms of cassation proceedings. The formal legal method was used to analyze the content of the texts of normative legal acts regulating cassation proceedings. The research resulted in the following conclusions. The lack of a stage for assessing the validity of the cassation complaint (presentation) and the grounds for its transfer to the cassation court excessively strengthens the revision principle and shifts the balance towards the task of identifying and eliminating violations of the requirements for the final court decision. The solution to this problem is possible through the introduction of written cassation proceedings carried out by a panel of three judges, which will consider the issue of admissibility and validity of the complaint (presentation).

References

1. Dikarev, I.S. (2016) *Nadzorno-kassatsionnaya forma peresmotra sudebnykh resheniy v ugovnom protsesse* [The supervisory cassation form of the revision of court decisions in criminal procedure]. Volgograd: Volgograd State University.
2. Omarova, A.S. (2015) *Kassatsionnoe proizvodstvo kak forma yuridicheskoy proverki zakonnosti sudebnykh aktov* [Cassation proceedings as a form of legal verification of the legality of judicial acts]. Law Cand. Diss. Volgograd.
3. Nekhoroshikh, M.E. (2018) *Kassatsionnoe proizvodstvo: sushchnost', zadachi i napravleniya sovershenstvovaniya* [Cassation proceedings: Essence, objectives, and directions of improvement]. Law Cand. Diss. Tomsk.
4. Ivasenko, K.V. (2014) *Predely prav vyshestoyashchikh instantsiy pri proverke sudebnykh resheniy v apellyatsionnom, kassatsionnom i nadzornom proizvodstvakh* [Limits of the rights of higher instances when verifying court decisions in appeal, cassation and supervisory proceedings]. Law Cand. Diss. Moscow.
5. Borodina, T.G. (2016) *Institut peresmotra prigovorov v sovremennom ugovno-protsessual'nom prave Rossiyskoy Federatsii* [The institute of revision of sentences in the modern criminal procedure law of the Russian Federation]. Law Dr. Diss. Moscow.
6. Borisevich, G.Ya. (2016) On Drawbacks in Regulating the First Phase of Cassational Proceedings in Procedural Law of Russia. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 34. pp. 467–474. (In Russian). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-467-474
7. Tuzov, A.G. (2016) Influence of the Practice of the RF Constitutional Court and the European Court of Human Rights on the Formation of the System of Procedures for Revising Sentences. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1 (7). pp. 87–91. (In Russian). DOI 10.17223/23088451/7/13
8. Dikarev, I.S. (2019) Total Cassation: Peculiarities and Problems of a New Form of Review of Judgments in Criminal Cases. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 115–120. (In Russian).
9. Republic of Azerbaijan. (2020) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Azerbaydzhanskoy Respubliki (utverzhen Zakonom Azerbaydzhanskoy Respubliki ot 14 iyulya 2000 goda № 907-IQ) (s izmeneniyami i dopolnениями po sostoyaniyu na 29.06.2020 g.)* [Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan of July 14, 2000, No. 907-IQ) (with amendments and additions as of June 29, 2020)]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280#pos=4570;-57 (Accessed: 14th January 2019).
10. Republic of Armenia. (1998) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks r. Armeniya* [Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia]. [Online] Available from: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus#48> (Accessed: 14th January 2019).
11. French Republic. (2020) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Frantsii* [Criminal Procedure Code of the French Republic]. [Online] Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (Accessed: 20th March 2020).
12. Republic of Estonia. (2020) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Estonii* [Criminal Procedure Code of the Republic of Estonia]. [Online] Available from: <https://www.riigiteataja.ee/akt/130122014009> (Accessed: 11th January 2019).
13. Georgia. (2009) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Gruzii* [Criminal Procedure Code of Georgia]. [Online] Available from: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=101>, (Accessed: 13th January 2019).
14. Golovnenkov, P. & Spitsa, N. (2012) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya. Nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona* [Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany. Commentary and translation of the text of the law]. University of Potsdam.
15. Ukraine. (2012) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Ukrainy* [Criminal Procedure Code of Ukraine]. [Online] Available from: <https://kodeksy.com.ua/ka/upku-2012/statja-428.htm> (Accessed: 20th March 2020).
16. Kovtun, N.N. (2013) Sudebnye stadii i proizvodstva UPK Ukrainy: sistema i vektory realizovannykh normativnykh reform [Judicial stages and proceedings of the Criminal Procedure Code of Ukraine: The system and vectors of the implemented regulatory reforms]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 2. pp. 23–30.
17. Berestnev, Yu.Yu. (ed.) (2019) *Putevoditel' po pretsedentnoy praktike Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka. 2002–2016. Izbrannyye stat'i Konventsii i organizatsionno-protsedurnyye voprosy* [Guide to the case-law of the European Court of Human Rights. 2002–2016. Selected articles of the Convention and organizational and procedural issues]. Moscow: "Razvitie pravovykh sistem".
18. Council of Europe. (1984) *Explanatory Report to the Protocol No. 7 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms*. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/16800c96fd> (Accessed: 12th January 2020).
19. Kolokolov, N.A. (2013) [The system of appeal, verification and revision of court decisions in Russia: Genesis, evolution and development prospects]. *Apellyatsiya: realii, tendentsii i perspektivy* [Appeal: Realities, trends and prospects]. Proceedings of the All-Russian Interdepartmental Conference dedicated to the 75th anniversary of the Nizhny Novgorod Regional Court. Nizhny Novgorod. 24–25 October 2013. Moscow: "Aktion-Media". pp. 84–90. (In Russian).

А.А. Устинов

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ
ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДОМ МАТЕРИАЛОВ В ПОРЯДКЕ ст. 165 УПК РФ**

Раскрыты проблемные аспекты процедуры рассмотрения судом ходатайств о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, связанные с процессом доказывания, предложены способы их решения, а также меры дальнейшего совершенствования процедуры рассмотрения судом ходатайств в порядке ст. 165 УПК РФ.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальное доказывание, судебный контроль, следственные действия, доказательственный стандарт.*

Рассмотрение судом ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан, в процедуре судебного контроля за досудебным производством занимает особое место, являясь самой востребованной и распространенной формой его осуществления.

Судебный порядок рассмотрения указанных материалов предусматривает соблюдение, с одной стороны, публичных интересов по обеспечению расследования уголовного дела и установлению всех имеющих правовое значение обстоятельств, поскольку является регулятором процесса формирования доказательств по уголовному делу, а с другой стороны, частных интересов граждан по соблюдению их конституционных прав и свобод независимо от их процессуального статуса (или его отсутствия), демонстрируя недопустимость их ограничения без соответствующего судебного решения.

Такого рода взаимосвязь публичных и частных интересов предопределяет особое внимание к доказыванию при рассмотрении данной категории материалов как основе принятия судебного решения. И процесс рассмотрения уголовного дела по существу, и принятие решения в порядке судебного контроля осуществляются по определенным правилам доказательственного уголовного процесса. Только правильное установление в процессе доказывания имеющих значение обстоятельств дает возможность принятия правосудного решения. В ином случае нельзя прийти к объективной оценке позиций сторон (или стороны), что нарушает принцип независимости и беспристрастности суда при отправлении правосудия. На важность доказательственного процесса для данной стадии обращает внимание Н.А. Колоколов, указывая, что судебный контроль не пустая формальность, а процессуальная деятельность судьи, наполненная кропотливой работой по доказыванию [1. С. 2].

Касаемо рассмотрения судом ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан, активность по их производству исходит не от суда, а от органа предварительного расследования, обращающегося с соответствующим ходатайством, рассматривая которое, судья проверяет обоснованность производства указанного в нем следственного действия.

Вместе с тем распространенная в настоящее время формальность и поверхностность данной судебной «проверки» нивелирует сущность данного процессуального института. Критически оценивает данную процедуру С.Б. Россинский, отмечая «малозффективность» и даже «сомнительность» ее как процессуальной гарантии [2. С. 231]. На неэффективность судебного контроля указывают также И.Л. Петрухин, В.А. Лазарева, приводя в качестве последствий нарушение или необоснованное ограничение прав граждан [3. С. 92; 4. С. 158].

В целях надлежащего осуществления данного вида судебного контроля необходимо определить, что сущность данной «проверки» заключается в установлении фактических данных, указывающих не только на наличие процессуальных оснований для производства указанного в ходатайстве следственного действия, но, учитывая направленность последнего на ограничение конституционных прав и свобод, и на причастность лица, в отношении которого предполагается проведение данного следственного действия, к преступлению, по факту которого возбуждено уголовное дело. В процессе доказывания необходимо установить фактическую связь между данным лицом и законными основаниями производства запрашиваемого следственного действия. В противном случае при отсутствии указанных фактических данных, относящихся к данному предмету доказывания, оснований для производства следственных действий не имеется. Именно такой подход к предмету доказывания будет способствовать недопущению практики безоговорочного удовлетворения ходатайств о производстве следственных действий и нивелированию данной формы судебного контроля. Вместе с тем судья при разрешении указанных вопросов, соотнося круг устанавливаемых по делу обстоятельств с основаниями для производства конкретного следственного действия, не должен подменять собой орган, осуществляющий расследования. Именно последний должен выстраивать версии, определять направления поиска доказательств, а также порядок проведения следственных действий по их обнаружению и собиранию. Судья в данном случае обязан сосредоточиться на проверке обоснованности производства конкретного следственного действия, указанного в ходатайстве инициатора его производства. Как пра-

вильно указывает А.В. Солодилов, в результате осуществления судебного контроля не должно происходить смещения уголовно-процессуальных функций, превращения его в руководство предварительным расследованием [5. С. 81].

Также в аспекте совершенствования доказывания по рассматриваемой категории материалов актуальность вызывает возможность решения эффективного сочетания, с одной стороны, оперативности осуществления судебного контроля, с другой – соблюдения конституционных прав граждан, с третьей – процессуальной самостоятельности следователя в ходе предварительного расследования.

Для правильного осуществления доказывания судья должен не только верно определить его объект и предмет, т.е. совокупность конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих процессуально-достаточные основания для проведения конкретного следственного действия, а также выяснить субъектный состав, но и по результатам проверки соблюдения требований уголовно-процессуального закона при заявлении ходатайства и оснований для производства указанного в нем следственного действия принять процессуальное решение в соответствии с доказательственным стандартом «достаточное основание», предусматривающим, что установленные судом на основе имеющегося доказательственного материала сведения в своей совокупности и взаимосвязи достаточны для подтверждения наличия (или отсутствия) законных оснований для производства следственного действия.

Данный критерий необходимо отразить в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)», дополнив пункт 12 следующей формулировкой: «При этом судья должен прийти к обоснованному выводу, что установленные судом на основе имеющегося доказательственного материала сведения в своей совокупности и взаимосвязи достаточны для подтверждения наличия (или отсутствия) законных оснований для производства следственного действия».

Общий порядок обращения в суд с ходатайствами предшествует производству следственного действия за исключением безотлагательных случаев, когда судом проверяется законность уже произведенного следственного действия. В этой связи оперативность обращения и рассмотрения ходатайства о проведении следственного действия, требующего судебного разрешения, особенно с учетом того, что в большинстве случаев какие следственные действия проводятся на первоначальном этапе расследования, имеет важное значение. Однако, по оценке С.Б. Россинского, в настоящее время существующая процедура обращения в суд излишне бюрократизирована и требует подготовки большего количества различных документов [2. С. 227]. Так, Н.А. Колоколов указывает на конкретные процессуальные документы, которые должны быть собраны и представлены в суд (протоколы допросов,

опознаний, очных ставок, заключения эксперта) [1. С. 214]. Достаточно объемный перечень прилагаемых к ходатайству материалов рекомендован Верховным Судом Российской Федерации¹. Поэтому оперативность обращения и рассмотрения таких материалов является недостаточной. Более того, Р.А. Зиновцев, М.А. Фомин указывают, что это обуславливает тенденцию к использованию следователями полномочий по проведению следственных действий в безотлагательном порядке [6. С. 124; 7. С. 43], что приводит к злоупотреблению таким правом.

При решении данной проблемы будем исходить из того, что в целях сохранения конфиденциальности и обеспечения внезапности следственных действий порядок получения разрешения на их производство предусматривает их судебное рассмотрение с участием только следователя и прокурора без привлечения участников процесса «противоположной» стороны, что не противоречит положениям Конституции Российской Федерации и не лишает сторону защиты права обжаловать судебное решение. Об этом неоднократно высказывался Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая жалобы граждан на отсутствие возможности участия в судебном заседании по рассмотрению судами ходатайств в порядке ст. 165, 115 УПК РФ [8]. Поскольку при судебном порядке получения разрешения на производство следственного действия не участвуют иные заинтересованные лица (за исключением случаев, предусмотренных ч. 3¹ и ч. 5 ст. 165 УПК РФ), целесообразно законодательно определить возможность направления в суд данных ходатайств, подтверждающих материалы и заключения прокурора об их обоснованности (необоснованности) в электронном виде и разрешения их судьей без участия сторон вне состязательного процесса. При этом будет исключена формальность проведения судебного заседания, оптимизирована нагрузка не только следователя, дознавателя, прокурора, но и секретаря судебного заседания. Последний будет освобожден от обязанности ведения протокола судебного заседания, который в нередких случаях имеет «шаблонное» содержание. Более того, важное значение данного порядка заключается в том, что он позволит обеспечить и оперативность, и конфиденциальность рассмотрения материалов, а также поставит в более схожие условия участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты, соблюдая разумный баланс их интересов, и будет способствовать независимости осуществления правосудия.

Кроме того, в целях оптимизации указанной процедуры рассмотрения ходатайств органа предварительного расследования необходимо предоставить судье тех-

¹ Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)», к ходатайству прилагаются материалы, требующиеся для его рассмотрения (копии постановлений о возбуждении уголовного дела и принятии уголовного дела к производству, о продлении срока предварительного расследования, о возобновлении производства по уголовному делу, материалы, подтверждающие наличие оснований для производства следственного действия, и др.).

ническую возможность оперативного получения электронной информации, касающейся специального статуса лиц, в отношении которых заявлено ходатайство о проведении следственных действий, ограничивающих их конституционные права и свободы (депутат, адвокат, следователь, прокурор, член избирательной комиссии и т.п.), принадлежности имущества (сведения о государственной регистрации прав на недвижимое имущество, регистрации транспортного средства и др.), кадастровой стоимости недвижимого имущества, сведений об объявлении физического лица банкротом, что исключает производство в отношении него исполнительных действий. С учетом отсутствия состязательности, но необходимости соблюдения частных и публичных интересов, в целях проверки обоснованности производства заявленного в ходатайстве следственного действия судья при наличии данной технической возможности может установить и соблюдение процессуального порядка возбуждения уголовного дела, согласования ходатайства в отношении отдельных категорий лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ, и соразмерность стоимости имущества, подлежащего аресту, величину возможных имущественных взысканий, правильное определение состава участников по рассматриваемому ходатайству и другие вопросы соблюдения требований уголовно-процессуального закона по заявленному ходатайству. Отсутствие данной значимой для разрешения ходатайства информации делает невозможным принятие обоснованного судебного решения, препятствуя оперативности и незамедлительности осуществления судебного контроля в сроки, предусмотренные ч. 2 ст. 165 УПК РФ. Напротив, возможность получения указанной информации расширит процессуальные полномочия суда по сбору доказа-

тельств, будет способствовать оптимизации процесса доказывания и экономии процессуальных ресурсов.

В целях недопущения произвольного пользования указанными информационными базами данных необходимо разработать специальную программу автоматического контроля за соответствием запрашиваемой информации дате рассмотрения и кругу лиц (имущества), указанных в ходатайстве. При выявлении несоответствия соответствующая информация должна поступать системному администратору вышестоящего суда, докладываться его председателю и направляться им председателю районного (городского) суда, где рассматривалось ходатайство, для необходимой проверки, а в случае ее подтверждения – для направления в дисциплинарную комиссию Совета судей субъекта Российской Федерации для проведения соответствующей дисциплинарной процедуры.

Для минимизации возможности злоупотреблений при использовании данных информационных ресурсов также могла быть применена программа на основе искусственного интеллекта, которая позволила бы при регистрации в суде соответствующего материала с ходатайством органа предварительного расследования и принятии его к производству судьей в автоматическом режиме осуществлять проверку по всем необходимым учетам сведений, необходимых для его правильного разрешения, включая наличие специального статуса, сведений об имуществе и пр.

В современных условиях внедрение предлагаемых электронных возможностей по разрешению ходатайств будет способствовать совершенствованию уголовно-процессуального доказывания при рассмотрении судом материалов в порядке ст. 165 УПК РФ и усилению эффективности данного вида судебного контроля в целях обеспечения конституционных прав граждан на судебную защиту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колоколов Н.А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. М. : Юрист, 2008. 416 с.
2. Россинский С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 225–235.
3. Петрухин И.Л. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. 2007. № 2. С. 91–94.
4. Лазарева В.А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве. М. : Юрлитинформ, 2010. 166 с.
5. Солодилов А.В. Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. 310 с.
6. Зиновец Р.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: процессуальные и организационные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 206 с.
7. Фомин М.А. Обыск в современном уголовном процессе России : учеб.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2006. 208 с.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 25.03.2004 № 124-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 115 и 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2020).

Some Aspects of Improving the Proof in the Court's Consideration of Materials Under Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 71–74. DOI: 10.17223/23088451/16/15

Artem A. Ustinov, Sovetsky District Court of Bryansk (Bryansk, Russian Federation). E-mail: artem.ustinov@mail.ru

Keywords: criminal procedural proof, judicial control, investigative actions, evidentiary standard.

The court's consideration of petitions under Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is the most popular and common form of judicial control at the pre-trial stage of a criminal procedure. Decisions on these petitions provide for the ob-

servance of public interests to ensure the investigation of a criminal case and the establishment of all legal circumstances and private interests of citizens to protect their constitutional rights and freedoms. This relationship between public and private interests determines special attention to the proof of facts when considering this category of materials since the proof is the basis for making a court decision. This type of judicial control aims at establishing facts that confirm the existence of procedural grounds for the investigative action indicated in the petition and – given the focus of the investigative action on restricting constitutional rights and freedoms – the involvement of the person, the object of this investigative action, in the crime on the fact of which a criminal case has been initiated. In proving, an actual link is to be established between the person concerned and the legal grounds for the requested investigative action. Otherwise, in the absence of facts related to the circumstance in proof, there are no grounds for conducting investigative actions. For the correct proof of facts, the judge must correctly determine all specific facts confirming procedurally sufficient grounds for conducting a specific investigative action and the parties involved, and, based on the results of the verification of the compliance with the requirements of the criminal procedure law when filing a petition and with the grounds for conducting the investigative action indicated in it, make a procedural decision in accordance with the “sufficient reason” evidentiary standard. In order to increase the efficiency of going to court and court’s considering these materials, it is advisable to fix in law the possibility of sending such petitions, supporting materials and the prosecutor’s decision on their validity to the court in electronic form, and of their resolving by the judge without the parties’ participation outside the adversarial procedure. In addition, in order to optimize the specified procedure for considering the petitions of the preliminary investigation body, the judge must have the technical opportunity to promptly receive electronic information regarding the special status of persons that are objects of the petition, ownership of property, cadastral value of real estate, information on declaring persons bankrupt, which excludes executive actions against them. Taking into account the lack of adversariality and the requirement of complying with private and public interests, in order to verify the validity of the investigative action declared in the petition, the judge, if there is this technical opportunity, can establish compliance with the procedure for initiating a criminal case, approval on the petition in relation to certain categories of persons listed in Article 447 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the proportionality of the value of the property subject to seizure, the amount of possible property penalties, the correct determination of the composition of the participants in the petition under consideration, and other issues of compliance with the requirements of the criminal procedure law on the petition. In order to prevent arbitrary use of information databases, a special program (including AI-based) should be developed for automatic control over the correspondence of the requested information to the date of consideration and the circle of persons (property) indicated in the petition. In modern conditions, the introduction of the proposed electronic opportunities for resolving petitions will contribute to the improvement of the criminal procedural proof when the court considers materials in accordance with Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and to the greater effectiveness of this type of judicial control in order to ensure citizens’ constitutional rights to judicial protection.

References

1. Kolokolov, N.A. (2008) *Operativnyy sudebnyy kontrol' v ugovnom protsesse* [Operational judicial control in criminal procedure]. Moscow: Yurist.
2. Rossinskiy, S.B. (2017) Reflections on the effectiveness of judicial control over the conduct of investigative actions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 423. pp. 225–235. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/423/31
3. Petrukhin, I.L. (2007) Ob effektivnosti sudebnogo kontrolya za sledstviem i operativno-rozysknoy deyatel'nost'yu [On the effectiveness of judicial control over the investigation and operational search activities]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 91–94.
4. Lazareva, V.A. (2010) *Pravo na sudebnuyu zashchitu i problemy ego realizatsii v dosudebnom proizvodstve* [The right to judicial protection and problems of its implementation in pre-trial proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
5. Solodilov, A.V. (1999) *Sudebnyy kontrol' za provedeniem sledstvennykh deystviy i resheniyami prokurora i organov rassledovaniya, ogranichivayushchimi konstitutsionnye prava i svobody grazhdan v ugovnom protsesse Rossii* [Judicial control over the conduct of investigative actions and decisions of the prosecutor and the investigation bodies that restrict the constitutional rights and freedoms of citizens in the criminal procedure of Russia]. Law Cand. Diss. Tomsk.
6. Zinovets, R.A. (2005) *Sudebnyy kontrol' v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: protsessual'nye i organizatsionnye aspekty* [Judicial control at the stage of preliminary investigation: Procedural and organizational aspects]. Law Cand. Diss. Volgograd.
7. Fomin, M.A. (2006) *Obysk v sovremennom ugovnom protsesse Rossii: ucheb.-prakt. posobie* [Search in the modern criminal procedure of Russia: Study guide]. Moscow: Yurlitinform.
8. Russian Federation. (2004) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 25, 2004, No. 124-O “On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Valery Aleksandrovich Vlasov on violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 115 and 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”*. [Online]. Available from: SPS “Konsul'tantPlyus”. (Accessed: 20th September 2020). (In Russian).

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.8

DOI: 10.17223/23088451/16/16

А.А. Павленко, А.Н. Гордополов

ПРОЯВЛЕНИЕ БУЙСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ ЗЛОСТНОГО НАРУШЕНИЯ РЕЖИМА
В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Исследуются медицинские и правовые аспекты проявления буйства осужденных. Проводится историко-правовой и сравнительно-правовой анализ понятия «проявления буйства» в российском законодательстве, выделяются его критерии и структура. Рассматривается соотношение «проявления буйства» со «злостным нарушением режима отбывания наказания» и основаниями применения мер безопасности. Выявляются пробелы законодательства в данной сфере и предлагается механизм их разрешения.

Ключевые слова: *проявление буйства, злостные нарушения режима, меры безопасности, смиренная рубашка, злостное неповиновение законным требованиям сотрудников УИС.*

В процессе исполнения наказания в виде лишения свободы сотрудники учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) часто сталкиваются с осужденными, проявляющими злостное неповиновение, которое нередко сопровождается проявлением буйства. Это обычно выражается в активных действиях, направленных на нарушение режимных предписаний, законных требований сотрудников администрации. Самым негативным и довольно распространенным проявлением буйства является физическое посягательство на жизнь и здоровье как самого осужденного, так и окружающих его людей. Отсутствие ответных действий сотрудников на вышеуказанные деяния осужденных может привести к осложнению оперативной обстановки и в дальнейшем к дезорганизации нормальной деятельности учреждений УИС (ст. 321 УК РФ). Высказанный тезис подтверждается и ведомственной статистикой. Так, за 2019 г. выявлено 300 случаев применения насилия в отношении персонала учреждений в связи с осуществлением ими служебной деятельности (в 2018 г. – 203 случая), причинен вред здоровью 86 сотрудникам (в 2018 г. – 55 сотрудникам).

По фактам допущенных осужденными преступлений, совершенных в отношении персонала УИС, в 2019 г. возбуждено всего 357 уголовных дел (в 2018 г. – 249 дел). Из них: за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, сопряженную с применением насилия либо угрозами его применения, – 217 дел (в 2018 г. – 178), за оскорбление сотрудников УИС – 116 дел (в 2018 г. – 61), за применение насилия в отношении представителя власти – 24 дела (в 2018 г. – 8) [1. С. 19].

Вместе с тем в Концепции развития УИС до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р, подчеркивается необходимость преодоления угрозы от действий, дезорганизующих деятельность учреждений ФСИН России.

Проявление буйства предусмотрено в ч. 1 ст. 86 УИК РФ как основание применения мер безопасности (физической силы, специальных средств и оружия) наряду с оказанием осужденными сопротивления персоналу исправительного учреждения, злостным непо-

виновием законным требованиям персонала, участием в массовых беспорядках, захватом заложников, нападением на граждан или совершением иных общественно опасных действий, а также при побеге или задержании бежавших из исправительных учреждений осужденных в целях пресечения указанных противоправных действий, а равно предотвращения причинения этими осужденными вреда окружающим или самим себе.

Однако, как справедливо указывал А.П. Скиба [2. С. 221], перечисленные основания применения мер безопасности не в полной мере соответствуют указанным в гл. 5 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее – Закон об учреждениях и органах). Указанное обстоятельство представляется пробелом, так как нормы Закона об учреждениях и органах, в соответствии с ч. 2 ст. 86 УИК РФ, должны определять «порядок применения указанных в части первой настоящей статьи мер безопасности». Вместе с тем в ч. 1 ст. 86 УИК РФ (в сравнении со ст. 28 Закона об учреждениях и органах) дополнительно указано основание применения к осужденным физической силы, специальных средств и оружия персоналом исправительных учреждений – проявление буйства осужденным, и, наоборот, в Законе об учреждениях и органах имеются следующие основания: состояние необходимой обороны и случаи крайней необходимости (которых нет в УИК РФ). Получается, что даже имеющиеся уголовно-исполнительные нормы, регулирующие применение специальных средств как мер безопасности, требуют корректировки для закрепления единообразного подхода к их реализации.

Анализ действующего российского законодательства приводит нас к выводу о том, что в нем не имеется четкого понятия «проявление буйства осужденного». Поэтому на первом этапе исследования, применяя метод дедукции, предлагаем сузить его предмет до изучения содержания самого «буйства». Наиболее близким к рассматриваемому предмету выглядит определение, приведенное А.В. Бриллиантовым в Комментариях к ст. 86 УИК РФ: «Буйство –

это агрессивное поведение, нападение на людей, бесчинство, которое может сопровождаться повреждением или уничтожением имущества, нецензурной бранью, оскорблениями» [3]. Однако это определение не является нормативным и, соответственно, не может быть использовано в правоприменительной практике.

В связи с отсутствием легального определения термина «буйство» рассмотрим его с использованием гносеологического подхода. В толковом словаре Ожегова слово «буйство» определяется как «буйное поведение, драка, бесчинство» [4]. В словаре Ушакова этот термин толкуется как «шумные и угрожающие выходки, самоуправство, связанное с насилием, драка. Подвыпивши, он учинил буйство» [5]. В словаре Ефремовой буйство описывается как «буйное поведение, крайне возбужденное состояние» [6]. В Энциклопедическом словаре по психологии и педагогике буйство определено как «своенравие, склонность к бесчинству, к насилию, обидам, самовольству, к дерзости. Типичная реакция на буйство – неодобрение, неуважение, неприятие. Нередко обусловлено безнаказанностью, тщеславием, легкомыслием, опьянением» [7].

Мы полагаем, что термин «буйство» следует рассматривать с медицинской и правовой позиций, причем первичным является медицинский аспект. Так, в Оксфордском справочнике по клинической медицине «буйство» (лат. furor) – это беспорядочное насилие и деструктивность, возникающие во время припадка эпилепсии, когда у человека наблюдается спутанность сознания [8. С. 139]. Кроме того, в медицинской терминологии также имеется и термин «подлинное буйство» – реакция, связанная с сильным психомоторным возбуждением, обычно развивается на патологическом фоне [9]. В этой связи следует отметить, что латинское слово furor имеет и другое значение – «неистовство», которое использовано, например, в известной всем фразе «произвести фурор», т.е. вызвать шумный публичный успех, шумное проявление восторга [5].

Подобные проявления чаще всего возникали у больных с острыми психозами, которых до середины XX в. называли «буйными» и содержали в так называемых «буйных отделениях» лечебниц для душевнобольных. Следует отметить, что на бытовом уровне термин «буйные отделения» оказался крайне живуч и до сих пор используется как среди больных, так и среди персонала психиатрических больниц.

Революционным событием для психиатрии XX в. стало активное развитие психофармакотерапии. Синтез хлорпромазина и первые описания его терапевтических эффектов в 1950–1952 гг. кардинально изменили судьбу большинства больных и их семей и положили начало «нейролептической эре» [10. С. 91]. С этого времени реакции, связанные с сильным психомоторным возбуждением («подлинное буйство»), стали предупреждаться и купироваться лекарственными препаратами.

Переходя к исследованию правового содержания термина «буйство», полагаем целесообразным подразделить его на компоненты: материальный (уголовный), отражающий непосредственно само «буйство», и процессуальный (уголовно-исполнительный), который раскрывает механизм «проявления буйства».

Попытки сформулировать данную дефиницию (материальный компонент) предпринимались в отечественном уголовном законодательстве второй половины XIX и первой половины XX в. Так, в законодательстве Российской империи «буйство» – юридическое выражение, не имеющее значения термина в строгом смысле и нередко служащее синонимом других выражений, таких как «дерзость», «насилие», «бесчиние» и т.п. За этот уголовный проступок законом предусматривалось наказание в виде ареста до семи дней или денежного взыскания, не превышающего двадцати пяти рублей. При массовом буйстве толпы людей, игнорирующих требования полиции разойтись, такие люди подвергались аресту до одного месяца или денежному взысканию, сумма которого не превышала ста рублей. В случае если пришлось прекратить беспорядок силой, без применения оружия, то виновные подлежали аресту сроком до трех месяцев или денежному штрафу до трехсот рублей. Содержатели трактиров, харчевен и других заведений, в которых производится продажа крепких напитков, допустившие в этих заведениях буйства и другие беспорядки, подвергались денежному взысканию до пятидесяти рублей [11. С. 15]. Временными правилами о волостном суде, утверждёнными 12 июля 1889 г., буйство в публичных местах было отнесено к числу проступков, за которые может быть назначено телесное наказание [12. С. 410].

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. буйство являлось одним из признаков «хулиганства, т.е. озорных действий, сопряженных с явным неуважением к обществу»; при определении меры социальной защиты буйство считалось обстоятельством отягчающим и влекло за собой лишение свободы до двух лет [13]. В последующих уголовных законах РСФСР, как и УК РФ, термин «буйство» более не использовался.

Вопросы исполнения лишения свободы в отношении заключенных, проявляющих буйство (процессуальный (уголовно-исполнительный) компонент), возникали еще во второй половине XIX в. Впервые эти идеи были отражены в Инструкции смотрителю губернского замка 1882 г., где в п. 229 было сказано: «В случае, ежели арестант буйным своим поведением и непослушанием заслужит наказание, то дозволяется смотрителю такового посадить в так называемый карцер, от одного дня и до шести включительно на хлеб и воду» [14].

В Уставе о содержащихся под стражей 1890 г. в п. 396 законодатель предусматривал в отношении буйствующего осужденного применение смирительной рубашки [15].

В советском периоде Положением об общих местах заключения РСФСР, утвержденным постановлением Наркомюста РСФСР от 15.11.1920 г., устанавливалось, что в отношении осужденных, проявляющих буйство, при полной невозможности прекращения его какими-либо иными мерами, может быть применен смирительный пояс по распоряжению заведующего местом заключения или его заместителя [16]. Наложение смирительного пояса в отношении буйствующего осужденного исчезло во Временном положении о местах лишения свободы ГУИТУ НКЮ РСФСР 1931 г. [17. С. 21].

В Исправительно-трудовом кодексе 1924 г. предусматривалось, что «...в случае буйства, беспорядков и сопротивления заключенных предусматривается применение оружия...», которое допускается также по распоряжению начальника места заключения в качестве крайней меры в случае, если другие средства, даже применение силы, будут недостаточными [18].

Во Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР от 02.08.1933 г. разрешается применение смирительной рубашки в отношении буйствующих заключенных только в присутствии врача (лекпома) и начальника лагпункта (колонны) на время, установленное врачом или лекпомом в каждом отдельном случае [19. С. 11].

В Положении «Об ИТК и тюрьмах МВД СССР», утвержденном приказом МВД СССР от 15.12.1958 № 990, в отличие от вышеперечисленных нормативно-правовых актов, расширяется содержание понятия «буйство», за счет приравнивая его к таким деяниям, как бесчинство, физическое сопротивление должностным лицам. В данном документе в отношении указанных лиц впервые кроме смирительной рубашки разрешается применение наручников [20. С. 103]. То же самое указано и в Распоряжении Совета Министров СССР «Об исправительно-трудовых лагерях и колониях» от 10.07.1954 № 7688-рс» [21. С. 162–173].

В Законе СССР от 11.07.1969 № 4074-VII «Об утверждении Основ исправительно-трудового законодательства СССР и союзных республик» возвращалась возможность применения смирительного пояса в отношении осужденных, проявляющих буйство. В ст. 39 данного Закона применение мер безопасности и оружия, помимо буйствующих, разрешено в отношении лиц, оказывающих физическое сопротивление работникам исправительно-трудовых учреждений или совершающих другие насильственные действия в местах лишения свободы [22]. Аналогичную формулировку можно встретить в ст. 35 Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1970 г., которая, за небольшим изменением, просуществовала вплоть до появления современного Уголовно-исполнительного кодекса [23].

В результате исследования ретроспективного пути развития норм права в отношении проявления буйства у осужденных представляется возможным выделить критерии данного действия. Обратив внимание на гипотезу ст. 86 УИК РФ, можно заметить, что перечисление оснований (юридических фактов), при которых применяются меры безопасности, имеет свою иерархию, основанную на степени опасности правонарушений осужденных. На втором месте в этой иерархии, сразу после основания «оказание осужденными сопротивления персоналу ИУ», располагается злостное неповиновение законным требованиям сотрудников УИС. Схожее по своему содержанию деяние используется в ст. 116 УИК РФ, где оно является уже одним из злостных нарушений установленного порядка отбывания

наказания. В этой статье данный деликт раскрывается как «угроза, неповиновение представителям администрации исправительного учреждения или их оскорбление при отсутствии признаков преступления...». Статистические данные показывают, что численность злостных нарушений за неповиновение является третьим по численности среди всех злостных нарушений и составляет соответственно: в 2016 г. – 11,3%, в 2017 г. – 10%, в 2018 г. – 17%, в 2019 г. – 8% или 1 423 случая, [24]. Серьезность рассматриваемых деяний подтверждают 949 случаев применения, в соответствии с законодательством, к таким нарушителям спецсредств и газового оружия [1. С. 16].

По нашему мнению, неоднократное злостное неповиновение осужденного сотрудникам мест лишения свободы может сопровождаться и проявлением буйства, причем как в единичном, так и в групповом его вариантах. Последнее возможно, например, при массовых беспорядках. Таким образом, проявление буйства также можно рассценивать как элемент особо злостного нарушения режима отбывания наказания, предупреждение и профилактика которого должны носить первостепенный характер.

Подводя итог исследования, полагаем обоснованным вывод о том, что буйство – это, в большей мере, проявление психических расстройств осужденных, не исключающих их вменяемости (медицинский компонент). В процессе его проявления осужденными совершаются деяния, опасные для жизни, здоровья и нормальной деятельности учреждения в целом и соответственно подлежащие юридической оценке (правовой компонент). Вместе с тем в настоящее время отсутствуют легальные определения как самого буйства, так и вариантов его проявления. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, и послужило причиной невключения «проявление буйства» в число оснований применения мер безопасности в ИУ, перечисленных в ст. 29, 30 и 31.2 Закона об учреждениях и органах. Все это в конечном итоге привело к несоответствию процедурных по своей сути норм Закона об учреждениях и органах положениям ст. 86 УИК РФ.

Данная ситуация требует своего разрешения, механизм которого видится в двух вариантах. Первый (радикальный) – это исключение термина «проявление буйства» из перечня оснований применения мер безопасности в ИУ (ч. 1 ст. 86 УИК РФ). Второй путь – это легитимизация «проявления буйства» в УИК РФ с раскрытием данной дефиниции и закрепление данного понятия среди оснований применения физической силы и специальных средств в Законе об учреждениях и органах. В дальнейшем при последовательной реализации второго пути полагаем целесообразным рассмотреть вопрос о включении данного деяния как в перечень злостных нарушений режима отбывания наказания (ч. 1 ст. 116 УИК РФ), так и основания постановки на профилактический учет как «склонных к проявлению буйства».

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные результаты деятельности Федеральной службы исполнения наказаний в 2019 году. Тверь, 2019. 61 с.
2. Скиба А.П., Родионов А.В. Правовое положение осужденных к лишению свободы при их принудительном питании // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 216–234.

3. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: (постатейный) с учетом практики Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ / А.В. Бриллиантов, С.И. Курганов ; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2014. 422 с.
4. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=2311> (дата обращения: 12.05.2020).
5. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakov.slovaronline.com/> (дата обращения: 12.05.2020).
6. Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://www.efremova.info/word/bujstvo.html#.XnyeUaAufIU> (дата обращения: 12.05.2020).
7. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/3252/БУЙСТВО (дата обращения: 03.06.2020).
8. Лонгмор М., Уилкинсон Я., Раджагопалан С. Буйство // Оксфордский справочник по клинической медицине «Oxford Handbook of Clinical Medicine» / пер. с англ. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. 855 с.
9. Большая медицинская энциклопедия. 1970. URL: https://big_medicine.academic.ru/2759/ БУЙСТВО (дата обращения: 03.06.2020).
10. Данилов Д.С. Классификации антипсихотических средств и их значение для выбора терапии шизофрении (к 60-летию появления нейролептиков) // Журнал неврологии и психиатрии. 2011. № 10. С. 91–100.
11. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. 1864 г. Москва ; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 143 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=273601> (дата обращения: 04.06.2020).
12. Клокоцкий С.С. Буйство // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. 4а. С. 864.
13. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
14. Инструкция смотрителю Пермского губернского замка. Пермь, 1882. С. 6. URL: http://arch.permculture.ru/bitstream/handle/permculture/1892/124307_read.pdf?sequence=2&isAllowed=y (дата обращения: 21.02.2020).
15. Устав о содержащихся под стражей, изданный в 1890 году // Собрание законодательства российской империи. Т. 14. С. 174. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm> (дата обращения: 03.02.2020).
16. Постановление Наркомюста РСФСР от 15.11.1920 Положение об общих местах заключения Р.С.Ф.С.Р. // СУ РСФСР. 1921. № 23–24. Ст. 14.
17. Временное положение о местах лишения свободы Главного управления исправительно-трудовыми учреждениями НКЮ РСФСР. М. : Сов. законодательство, 1931. 27 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01009274184#?page=25> (дата обращения: 25.02.2020).
18. Постановление ВЦИК от 16.10.1924 «Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.
19. Смирнов Л.Б. Уголовно-исполнительное право : курс лекций. СПб., 2002. URL: <http://lib.maupfib.kg/wp-content/uploads/2015/12/uip.pdf> (дата обращения: 20.09.2020).
20. Катаев О.Г., Катаев Е.О. Принципы исполнения уголовных наказаний в местах лишения свободы в период с 1930 по 1956 г. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 99–105.
21. Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1918–1960. М., 2000. 902 с.
22. Закон СССР от 11.07.1969 № 4074-VII «Об утверждении Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 24.12.1970 г. № 51. Ст. 1220.
23. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 18.12.1970) (ред. от 21.12.1996) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 753.
24. Отчет о состоянии дисциплинарной практики среди осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях за 2016–2019 года. Форма ВРО-2 (статистические данные предоставлены ФКУ НИИИТ ФСИН России).

Manifestation of Furor as an Element of a Gross Violation of the Regime in Places of Deprivation of Liberty

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 75–79. DOI: 10.17223/23088451/16/16

Andrey A. Pavlenko, Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: a.pav@list.ru

Andrey N. Gordoplov, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: agordoplov5@gmail.com

Keywords: manifestation of furor, gross violations of regime, security measures, straitjacket, gross disobedience to penal system employees' legal requirements.

Currently, when executing a sentence of imprisonment, officials of the penal system often encounter convicts who show gross disobedience, including via furor. The increase in the number of acts of violence against staff performing their official duties illustrates a situation that requires legal regulation. Penal legislation has no clear definition of the concept “furor”. It is only mentioned in Part 1 of Article 86 of the Penal Code of the Russian Federation. The discrepancy between the norms of the law of the Penal Code of the Russian Federation and the law on institutions and bodies on the application of security measures to convicts in furor reduces the effectiveness of the response actions of the penal system employees. For the formation of the most complete understanding of the concept “convict’s furor”, scientific works are analyzed; A.V. Brilliantov presents the most complete concept. The etymological meaning of the term is established. The history of the formation of the term “furor” in medical encyclopedias and reference books, and in the norms of law in the period from the end of the 19th century to the present is considered. A hypothesis is made that repeated malicious disobedience may be in the form of manifesting furor. A connection between the concepts of malicious violation of the sentence serving regime and the manifestation of furor in the norms of the Penal Code of the Russian Federation is noted. Part 1 of Article 86 of the Penal Code of the Russian Federation mentions malicious disobedience to legal requirements, which is similar in content to Part 1 of Article 116 of this code, in which one of the malicious violations of the sentence serving regime is “a threat, disobedience to representatives of the administration of a correctional facility and their insult in the absence of signs of a crime”. As a result, two ways of solving the problem of inconsistency of the grounds for the application of security measures in the RF Penal Code and in the law on institutions and bodies are proposed. The first way is to exclude the term “manifestation of furor” from the list of grounds for applying security measures in the RF Penal Code. The second is defining the term “manifestation of furor” in the norms of law and its consolidation as the basis for the use of physical force and special means in the law on institutions and bodies.

References

1. RF Federal Penitentiary Service. (2019) *Osnovnye rezul'taty deyatel'nosti Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy v 2019 godu* [The main results of the activities of the Federal Penitentiary Service in 2019]. Tver: [s.n.].
2. Skiba, A.P. & Rodionov, A.V. (2018) Legal Status of Prisoners Sentenced to Deprivation of Freedom during Forced Feeding. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 4. pp. 216–234. (in Russian). DOI: 10.17323/2072-8166.2018.4. 216.234
3. Brilliantov, A.V. (ed.) (2014) *Kommentariy k Uголовно-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: (postateyny) s uchetom praktiki Evropeyskogo suda po pravam cheloveka, Konstitutsionnogo suda RF i Verkhovnogo suda RF* [Commentary on the Penal Code of the Russian Federation: (Itemized) taking into account the practice of the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.
4. Ozhegov Explanatory Dictionary. (n.d.) *Buystvo* [Furor]. [Online] Available from: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=2311> (Accessed: 12th May 2020). (In Russian).
5. *Ushakov Explanatory Dictionary*. [Online] Available from: <https://ushakov.slovaronline.com/> (Accessed: 12th May 2020). (In Russian).
6. Efremova Explanatory Dictionary. (n.d.) *Buystvo* [Furor]. [Online] Available from: <https://www.efremova.info/word/buystvo.html#XnyeUaAufIU> (Accessed: 12th May 2020).
7. Encyclopedic Dictionary of Psychology and Pedagogy. (n.d.) *Buystvo* [Furor]. [Online] Available from: https://psychology_pedagogy.academic2.ru/3252/%D0%91%D0%A3%D0%99%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E (Accessed: 3rd June 2020).
8. Longmore, M., Wilkinson, I. & Rajagopalan, S. (eds) (2009) *Buystvo* [Furor]. In: *Oksfordskiy spravochnik po klinicheskoy meditsine* [Oxford Handbook of Clinical Medicine]. Translated from English. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy.
9. Big Medical Encyclopedia. (1970) *Buystvo* [Furor]. [Online] Available from: https://big_medicine.academic.ru/2759/%D0%91%D0%A3%D0%99%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E (Accessed: 3rd June 2020).
10. Danilov, D.S. (2011) Classification of antipsychotics and its importance for the choice of treatment (To 60 anniversary of the introduction of neuroleptics). *Zhurnal nevrologii i psikiatrii*. 10. pp. 91–100. (In Russian).
11. Direkt-Media. (2015) *Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami. 1864 g.* [Charter on punishments imposed by justices of the peace. 1864]. Moscow; Berlin: Direkt-Media. [Online] Available from: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=273601> (Accessed: 4th June 2020).
12. Klokotskiy, S.S. (1891) *Buystvo* [Furor]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 4a. St. Petersburg: Tipo-Litografiya I.A. Efrona. p. 864.
13. *Sobranie uzakoneniye RSFSR*. (1926) Postanovlenie VTsIK ot 22.11.1926 "O vvedenii v deystvie Uголовnogo Kodeksa R.S.F.S.R. redaktsii 1926 goda" (vmeste s Uголовnym Kodeksom R.S.F.S.R.) [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of November 22, 1926, "On the introduction of the Criminal Code of the RSFSR. edition of 1926" (along with the Criminal Code of the RSFSR)]. 80. Art. 600.
14. Perm Electronic Library. (2020) *Instruktsiya smotritelyu Permskogo gubernskogo zamka. Perm'. 1882 g.* [Instructions to the caretaker of the Perm governor castle. Perm, 1882]. p. 6. [Online] Available from: http://arch.permculture.ru/bitstream/handle/permculture/1892/124307_read.pdf?sequence=2&isAllowed=y (Accessed: 21st February 2020).
15. Russian Empire. (1890) *Svod uchrezhdeniy i ustavov o soderzhazhchikhsya pod strazheyu* [Information on facilities and charters for persons in custody]. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii* [Collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 14. [Online] Available from: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm> (Accessed: 3rd February 2020).
16. *Sobranie uzakoneniye RSFSR*. (1921) Postanovlenie Narkomyusta RSFSR ot 15.11.1920. Polozhenie ob obshchikh mestakh zaklyucheniya R.S.F.S.R. [Resolution of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR of November 15, 1920. Regulations on common places of detention of the RSFSR]. 23–24. Art. 14.
17. RSFSR. (1931) *Vremennoe polozhenie o mestakh lisheniya svobody Glavnogo upravleniya ispravitel'no-trudovymi uchrezhdeniyami NKYu RSFSR* [Temporary regulations on places of imprisonment of the Main Directorate of Correctional Labor Institutions of the People's Commissariat of Justice of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow: Sov. Zakonodatel'stvo. [Online] Available from: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01009274184#?page=25> (Accessed: 25th February 2020).
18. *Sobranie uzakoneniye RSFSR*. (1924) Postanovlenie VTsIK ot 16.10.1924 "Ob utverzhdenii Ispravitel'no-Trudovogo Kodeksa R.S.F.S.R." [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of October 16, 1924, "On the approval of the Correctional Labor Code of the RSFSR"]. 86. Art. 870.
19. Smirnov, L.B. (2002) *Uголовно-ispolnitel'noe pravo. Kurs lektsiy* [Penal law. Lectures]. [Online] Available from: <http://lib.maupfib.kg/wp-content/uploads/2015/12/uip.pdf> (Accessed: 20th September 2020).
20. Kataev, O.G. & Kataev, E.O. (2013) The Principles of Execution of Criminal Punishment in Places of Deprivation of Freedom in the Period From 1930 to 1956. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 9. pp. 99–105. (In Russian).
21. Kokurin, A.I. & Petrov N.V. (2000) *GULAG (Glavnoe upravlenie Lagerey) 1918–1960* [GULAG (Main Directorate of Camps) 1918–1960]. Moscow: MFD.
22. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*. (1970) Zakon SSSR ot 11.07.1969 N 4074-VII "Ob utverzhdenii Osnov ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik" [Law of the USSR of July 11, 1969, No. 4074-VII "On Approval of the Fundamentals of Correctional Labor Legislation of the USSR and the Union Republics"]. 24 December. 51. Art. 1220.
23. RSFSR. (1996) *Ispravitel'no-trudovoy kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 18.12.1970) (red. ot 21.12.1996)* [The Correctional Labor Code of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on December 18, 1970) (revised on December 21, 1996)]. In: Abolentsev, V.A. et al. (eds) *Svod zakonov RSFSR* [Code of laws of the RSFSR]. Vol. 8. Moscow: Sovetskaya Rossiya. p. 753.
24. Data from the Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia (c. 2020) *Report on the state of disciplinary practice among convicts serving sentences in correctional facilities for 2016–2019. Form VRO-2*. (In Russian).

О.Н. Уваров

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАЛОГА

Нормативные правовые акты не предусматривают изменения судом залога на более строгую меру пресечения по ходатайству следователя или дознавателя, либо в период судебного разбирательства по представлению уголовно-исполнительной инспекции в связи с неисполнением подозреваемым или обвиняемым возложенных на него запретов, либо его отказа от применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, умышленного их повреждения или уничтожения, а также нарушения их целостности.

Ключевые слова: залог, исполнение залога как меры пресечения, уголовно-исполнительные инспекции.

Федеральным законом от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ [1] в ст. 106 УПК РФ внесены изменения и дополнения, которые фактически изменили содержание меры пресечения в виде залога. До этого если на стадии предварительного расследования в целях обеспечения явки к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу, назначался залог, то он заключался во внесении или передаче подозреваемым или обвиняемым либо другим лицом денег и другого имущества. Теперь же при избрании залога в качестве меры пресечения суд вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанности по соблюдению следующих запретов:

- находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- общаться с определенными лицами;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;
- управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств;
- выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях.

Правовой основой исполнения залога как меры пресечения в рассматриваемом аспекте являются ст. 105.1, 106 УПК РФ [2], положения Постановления Правительства РФ от 18.02.2013 г. № 134, утверждающие порядок и правила применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий [3] и приказ Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 31.08.2020 г. № 189/603/87/371, утверждающий Порядок осуществления контроля за

нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог [4].

Общеизвестно, что мера пресечения в виде залога до нынешних изменений содержала только признаки психолого-принудительного характера [5. С. 82–87], т.е. воздействие на лицо, к которому она применялась, было психологическим – человек внес довольно крупную сумму в виде залога и соблюдал условия отбывания меры пресечения, стремясь возратить эти деньги. После известных изменений в УПК РФ залог как мера пресечения имеет уже смешанный характер, так как сочетает в себе признаки как психолого-принудительные, которые остались от «старого» залога, так и «новые», физически-принудительные. Физическое принуждение при применении этой меры пресечения [6. С. 115–134] сопряжено с принудительным пребыванием обвиняемого, подозреваемого в ограниченном пространстве, с определенной изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных или иных трудовых обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц, т.е. такого рода меры физически, против его воли и желания, непосредственно ограничивают его право на свободу и личную неприкосновенность [7. С. 9].

Контроль за соблюдением подозреваемым или обвиняемым основной части запретов¹ осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями. К таким запретам отнесены следующие [8]: выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях; находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет.

¹ Каким образом предполагается контроль исполнения запрета на управление автомобилем или иным транспортным средством, мы в настоящей статье не рассматриваем.

Уголовно-исполнительная инспекция в этом случае реализует физически-принудительную составляющую меры пресечения в виде залога.

При этом следует отметить, что для контроля таких запретов, как выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях; находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них, уголовно-исполнительная инспекция в своем распоряжении имеет соответствующие электронные технические средства (оборудование СЭМПЛ – совокупность средств персонального надзора и контроля и технические средства и устройства региональных информационных центров, обеспечивающие дистанционный надзор за осужденными и контроль выполнения предписанных им ограничений путем индивидуальной идентификации и контроля местонахождения в установленных местах [9]).

Подобных средств в части контроля исполнения запретов в виде общения с определенными лицами; отправления и получения почтово-телеграфных отправлений; использования средства связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет уголовно-исполнительная инспекция не имеет. При этом и эффективность контроля исполнения подозреваемым или обвиняемым таких запретов вполне обоснованно может вызывать сомнения. Ведь на самом деле, чтобы контролировать почтово-телеграфные отправления либо сеть Интернет, необходимо иметь по крайней мере связанные с этим полномочия. Кроме того, чтобы эффективно обеспечить контроль исполнения запрета на общение с определенными лицами, необходимо иметь силы и средства, фактически постоянного наблюдения за подозреваемым или обвиняемым. Ведь не факт, что лицо, с которым запрещено общаться подозреваемому или обвиняемому, не придет в место отбывания меры пресечения, т.е. имеющиеся электронные средства контроля не обнаружат никакого нарушения. Ну и, безусловно, деятельность, связанная с таким контролем, носит оперативный характер, что требует как нормативных правовых, так и штатных изменений в деятельности уголовно-исполнительных инспекций.

Не менее интересным представляется вопрос, связанный с тем, каким образом следует поступать в случае нарушения подозреваемым или обвиняемым воз-

ложенных в связи с рассматриваемой новеллой на него запретов, а также в случае его отказа от применения к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, умышленного их повреждения, уничтожения или нарушения их целостности.

УПК РФ не рассматривает какую-либо возможность замены меры пресечения в виде залога на более строгую в связи с неисполнением подозреваемым или обвиняемым возложенных на него запретов [8]. В приказе от 31.08.2020 г. № 189/603/87/371 [4] этот вопрос урегулирован следующим образом: «при установлении факта нарушения условий исполнения меры пресечения в виде залога после назначения судебного разбирательства уголовно-исполнительная инспекция направляет в суд уведомление о нарушении запретов, возложенных судом при избрании меры пресечения, в виде залога». При этом до назначения такого разбирательства уголовно-исполнительная инспекция о таких нарушениях не сообщает даже следователю либо дознавателю.

Иными словами, действующие нормативные правовые акты не предусматривают изменения судом залога на более строгую меру пресечения по ходатайству следователя или дознавателя, либо в период судебного разбирательства по представлению уголовно-исполнительной инспекции в связи с неисполнением подозреваемым или обвиняемым возложенных на него запретов, либо его отказом от применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, умышленного их повреждения или уничтожения, а также нарушения их целостности. То есть изменения и дополнения, внесенные в ст. 106 УПК РФ Федеральным законом от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ [1], носят декларативный характер, и лицу, которому при применении меры пресечения в виде залога назначена обязанность соблюдения определенных запретов, в случае их полного несоблюдения или отказа от применения электронного оборудования для их контроля практически ничего не угрожает, такое лицо может никаких запретов не соблюдать и не позволять применять к нему какое-либо электронное оборудование. О повреждении либо уничтожении электронных технических средств контроля нами вопрос даже не ставится в связи с тем, что и в других случаях их применения особого порядка ответственности лиц, к которым они применяются, в связи с этим не предусмотрено. Взыскание ущерба производится общегражданским порядком.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федеральный закон от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста»* // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.09.2020).
2. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.09.2020).
3. *Постановление Правительства РФ от 18.02.2013 г. № 134* (ред. от 15.11.2018) «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (вместе с «Правилами применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также

- за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог») // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.09.2020).
4. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 31.08.2020 г. № 189/603/87/371 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.09.2020).
 5. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. СПб. : Питер, 2005. 272 с. (Серия: Краткий курс) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.09.2020).
 6. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник для студентов высших учебных заведений / [Белова Г.Д. и др. ; отв. ред. Ю.К. Якимович]. СПб. : Юридический центр Пресс, 2007. 888 с.
 7. Калиновский К.Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 9.
 8. Статья 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.09.2020).
 9. Электронные данные 2020. URL: <http://sui.fsin.gov.ru/sempl.php> (дата обращения: 20.02.2020).

On Enforcing Restrictive Measures in the Form of Bail

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 80–82. DOI: 10.17223/23088451/15/17

Oleg N. Uvarov, Tomsk Agricultural Institute, Branch of Novosibirsk State Agrarian University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: bail, executing bail as restrictive measure, penal inspectorate.

Regulatory legal acts do not provide for the court to change bail to a more stringent measure of restraint at the request of the investigator or interrogating officer, or during the trial at the penal inspectorate's presentation in case the suspect or the accused violated the imposed bans or refused to use audiovisual, electronic and other technical means of control, deliberately damaged, corrupted or destroyed them. That is, the latest amendments and additions made to the criminal procedure law are of a declarative nature, and, in practice, no liability follows if a person under bail fails to comply with certain prohibitions and refuses to use electronic equipment for control. Such a person may ignore prohibitions and not allow the use of any electronic equipment on them. Damaging or destroying electronic technical means of control is not an issue for no liability follows either, and recovery of damage is carried out in accordance with the general civil procedure.

References

1. Russian Federation. (2018) *Federal Law of April 18, 2018, No. 72-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the selection and application of preventive measures in the form of prohibition of certain actions, bail and house arrest"*. [Online]. Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 3rd September 2020). (In Russian).
2. Russian Federation. (2020) *The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 12, 2001, No. 174-FZ (as amended on July 31, 2020)*. [Online]. Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 3rd September 2020). (In Russian).
3. Russian Federation. (2018) *Decree of the Government of the Russian Federation of February 18, 2013, No. 134 (amended on November 15, 2018) "On the procedure for the use of audiovisual, electronic and other technical means of control that can be employed to monitor the location of the suspect or the accused at the place of execution of the measure of restraint in the form of house arrest, as well as the observance of the prohibitions imposed by the court by the suspect or the accused, in respect of whom the prohibition of certain actions, house arrest or bail was chosen as a preventive measure" (together with the rules for the use of audiovisual, electronic and other technical means of control, which can be employed to monitor the presence of the suspect or the accused in the place of execution of the preventive measure in the form of house arrest, as well as the observance of the court-imposed prohibitions by the suspect or the accused, in respect of whom the prohibition of certain actions, house arrest or bail is chosen as a preventive measure)*. [Online]. Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 3rd September 2020). (In Russian).
4. Russian Federation. (2020) *Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Investigative Committee of the Russian Federation, the Federal Security Service of the Russian Federation of August 31, 2020, No. 189/603/87/371 "On approval of the procedure for exercising control over the location of the suspect or the accused in the place of execution of the measure of restraint in the form of house arrest and for the observance of the court-imposed prohibitions by the suspect or the accused, in respect of whom the prohibition of certain actions, house arrest or bail is chosen as a preventive measure"*. [Online]. Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 3rd September 2020). (In Russian).
5. Smirnov, A.V. & Kalinovskiy, K.B. (2005) *Ugolovnyy protsess* [Criminal procedure]. St. Petersburg: Piter.
6. Yakimovich, Yu.K. (ed.) (2007) *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik dlya studentov vysshihkh uchebnykh zavedeniy* [The criminal procedure law of the Russian Federation: a textbook for students of higher educational institutions]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
7. Kalinovskiy, K.B. (2018) *Zapret opredelennykh deystviy kak mera presecheniya* [Prohibition of certain actions as a preventive measure]. *Ugolovnyy protsess*. 6. pp. 9.
8. Russian Federation. (2020) *Art. 106 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on July 31, 2020)*. [Online]. Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 3rd September 2020). (In Russian).
9. Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. (2020) *Electronic Monitoring System for Controlled Persons*. [Online] Available from: <http://sui.fsin.gov.ru/sempl.php> (Accessed: 20th February 2020). (In Russian).

Н.В. Черёмин, А.В. Забродин

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОСУЖДЁННЫМ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ПРАВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ БЕЗ КОНВОЯ ИЛИ СОПРОВОЖДЕНИЯ

Анализируется норма, регулирующая предоставление права бесконвойного передвижения осуждённым за пределами исправительного учреждения. Обращается внимание на значительное увеличение в 2019 г. предоставления данного права осуждённым. Рассмотрены основные проблемные вопросы, возникающие при предоставлении данного права и предложены возможные варианты решений по некоторым из них.

Ключевые слова: *передвижение без конвоя, положительная характеристика осуждённого, производственная необходимость, исправление, стимулирование поведения.*

Данное направление деятельности уголовно-исполнительной системы имеет фундаментальное значение в перспективе развития прогрессивной системы отбывания наказания, что впоследствии должно благоприятно отразиться на показателях постпенитенциарной преступности.

Рассматривая институт предоставления права осуждённым бесконвойного передвижения, необходимо рассмотреть саму природу данного института. О.Н. Уваров считает, что предоставление осуждённым права передвижения без конвоя не является поощрением, пусть и предполагает наличие со стороны осуждённого правопослушное поведение, а также основывается на доверительных началах со стороны администрации учреждения [1]. Можно предположить, что данная точка зрения обусловлена, в первую очередь, необходимостью проведения работ по хозяйственному обслуживанию как на территории исправительных учреждений, так и на прилегающих к ним территориях. Соответственно, предоставление права передвижения без конвоя для осуждённых необходимо именно для благоустройства учреждений. Но, на наш взгляд, институт бесконвойного передвижения имеет именно поощрительный характер, так как, во-первых, данное право предоставляется именно при наличии у осуждённых правопослушного поведения, характеризующегося отсутствием взысканий, соблюдением требований Правил внутреннего распорядка [2] и т.д., а во-вторых, стимулирует осуждённых к скорейшему освобождению из мест лишения свободы. Разумеется, это свидетельствует о поощрительной и стимулирующей природе рассматриваемого нами института.

Отметим, что в организации и осуществлении института бесконвойного передвижения осуждённых имеется достаточно большой опыт применения положений законодательства, а именно ст. 96 УИК РФ. Несмотря на то, что данная норма и её содержание вполне уместны и логичны, институт бесконвойного передвижения осуждённых в определённой степени требует достаточности изложения и внесения целого ряда изменений и дополнений. Полагаем, что на данном этапе развития уголовно-исполнительного законодательства существует необходимость совершенствования ряда норм, в том числе и норм, регулирующих бесконвойное передвижение осуждённых.

В связи с этим вопрос о предоставлении данного права остается проблемным и актуальным – актуальность подтверждается анализом статистической отчетности за последние семь лет, из которого видно значительное увеличение показателя численности осуждённых, которым было предоставлено право бесконвойного передвижения в 2019 г. (далее – БП).

Отчетный период	Среднесписочная численность осуждённых в ИК	Среднесписочная численность осуждённых в КП	Пользующихся правом передвижения без конвоя	Проживающих за пределами ИК
2013 г.	529 219	39 358	1 092	36
2014 г.	514 796	39 496	916	42
2015 г.	494 863	32 542	681	21
2016 г.	491 756	33 159	645	21
2017 г.	466 103	35 160	575	13
2018 г.	446 003	33 000	557	13
2019 г.	438 631	32 649	1 200	110

Можно сделать вывод о значительном увеличении в 2019 г. числа осуждённых, пользующихся правом БП (1 200 человек) и проживающих за пределами исправительной колонии (далее – ИК) – 110 человек (таблица). По сравнению со средним показателем 2013–2018 гг. в 744 человека и 24 соответственно, и все это на фоне сокращения общего количества осуждённых, содержащихся в исправительных колониях, что непременно связано с вводом относительно новых видов наказаний: ограничение свободы, обязательные работы, принудительные работы – и общей политикой гуманизации наказаний и, безусловно, с развитием уголовно-исполнительной системы в целом и укреплении прогрессивной системы наказаний [3. С. 53–60]. На фоне общей гуманизации уголовно-исполнительной системы в целом и наказаний в частности важное место занимает вопрос предоставления права БП осуждённым к лишению свободы.

В процессе исполнения наказания важной задачей является соотношение таких составляющих, как «кара» и «исправление» осуждённых, для этого необходимо совершенствовать механизм исправления спецконтингента, усиливать в них мотивацию к правопослушному поведению и создавать такие условия, когда они будут заинтересованы в ресоциализации [4. С. 11–17]. Часть

вопросов по адаптации осуждённых к жизни после освобождения может решить институт предоставления права бесконвойного передвижения. Он должен выступать связующим звеном между жизнью в колонии и жизнью на свободе после отбытия наказания. Интересным представляется суждение В.А. Уткина о том, что прогрессивная система возможна и эффективна не в условиях «тюрьмизации», а в мультирежимных, т.е. «гибридных» учреждениях. Аналогичная структура, по сути, уже заложена в создаваемых ныне воспитательных центрах, и это само по себе заслуживает внимания [3. С. 62].

Но стоит учитывать, что если тенденция роста предоставления права БП продолжится, могут возникнуть определенные проблемы, такие как:

1. Увеличение числа осуждённых, пользующихся правом БП, может вызвать неблагоприятный общественный резонанс.

2. Осуждённых, выведенных на БП, необходимо содержать отдельно от общей массы спецконтингента, чтобы избежать отрицательного влияния на них, что в свою очередь накладывает немалые финансовые затраты на ИУ с целью оборудования помещений для проживания данной категории осуждённых.

3. Стоит учитывать, что значительное увеличение числа расконвоированных приведет к осложнению контроля за ними со стороны администрации учреждений УИС.

Данные проблемы взаимосвязаны между собой; так, при увеличении количества осуждённых, пользующихся правом БП, также увеличивается шанс предоставления данного права «неблагонадежному осуждённому», что может способствовать его побегу или иному противоправному действию, что в свою очередь может вызывать негативную реакцию со стороны общественности. Отсюда встает вопрос осуществления надзора за данной категорией осуждённых, в современных реалиях для оптимизации этой деятельности возможно использование технических средств (видеокамер, электронных браслетов и т.д.). Так, например, в некоторых колониях (ФКУ КП-13 УФСИН России по Омской области) практикуют применение программы Скуре, с помощью которой в любое время возможно отслеживать, чем занимаются осуждённые, находящиеся в ИУ, данную практику можно применить и к осуждённым, проживающим за пределами ИУ.

Затрагивая вопрос возникновения общественного резонанса по поводу предоставления ряду осуждённых права бесконвойного передвижения, необходимо отметить, что подобного рода возмущения могут возникать как со стороны других осуждённых, так и со стороны гражданского населения, проживающего за пределами мест лишения свободы. В целях недопущения возникновения общественного резонанса, а также различного рода возмущений со стороны иных лиц считаем необходимым сформулировать чёткий перечень критериев, необходимых для реализации данного института. Фактически перечень условий, при которых осуждённому предоставляется право бесконвойного передвижения, существует и в полной мере учитывается администра-

цией соответствующего учреждения, но, на наш взгляд, на данном этапе развития уголовно-исполнительной системы и законодательства важно осуществить формальное закрепление данных критериев.

Во-первых, право на бесконвойное передвижение следует предоставлять лицам, осуждённым за совершение преступлений небольшой или средней тяжести. Во-вторых, важно учитывать отсутствие у осуждённого взысканий, а также отсутствие статуса злостного нарушителя. В-третьих, важен временной промежуток нахождения осуждённого в исправительном учреждении. Закон предусматривает срок нахождения в учреждении не менее 6 месяцев, но, как мы отмечаем, данного промежутка времени недостаточно для полного и всестороннего изучения личности осуждённого. В связи с этим важно предусмотреть рассматриваемый срок в размере одного года, что позволит более тщательно изучить личность осуждённого и спрогнозировать его правопослушное поведение в будущем.

Второй пункт о необходимости содержания осуждённых, которым предоставлено право бесконвойного передвижения отдельно от общей массы спецконтингента, заслуживает особого внимания. Так, осуждённые, которым предоставлено право БП согласно п. 4 ст. 96 УИК РФ, должны размещаться в отдельных жилых помещениях, которые могут быть расположены за пределами исправительного учреждения. Данное требование создано для того, чтобы минимизировать контакт и соответственно негативное воздействие со стороны других осуждённых, которые могут принуждать бесконвойников к противоправным действиям: передача информации, минуя цензуру, пронос запрещенных предметов на территорию исправительного учреждения, что непременно будет выступать в качестве условий, подталкивающих к совершению преступных действий. И при условии, что тенденция роста предоставления данного права продолжится, остро встает вопрос обеспечения данной категории осуждённых жилыми помещениями, которые позволят ограничить контакты осуждённых, которым предоставлено право бесконвойного передвижения, с остальной массой осуждённых.

Если попробовать разобратся в природе данного института, с одной стороны, данное право можно рассмотреть в поощрительном аспекте, так как его применение, безусловно, связано с облегчением условий отбывания наказания осуждённых. Данный институт уже в 1984 г. рассматривался (Мелентьевым М.П.) как один способов стимулирования осуждённых к исправлению и законопослушному поведению [5], так как облегчает их участь, освобождает от определенных обязательств, накладываемых на них в исправительных учреждениях (далее – ИУ). Так, например, А.Н. Михайлов отмечает, что предоставление БП при должном подходе администрации ИУ позитивно влияет на трансформацию личности осуждённого [6], что впоследствии, безусловно, будет положительно влиять на рецидив преступлений, совершаемых осуждёнными после их освобождения.

По нашему мнению, с ним трудно не согласиться. С одной стороны, получая право передвижения без конвоя, осуждённые могут пользоваться большим объ-

ёмом свободы, окончательно не пройдя путь исправления, что может негативно сказываться на их поведении, а также обстановке в учреждении в целом и среди осуждённых в частности. Но с другой стороны, учитывая тот факт, что право бесконвойного передвижения предоставляется исключительно тем осуждённым, которые, по мнению администрации учреждения, встали на путь исправления, оно может развить положительную динамику в исправительном воздействии на осуждённого. Разумеется, при этом обязательно наличие должного подхода администрации, в рамки которого входит и наблюдение, и воспитательная, и психологическая работа с осуждённым.

Подтверждая вышеизложенное, нельзя не отметить мнение целого ряда сотрудников воспитательного отдела ФКУ ИК-35 УФСИН России по Республике Хакасия, которые утверждают, что при предоставлении осуждённым права бесконвойного передвижения вероятность совершения ими повторных преступлений снижается. Во-первых, данное право предоставляется далеко не всем лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, а тем, кто в большей степени этого заслужил как своим правопослушным поведением, во многом демонстрируя систематическое соблюдение Правил внутреннего распорядка и законных требований администрации учреждения, так и хорошими показателями в трудовой деятельности, что также может свидетельствовать о твёрдом нахождении на пути исправления. Во-вторых, получая право передвижения без конвоя, у осуждённых возникает внутреннее побуждение на недопущение со своей стороны совершения преступлений и иных правонарушений. Кроме того, существует вероятность того, что данные лица могут поспособствовать пресечению нарушений со стороны других осуждённых. В-третьих, это необходимо администрации учреждения для эффективного производства работ по хозяйственному обслуживанию, а также менее интенсивного осуществления надзора.

Уголовно-исполнительное законодательство отмечает, что важным принципом исполнения наказаний является стимулирование правопослушного поведения осуждённых. Стимулирование бывает двух видов: позитивное и негативное. Так, например, А.Е. Шевченко в своей диссертации при рассмотрении прогрессивной системы отмечает, что при положительном поведении осуждённых имеет место улучшение условий содержания, а в противном случае ухудшение условий, т.е. регрессивном воздействии на осуждённых [3. С. 62]. С одной стороны, БП, на наш взгляд, должно относиться к позитивному стимулированию, осуждённые должны стремиться получить данное право с целью дальнейшего освобождения по условно-досрочному освобождению. С.Л. Бабаян в своей докторской диссертации предлагает включить поощрительное воздействие на осуждённых как деятельность учреждений, исполняющих наказания, и судов по применению к ним поощрительных норм и институтов в перечень основных средств исправления осуждённых (ч. 2 ст. 9 УИК РФ) [7]. Полагаем, что данное предложение является вполне справедливым, так как перечень средств ис-

правления исчерпывающим не является, а применение к осуждённым поощрительных норм законодательства позволит в определённой степени закрыть имеющийся пробел. Применение поощрительных норм к осуждённым, отличающимся правопослушным поведением, несомненно, будет стимулировать их как на дальнейшее исправление, так и на недопущение совершения преступлений и иных правонарушений в будущем.

Стоит согласиться с мнением большинства ученых и можно отметить, что прогрессивная система по своей природе связана с теми нормами уголовно-исполнительного законодательства, которые в той или мере меняют правовое положение осуждённых в процессе исполнения наказания в зависимости от поведения последних.

На основе вышеизложенного можно отнести институт БП к прогрессивной системе, но законодатель устанавливает как одно из оснований предоставления права БП такое условие: «если это необходимо по характеру выполняемой работы», тем самым ограничивая предоставление данного права производственной необходимостью конкретного ИУ и существенно снижая список осуждённых, к которым возможно предоставление данного права. Данный институт не может использоваться для поощрения осуждённых за добросовестное отношение к труду, примерное поведение и т.п. [8]. Тем самым законодатель принудительно выводит институт БП из прогрессивной системы, и основанием для предоставления данного права является не достижение осуждённым определенной степени исправления, а производственная необходимость. При этом создание условий для жизни вне исправительного учреждения, вне изоляции путем перевода осуждённых на БП и предоставления права проживания за пределами ИУ благоприятно скажется на адаптации к жизни на свободе, так как такие условия максимально приближены к жизни на свободе и в конечном итоге возвращении в общество законопослушных граждан.

Для того чтобы исправительные учреждения в перспективе решали исправительно-предупредительные и ресоциализационные задачи, необходимо искать новые подходы к процессу исправления и реабилитации осуждённых к лишению свободы, а также привлечению осуждённых к труду. В рамках реформирования уголовно-исполнительной системы важным моментом выступает формирование комплексной системы правовых поощрительных институтов.

Рассматривая институт БП, нельзя не затронуть вопрос трудоустройства осуждённых, так согласно уголовно-исполнительному законодательству администрация ИУ привлекает осуждённых к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и по возможности специальности, а также исходя из наличия рабочих мест. В Российской Федерации существует несколько вариантов привлечения осуждённых к труду: внутри исправительного учреждения – в производственных мастерских учреждениях, на федеральных государственных унитарных предприятиях УИС, в СИЗО – для осуществления работ по хозяйственному обслуживанию, а также труд осуждённых

возможен в организациях, расположенных за территорией ИУ. На последний из описанных вариантов трудоустройства возможно, было бы выведение осуждённых, пользующихся правом передвижения без конвоя, если бы не условие, которое содержится в ст. 96 УИК РФ и было описано выше. Так, например, в США еще с 1965 г. осуждённым предоставляется право выхода за пределы учреждения с целью выполнения оплачиваемой работы в данном населенном пункте, и зачастую после освобождения они продолжают свою трудовую деятельность на этих предприятиях.

Отдельного внимания также заслуживает временной критерий, указанный в ст. 96 УИК РФ, который устанавливает единый для всех учреждений срок нахождения осуждённого в конкретном учреждении, по истечению которого у администрации учреждения появляется право предоставления ему БП, этот срок равен 6 месяцам для всех категорий осуждённых.

На наш взгляд, этого времени не всегда достаточно для полного и всестороннего изучения личности осуждённого, анализа возможного совершения им повторных преступлений. Срок в 6 месяцев, возможно, необходимо обозначить как адаптационный для личности осуждённого. В этот период происходит принятие новых норм и правил для осуждённого, которые существуют в исправительном учреждении, в том числе происходят изменения в поведении, связанные с криминогенным влиянием со стороны осуждённых. Поведение осуждённых на данном этапе сложно оценить и спрогнозировать.

По нашему мнению, в течение первых 6 месяцев нахождения осуждённого на территории исправительного учреждения в рамках процесса отбывания наказания происходит достаточно длительная процедура изучения личности осуждённого сотрудниками учреждения. В течение этого времени представители администрации учреждения формируют целостное мнение о конкретном осуждённом, его личностных качествах, отношении к исправлению, взглядах на жизнь в учреждении и за его пределами и т.д. Тем не менее полагаем, что 6 месяцев недостаточно для понимания и оценки осуждённого как субъекта рассматриваемого нами права. Администрации учреждения необходим более длительный период, в результате которого будут изучены и личность осуждённого, и его качества, и его отношение к исправлению. Кроме того, именно более длительный период позволит приспособить осуждённого к жёстким рамкам уголовно-исполнительного законодательства, что породит положительную динамику в части, касающейся борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Исходя из этого, мы считаем, что на данном этапе развития законодательства назрела необходимость внесения изменения в ст. 96 УИК РФ увеличения срока, при котором осуждённый может рассчитывать на получение права бесконвойного передвижения.

Таким образом, предлагаем изменить срок, после которого возможно предоставление права БП в зависимости от категории преступлений:

– преступления небольшой тяжести и по неосторожности, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает трех лет лишения свободы, $1/4$ от срока наказания;

– преступления средней тяжести и по неосторожности, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы, $1/3$ срока наказания;

– тяжкие преступления и по неосторожности, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пятнадцати лет лишения свободы, $1/2$ срока наказания.

За данный срок сотрудники учреждения смогут более детально изучить личность осуждённого, спрогнозировать и проанализировать его поведение в различных ситуациях, что позволит более качественно выбирать кандидатов на предоставление права БП и соответственно позволит снизить показатель дисциплинарных нарушений среди данной категории осуждённых. И «обезопасить» администрацию учреждения от нежелательных последствий, когда данное право было предоставлено «ненадежному» осуждённому, вследствие чего был совершен побег или иное правонарушение.

Также стоит учитывать, что тяжесть преступления и срок наказания у всех разный и в данном случае целесообразнее выставить временной критерий в зависимости от тяжести преступления и соответственно срока наказания. В ч. 2 ст. 96 УИК РФ перечислены категории осуждённых, которым запрещено предоставление права передвижения за пределами учреждения. Исходя из этой нормы, кодексом установлен запрет на передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения для следующих категорий осуждённых: при особо опасном рецидиве преступлений; которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы; к пожизненному лишению свободы; находящихся в данном исправительном учреждении менее шести месяцев; имеющих неснятые или непогашенные взыскания; за совершение особо тяжких преступлений; находящихся в строгих условиях содержания; за умышленные преступления, совершенные в период отбывания наказания; больных открытой формой туберкулеза; не прошедших полного курса лечения венерического заболевания, алкоголизма, токсикомании, наркомании; ВИЧ-инфицированных; страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

Следует отметить, что в данном перечне лиц, которым не предоставляется право бесконвойного передвижения, не указаны лица, осуждённые за совершение тяжких преступлений. Полагаем, что лица, совершившие тяжкие преступления, обладают уровнем общественной опасности, тесно сравнимой с опасностью лиц, осуждённых за совершение особо тяжких преступлений. В связи с этим считаем целесообразным внести изменения в ч. 2 ст. 96 УИК РФ и прописать в перечне лиц, которым не предоставляется право передвижения без конвоя, лиц, осуждённых за совершение тяжких преступлений. На наш взгляд, реализация дан-

ного изменения в уголовно-исполнительном законодательстве может способствовать более полноценному осуществлению мер безопасности государства и общества.

Стоит отметить, что в настоящее время в уголовно-исполнительном законодательстве нет единых критериев оценивания исправления осуждённых, каких осуждённых можно отнести к положительно характеризующимся, т.е. нет конкретной системы оценки личности осуждённого. Так, рассматриваемое нами право может быть предоставлено только положительно характеризующимся осуждённым. Однако единых критериев, по которым можно оценить исправление осуждённого, в настоящий момент нет, что делает неопределённым правовое положение осуждённого. При моделировании своего поведения осуждённые не понимают, какие показатели в их поведении будут учитываться при рассмотрении степени их исправления. Хотя критериев, по которым можно оценить исправление осуждённого и его поведение, много: платит иск или нет, сколько поощрений, имеет взыскания или нет, на каких условиях содержится, отношение к труду, учебе, отношения с администрацией, его отношение к совершённым преступлениям и т.д. Но единого подхода в этом вопросе нет, и, соответственно, положение ч. 1 ст. 96 УИК о том, что право предоставления БП реализуется исключительно к положительно характеризующимся осуждённым, остается для администраций учреждений сугубо субъективным и трудно реализуемым на практике.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным сформулировать ряд критериев, учёт которых необходим при определении осуждённых, которым будет предоставлено право передвижения без конвоя. Формальное закрепление ряда критериев обяжет администрацию учреждения избирать исключительно соответствующих рекомендациям осуждённых, а также позволит государству в лице его компетентных органов строго контролировать процедуру и порядок предоставления осуждённым права БП. По нашему мнению, в перечне критериев для предоставления осуждённым права БП должны содержаться следующие пункты:

- наличие или отсутствие взысканий. Право передвижения без конвоя должно предоставляться только тем осуждённым, у которых за рассматриваемый отчётный промежуток времени взыскания отсутствовали;
- соблюдение осуждённым Правил внутреннего распорядка и иных положений нормативных правовых актов, регулирующих порядок и условия отбывания наказания в виде лишения свободы;
- прохождение срока отбывания наказания, соответствующего срокам лишения свободы, указанным выше;
- отношение к труду. Право передвижения без конвоя должно предоставляться осуждённым, имеющим трудоустройство, а также задействованным в выполнении работ по хозяйственному обслуживанию;
- отношение в учёбе. Право передвижения без конвоя должно предоставляться осуждённым, положительно относящимся к учебному процессу и получающим или получившим основное общее образование, а равно проходящим профессиональное обучение;

– отношение к преступлению. Отношение осуждённого к совершённым преступлениям должно быть негативным;

– отношение к исправлению. Степень исправления и отношение осуждённого устанавливается администрацией учреждения;

– иные критерии, при наличии целесообразности устанавливаемые администрацией учреждения.

Таким образом, изучив вопрос предоставления права БП осуждённым, были выявлены и обозначены следующие проблемные вопросы: сложность определения правовой природы данного института, проблема обеспечения отдельного содержания осуждённых, пользующихся правом БП, от общей массы осуждённых с целью минимизации негативного воздействия на них, трудоустройства данной категории осуждённых, определение срока отбывания наказания, после которого возможно предоставление данного права осуждённым, а также поднята проблема определения критериев, по которым можно оценивать возможность предоставления права БП. При должном внимании предоставление данного права можно рассматривать как один из основных инструментов подготовки к жизни на свободе, с помощью него можно эффективно готовить осуждённых к освобождению, производить их ресоциализацию и давать наиболее объективную оценку их готовности к условно-досрочному освобождению.

В результате рассмотрения института БП, выявления ряда проблем мы пришли к выводу о необходимости внесения ряда изменений в законодательство, а именно в ст. 96 УИК РФ. Во-первых, предлагаем внести изменение в ч. 1 ст. 96 УИК РФ и дополнить её вышеперечисленным перечнем критериев, в соответствии с которыми осуждённым предоставляется право передвижения без конвоя: наличие или отсутствие взысканий, соблюдение осуждёнными Правил внутреннего распорядка и иного законодательства, отношение к труду, учёбе, исправлению, совершённым преступлениям, прохождение соответствующего срока лишения свободы, а также иные, необходимые критерии. Во-вторых, предлагаем внести изменения в ч. 2 ст. 96 УИК РФ и прописать в перечне лиц, которым не предоставляется право передвижения без конвоя, лиц, осуждённых за совершение тяжких преступлений. В-третьих, предлагаем изменить срок, после которого возможно предоставление права БП в зависимости от категории преступлений: при совершении преступлений небольшой тяжести и по неосторожности, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УИК РФ, не превышает трех лет лишения свободы, – 1/4 от срока наказания; преступления средней тяжести и по неосторожности, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УИК РФ, не превышает десяти лет лишения свободы, – 1/3 срока наказания; тяжкие преступления и по неосторожности, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УИК РФ, не превышает пятнадцати лет лишения свободы, – 1/2 срока наказания. Полагаем, что реализация вышеуказанных изменений в законодательстве способствует более правильной организации предоставления осуждённым права передвижения без конвоя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уваров О.Н. Место института бесконвойного передвижения осуждённых в условиях реформирования системы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 3 (94). С. 14–17.
2. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 16.12.2016 № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» (в ред. от 16.07.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2020).
3. Уткин В.А. Ресоциализация и прогрессивная система // Новый юрид. журн. 2012. № 3. С. 53–60.
4. Горбань Д.В. К понятию прогрессивной системы исполнения и отбывания наказания // Юрист юга России и Закавказья. 2015. № 3 (11). С. 11–17.
5. Мелентьев М.П. Функции советского исправительно-трудового права. Рязань : РВШ МВД СССР, 1984. 58 с.
6. Михайлов А.Н. К вопросу о трансформации личности осуждённых молодежного возраста при реализации ими права передвижения без конвоя за пределами ИУ (на примере колонии строгого режима) // Вестник Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний: преступление, наказание, исправление. 2011. № 13. С. 58–63.
7. Бабаян С.Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения) : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Академия управления МВД России, 2015. 592 с.
8. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Зубков. М. : ИНФРА-М, НОРМА, 1997. 408 с.

Organizational and Legal Issues of Granting Convicts the Right to Movement Without a Convoy or Escort

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 83–89. DOI: 10.17223/23088451/16/18

Nikita V. Cheremin, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: ncheremin@gmail.com

Aleksandr V. Zabrodin, Correctional Colony No. 35 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Khakassia (Abakan, Russian Federation). E-mail: sashauro8@mail.ru

Keywords: movement without convoy, positive characteristics of convict, operational needs, correction, stimulation of behavior.

The article analyzes the norm that regulates the granting of the right to movement without a convoy or escort to convicts outside the correctional facility. Attention is drawn to a significant increase in the provision of this right to convicts in 2019. The main problematic issues that arise when granting this right are considered and possible solutions are proposed for some of them. When granted the right to move without an escort, convicts are less likely to commit crimes again. Firstly, not all convicts are granted this right, only those who deserve it both by their law-abiding behavior (systematic compliance with the internal regulations and the legal requirements of the administration of the facility) and by good indicators in labor activity, which may also indicate their correction. Secondly, receiving the right to movement without an escort, the convicts have an internal urge not to commit crimes and other offenses. There is also a possibility that these persons can contribute to the suppression of violations by other convicts. Thirdly, by granting this right, the administration of the correctional facility provides for the efficient facility-related work, as well as for less intensive supervision.

References

1. Uvarov, O.N. (2010) Mesto instituta beskonvoynogo peredvizheniya osuzhdennykh v usloviyakh reformirovaniya sistemy ispolneniya nakazaniy [The place of the institution of unconvoyed movement of convicts in the context of reforming the system of execution of sentences]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*. 3(94). pp. 14–17.
2. Russian Federation. (2019) *Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of December 16, 2016, No. 295 "On Approval of the Internal Regulations of Correctional Institutions"*. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102421756&intelsearch=%CF%F0%E8%EA%E0%E7+%CC%E8%ED%FE%F1%F2%E0+%D0%EE%F1%F1%E8%E8+%EE%F2+16.12.2016+N+295+%22%CE%E1+%F3%F2%E2%E5%F0%E6%E4%E5%ED%E8%E8+%CF%F0%E0%E2%E8%EB+%E2%ED%F3%F2%F0%E5%ED%ED%E5%E3%EE+%F0%E0%F1%EF%EE%F0%FF%E4%EA%E0+%E8%F1%EF%F0%E0%E2%E8%F2%E5%EB%FC%ED%FB%F5+%F3%F7%F0%E5%E6%E4%E5%ED%E8%E9%22> (Accessed: 3rd September 2020).
3. Utkin, V.A. (2012) Resocialization and progressive system. *Novyy yuridicheskiy zhurnal – The New Law Journal*. 3. pp. 53–60. (In Russian).
4. Gorban', D.V. (2015) To the Concept of a Progressive System of Execution and Serving Punishment. *Yurist yuga Rossii i Zakavkaz'ya*. 3 (11). pp. 11–17. (In Russian).
5. Melent'ev, M.P. (1984) *Funktsii sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava* [Functions of the Soviet labor law]. Ryazan: Ryazan Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs.
6. Mikhaylov, A.N. (2011) K voprosu o transformatsii lichnosti osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta pri realizatsii imi prava peredvizheniya bez konvoya za predelami IU (na primere kolonii strogogo rezhima) [On the transformation of the personality of young convicts when they exercise the right to move without an escort outside the penitentiary institution (by the example of a strict regime colony)]. *Vestnik Vologodskogo instituta prava i ekonomiki Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 13. pp. 58–63.
7. Babayan, S.L. (2015) *Pooshchritel'nye instituty ugolovno-ispolnitel'nogo prava (teoriya i praktika primeneniya)* [Incentive institutions of the penal law (theory and practice of application)]. Moscow.
8. Zubkov, A.I. (ed.) (1997) *Kommentariy k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation]. Moscow: INFRA-M; NORMA.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

УДК 347.963+343.82

DOI: 10.17223/23088451/16/19

О.В. Воронин

ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО НАДЗОРА ПРОКУРАТУРЫ

Предметом пенитенциарного надзора прокуратуры охватывается деятельность федеральных отраслевых органов исполнительной власти, исполняющих пенитенциарную изоляцию различной ведомственной принадлежности, органов контроля и должностных лиц в их составе, а также субъектов осуществления общественного контроля в местах принудительной изоляции. По кругу нормативно-правовых актов пенитенциарный надзор прокуратуры ограничивается наблюдением за исполнением федеральных законов, иных нормативно-правовых актов, приравненных по своей юридической силе к федеральным законам или же обладающих приоритетом над национальным законодательством, а также подзаконных нормативно-правовых актов, включая ведомственные, регулирующие в настоящее время исполнение мер принудительной изоляции. По видам поднадзорной деятельности предмет пенитенциарного надзора ограничивается деятельностью указанных поднадзорных лиц, основанной на уголовно-процессуальных, уголовных и уголовно-исполнительных правоотношениях, возникающих в ходе и в связи с исполнением мер принудительной изоляции.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, пенитенциарный надзор, места принудительной изоляции, администрации органов и учреждений, исполняющие уголовные наказания, предмет прокурорского надзора, пределы прокурорского надзора.*

Пенитенциарным надзором прокуратуры охватывается прокурорское наблюдение за законностью исполнения пенитенциарных мер, предполагающих принудительную изоляцию от общества в целях обеспечения интересов уголовного судопроизводства и исполнения уголовных наказаний, а также отдельных мер принудительного характера, назначаемых вместо уголовных наказаний. Единая направленность на ограничение основных конституционных (естественных) прав человека, тесная связь с лишением свободы как основным видом уголовного наказания, схожий механизм исполнения и отбывания позволяют создать единую для них форму публичного наблюдения (надзора) за их реализацией на национальном уровне – прокурорский надзор за законностью принудительной изоляции от общества, или пенитенциарный надзор. Несмотря на то, что отечественная прокуратура осуществляет надзор за законностью исполнения всех видов изоляции от общества, известных отечественному праву, данным видом надзора охватывается лишь прокурорское наблюдение за законностью исполнения мер пенитенциарной изоляции. Прокурорский надзор за реализацией прочих форм и видов принудительной изоляции исполняется в рамках иных отраслей и направлений прокурорского надзора.

Поскольку пенитенциарный надзор прокуратуры как отдельный вид прокурорской деятельности реализуется в рамках надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также через специальную отрасль – надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, его предмет и пределы в общем определяются

с учетом требований, установленных для этих отраслей прокурорского надзора.

Статьи 1, 21, 26 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) устанавливают, что предметом надзора прокуратуры охватывается соблюдение Конституции РФ, исполнение законов, действующих на территории РФ, соответствие законам правовых актов, издаваемых поднадзорными лицами, а также соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Указанные положения определяют общее содержание законности применительно к прокурорской деятельности во всех отраслях и сферах публичной жизни. На отраслевом уровне содержание законности устанавливается ст. 32 этого же Закона и включает в себя:

- законность нахождения лиц в местах содержания задержанных, предварительного заключения, исправительных и иных органах и учреждениях, исполняющих наказания и меры принудительного характера, назначаемые судом;

- соблюдение установленных законодательством России прав и обязанностей задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера;

- соблюдение порядка и условий содержания таких лиц;

- законность исполнения наказания, не связанного с лишением свободы.

Несмотря на то, что предмет пенитенциарного надзора прокуратуры определяется с учетом предмета этих отраслей, он требует уточнения.

В этой связи существенное значение приобретает уточнение предмета пенитенциарного надзора с учетом действия специальных пределов надзора. Некоторые из них устанавливаются Законом о прокуратуре, например пределы надзора по кругу субъектов и актов

(ст. 21, 26, 32 Закона о прокуратуре). Другие вытекают из смысла этого Закона или вырабатываются прокурорской практикой. К примеру, разграничение прокурорского надзора на отрасли (направления) в зависимости от правового характера поднадзорной деятельности (характера правоотношений, складывающихся в ходе поднадзорной деятельности), или видов поднадзорной деятельности.

На общенадзорном уровне предел пенитенциарного надзора прокуратуры по кругу поднадзорных лиц включает деятельность публичных органов, осуществляющих общее руководство, управление и контроль пенитенциарной системой. Иначе говоря, предметом надзора охватывается соответствующее ведомство, проводящее государственную политику в реализации той или иной меры принудительной изоляции. Конкретный перечень ведомств устанавливается с учетом мер принудительной (пенитенциарной) изоляции, исполняемых (реализуемых) его органами и учреждениями.

Основным поднадзорным ведомством в этом случае выступает Федеральная служба исполнения наказаний России (далее – ФСИН России), реализующая государственную политику в сфере исполнения таких мер принудительной изоляции, как лишение свободы; предварительное заключение под стражу; задержание осужденных, уклоняющихся от отбывания наказаний; исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, а также обеспечения охраны и безопасности ПССТ и ПССТИН.

Министерство внутренних дел РФ – при исполнении (реализации) уголовно-процессуального задержания подозреваемых в совершении преступлений.

Федеральная пограничная служба России – при исполнении (реализации) уголовно-процессуального задержания подозреваемых в совершении преступлений.

Министерство обороны РФ – уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части.

Министерство здравоохранения РФ – принудительного лечения в ПССТ и ПССТИН.

На этом уровне предметом пенитенциарного надзора прокуратуры также будет охвачена деятельность:

- органов контроля в системе вышеназванных органов и учреждений;

- должностных лиц указанных органов и учреждений;

- субъектов осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания.

Включение в предмет прокурорского надзора субъектов осуществления общественного контроля мест принудительной изоляции от общества явилось новеллой законодательства, регулирующего прокурорскую деятельность. Характер правового регулирования – использование обобщающего термина «субъекты общественного контроля» (вместо традиционных для прокурорского надзора понятий «органы управления», «руководители», «должностные лица» и т.п.) и их включение в предмет прокурорского надзора на уровне базовой отрасли – надзора за исполнением законов, свидетельствуют о расширении предмета надзора про-

куратуры в сфере принудительной изоляции. Выше отмечалось, прокурорский надзор за деятельностью субъектов общественного пенитенциарного контроля приобрел комплексное содержание и реализуется на трех уровнях: за законностью деятельности самих общественных объединений; за законностью деятельности их руководителей и органов управления и за законностью их деятельности в сфере принудительной изоляции. При этом надзором прокуратуры охватывается деятельность любого субъекта общественного контроля независимо от специфики их правового статуса и ведомственной (корпоративной) принадлежности. Основным критерием служит именно осуществление им общественного (не в силу возложенных законом или принятых на себя на иных основаниях обязанностей, а добровольного, основанного на самоинициативе) контроля в сфере принудительной изоляции. В этой связи этот субъект может обладать различной институциональной принадлежностью – служить структурой СМИ, являться представителем гражданского общества (общественной организацией, объединением, движением), правозащитником, адвокатом и т.п. – этот признак не важен, главное – что он взял на себя обязанность осуществлять общественный контроль в сфере принудительной изоляции, и поэтому он автоматически попадает под надзор органов прокуратуры. При таком подходе фактически происходит расширение пределов прокурорского надзора не только по субъектному составу, но также и по видам охватываемой надзором их деятельности: использование обобщающего термина для определения поднадзорного лица с установлением сферы его поднадзорной деятельности фактически означает включение всех видов деятельности в предмет надзора прокуратуры в сфере принудительной изоляции. Такой прием законодателя вызывает поддержку, поскольку способствует развитию роли прокурора как основного ядра в системе национального пенитенциарного контроля, надзирающего и координирующего деятельность иных субъектов пенитенциарного контроля.

Следующим уровнем установления границ пенитенциарного надзора прокуратуры служат пределы по кругу субъектов в рамках специальной отрасли – надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание, и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

Глава 4 Закона о прокуратуре дополнительно включает в предмет надзора четырех субъектов:

- администрации органов и учреждений, исполняющие наказания и назначаемые судом меры принудительного характера;

- органы и учреждения, исполняющие наказания и назначенные судом меры принудительного характера;

- администрации мест содержания задержанных и заключенных под стражу;

- места содержания задержанных и предварительного заключения.

Выделение администрации указанных органов и учреждений в качестве отдельного поднадзорного

субъекта прежде всего связано с признанием ее в качестве субъекта уголовно-исполнительных (ранее – исправительно-трудовых) отношений. В уголовно-исполнительное (исправительно-трудовое) право данный термин вошел под влиянием трудового и административного права. При этом, несмотря на то, что эти отрасли права, ранее широко использовавшие это понятие, ныне отказываются от него, в литературе подчеркивается, что администрация органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, продолжает оставаться самостоятельным субъектом пенитенциарных (уголовно-исполнительных) отношений.

Существующее законодательство не содержит легального определения понятия администрации, а также общего перечня лиц или же каких-либо критериев, позволяющих включить тех или иных субъектов в ее состав. В этой связи, на наш взгляд, допустимо применение метода аналогии, а именно использование «общенadzорного» способа определения состава администрации перечневым методом путем включения в него субъектов, осуществляющих управленческо-распорядительные функции. Основным критерием послужит наличие у данных субъектов возможности самостоятельно принимать или участвовать в принятии юридически значимых решений, касающихся исполнения и отбывания принудительной изоляции. При этом эти решения могут быть как прямо направленными на процесс отбывания или исполнения мер пенитенциарной изоляции, так и касаться этих вопросов опосредованно (например, принятие общих управленческих решений). Термин «администрация» в этом случае будет охватывать:

- руководителей самих органов и учреждений, исполняющих пенитенциарную изоляцию;
- руководителей структурных подразделений данных органов и учреждений (например, председателей административных комиссий);
- органы управления, контроля, безопасности, а также отдельные структурные подразделения, осуществляющие реализацию различных функций, возложенных на пенитенциарные органы и учреждения, в составе конкретных пенитенциарных органов и учреждений (различные отделы и прочие структурные подразделения);
- должностных лиц в составе данных органов, отделов и прочих структурных подразделений;
- должностных лиц пенитенциарных учреждений, обладающих правом принимать юридически значимые решения, касающиеся исполнения и отбывания пенитенциарной изоляции (начальники отрядов, заведующие секторами и т.п.).

Конкретный перечень лиц, составляющих администрацию данных органов и учреждений, определяется действующим законодательством, устанавливающим компетенцию пенитенциарных органов и учреждений, а также права и обязанности (полномочия) их должностных лиц.

К примеру, ст. 12 Закона о содержании под стражей к сотрудникам мест содержания под стражей относит: лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, сотрудников учреждений и органов

уголовно-исполнительной системы, военнослужащих органов федеральной службы безопасности и Вооруженных Сил РФ, исполняющих обязанности по обеспечению режима содержания под стражей. При этом под начальниками мест содержания под стражей понимает начальников следственных изоляторов; учреждений, исполняющих наказания; изоляторов временного содержания; пограничных органов федеральной службы безопасности, в ведении которых находятся изоляторы временного содержания; командиров войсковых частей; начальников пограничных органов федеральной службы безопасности, в ведении которых находятся гауптвахты; начальников гауптвахт.

Вместе с тем в пенитенциарных органах и учреждениях могут быть организованы отдельные производственные и непроизводственные секторы (предприятия), руководство которыми также осуществляется должностными лицами (например, директором производственного предприятия и т.п.). В этой связи возникает вопрос об их включении в понятие администрации. В условиях прежнего законодательства эти лица большинством ученых включались в состав администраций соответствующих учреждений. В настоящий момент в связи с изменением их статуса (как результата изменения экономических основ деятельности пенитенциарных учреждений) они совершенно оправданно исключены из содержания данного понятия. Поэтому в предмет пенитенциарного надзора прокуратуры как субъекты администрации они не входят. Однако поскольку их деятельность протекает в местах принудительной изоляции, с учетом роли прокуратуры в обеспечении законности в данной сфере, полностью исключать их из предмета прокуратуры не следует. Действующая редакция Закона о прокуратуре позволяет осуществить надзор за ними лишь в пределах «общего» надзора в соответствии со ст. 21 и лишь в случае, когда их деятельность будет охвачена предметом надзора. Такое положение вещей едва ли возможно признать удовлетворительным, поскольку из предмета прокурорского надзора формально выпадает основное содержание деятельности этих лиц. На наш взгляд, законодателем выработано правильное направление решения этой проблемы – включение в надзор прокурора всех лиц, осуществляющих какую-либо деятельность в местах принудительной изоляции. В этой связи в предмет надзора нужно включить не только субъектов, осуществляющих общественный контроль, но и любых других, осуществляющих какую-либо деятельность в местах принудительной изоляции от общества. С точки зрения юридической техники данный вопрос можно разрешить путем изменения редакции ст. 21 Закона о прокуратуре.

Понятия «администрация исправительного учреждения (органа)» и «исправительное учреждение (орган)» разграничиваются в зависимости от объема, сферы и направленности реализуемых ими функций. Особенно актуален этот вопрос, когда речь идет о разграничении сфер и видов деятельности внутри соответствующего учреждения, уголовно-исполнительной системы в целом или же о взаимодействии с иными ли-

цами, непосредственно не участвующими в пенитенциарном процессе. Как внутри пенитенциарного учреждения, так и в уголовно-исполнительной системе в целом могут возникать различные виды деятельности, которые не всегда по своей сути можно отнести к управленческим или связанным с отбыванием или исполнением мер пенитенциарной изоляции (так же, как не все из возникающих видов деятельности урегулированы нормами права), поэтому объективно существует необходимость в организационно-юридическом разграничении понятий администрации учреждения (органа) и самого учреждения или органа. Администрация в этом случае, как уже было отмечено, служит субъектом принятия юридически значимых решений, касающихся исполнения и отбывания пенитенциарной изоляции, и в этой связи представляет собой структурное звено пенитенциарной системы. Ее деятельность охватывает внутренние вопросы отбывания или исполнения пенитенциарной изоляции, в то же время, когда речь идет о внешних проявлениях ее деятельности, более уместно говорить об органах и учреждениях, исполняющих уголовное наказание.

На уровне прокурорского надзора подобное разграничение понятий проводится путем выделения органов и учреждений, исполняющих уголовное наказание, наряду с администрациями в отдельный вид поднадзорных лиц на специальном (отраслевом) уровне обеспечения законности. Важно подчеркнуть необходимость выделения данных субъектов в качестве поднадзорных лиц именно на уровне отдельной отрасли, поскольку именно по вопросам этого уровня (реализация прав и обязанностей заключенных, применение отдельных полномочий должностными лицами уголовно-исполнительной системы, соблюдение требований условий и режима отбывания пенитенциарной изоляции и т.п.) происходит наиболее интенсивное взаимодействие органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, с иными лицами, непосредственно не вовлеченными в процесс исполнения пенитенциарной изоляции – судами, субъектами общественного контроля, органами государственной власти, включая органы прокуратуры. При этом если на общепрокурорском уровне надзором охватывается деятельность ведомств в целом (например, ФСИН России), то на отраслевом – деятельность конкретных ведомственных подразделений, в нашем примере – органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, в составе ФСИН России. В этой связи представляется оправданным расширение пределов надзора по кругу субъектов путем отдельного включения органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в предмет надзора в рамках данной отрасли (ст. 32 Закона о прокуратуре).

Содержание категорий «орган» и «учреждение» более детально было разработано в теории советского административного права. Несмотря на достаточную условность подобного деления, под органом (управления), как правило, понимался субъект или структурный элемент системы, основная функция которого заключалась в организации деятельности нижестоящих звеньев управленческого аппарата для выполнения соци-

альных задач. Основным результатом его деятельности являлось управленческое решение. В случае если орган одновременно обеспечивал собственную деятельность (имел отдельную организационно-материальную базу), он рассматривался в качестве учреждения для обеспечения основной своей деятельности. Основным отличительным признаком учреждения от предприятия служил характер производимого продукта (результата деятельности): предприятие производило материальные ценности (блага) или оказывало материальные услуги на возмездной основе; учреждение, в свою очередь, производило в основном социальные ценности (воспитание, лечение, исправление) и осуществляло свою деятельность на бюджетной основе. В этой связи уголовно-исполнительные учреждения, исполняющие уголовные наказания, представляют собой в большей степени учреждения, поскольку результатом их деятельности служит выработка у содержащихся в них лиц определенных качеств (исправление, раскаяние и т.п.), а не появление новых объектов материального мира.

Такой подход для разграничения рассматриваемых понятий в принципе применим и в настоящее время.

Так, Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее – Закон об УИС), характеризуя структуру и содержание уголовно-исполнительной системы, использует три основных понятия: «учреждения, исполняющие наказания», «территориальные органы уголовно-исполнительной системы» и «федеральный орган уголовно-исполнительной системы». При этом в соответствии со ст. 7 и 8 этого Закона основным предназначением органов уголовно-исполнительной системы служит руководство подведомственными учреждениями и подразделениями, а также осуществление правоприменительных функций и функций по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний. В свою очередь, согласно ст. 5 и 13 Закона об УИС, основные функции учреждений, исполняющих уголовные наказания, заключаются в реализации уголовно-исполнительного законодательства, как раз предусматривающего в том числе выработку и приобретение осужденными новых качеств и свойств.

Согласно УИК РФ и Закону об УИС, в сфере пенитенциарной изоляции термин «учреждение» в основном используется применительно к различным видам исправительных колоний и тюрем, где основной функцией как раз и является воспитание у заключенных указанных качеств, и заменяется термином «места содержания», когда речь идет об учреждениях, основным предназначением которых является не выработка определенных свойств у содержащихся в них лиц, а их временная изоляция в целях реализации уголовной политики (ИВС и СИЗО). В этой связи Закон о содержании под стражей также вместо термина «учреждение» использует понятие «места содержания» (ст. 7). В этом контексте особый смысл приобретает положение ст. 5 Закона об УИС, устанавливающее, что «в уголовно-исполнительную систему по решению Правительства Российской Федерации *могут* входить следственные

изоляторы» (курсив наш. – *О.В.*). Другими словами, по смыслу закона следственные изоляторы (и, по всей вероятности, иные места предварительного заключения) принадлежат к уголовно-исполнительным учреждениям не по своей сущности, а по условному отнесению. Таким образом, понятие «уголовно-исполнительное учреждение» в широком смысле охватывает не только учреждения уголовно-исполнительной системы, исполняющее уголовное наказание, но также места исполнения (отбывания) предварительной изоляции, назначенной в целях реализации уголовной политики, независимо от их ведомственной принадлежности. Косвенным аргументом в этом случае могут служить положения ст. 7 Закона о содержании под стражей, в определенных случаях разрешающие использование в качестве мест предварительного заключения «непрофильные» учреждения уголовно-исполнительной системы, исполняющие наказания в виде лишения свободы, и гауптвахты.

Аналогичные подходы можно использовать при определении круга поднадзорных лиц применительно к исполнению принудительной изоляции в ПССТ и ПССТИН. С учетом положений ст. 2 ФЗ РФ «Об обеспечении охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением» (далее – ФЗ-92) в предмет пенитенциарного надзора прокуратуры включаются психиатрические стационары как учреждения, подразделения охраны психиатрических стационаров, сотрудники подразделения охраны психиатрического стационара и администрация психиатрического стационара. При этом направления надзора в этом случае различны. Надзор за подразделениями охраны и сотрудниками подразделения охраны осуществляется в части законности обеспечения охраны и безопасности, а за стационарами и администрациями – в части законности проведения по решению суда принудительного лечения лиц, совершивших деяния, предусмотренные Особенной частью УК РФ, в состоянии невменяемости, лиц, у которых после совершения преступления наступило психиатрическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, если они по своему психиатрическому состоянию представляют особую опасность для себя или других лиц и требуют постоянного и интенсивного наблюдения. В свою очередь, п. 9 ст. 2 ФЗ-92 раскрывает понятие администрации психиатрического стационара, включая в него руководителя психиатрического стационара, его заместителей, а в их отсутствие – уполномоченных лиц.

Конкретный перечень органов и учреждений, охватываемый предметом пенитенциарного надзора прокуратуры, в этом случае включает в себя:

- исправительные колонии различных режимов в системе ФСИН России;
- воспитательные колонии различных режимов в системе ФСИН России;
- лечебно-исправительные учреждения ФСИН России;
- тюрьмы в системе ФСИН России;
- арестные дома в системе ФСИН России;

- дисциплинарные воинские части (отдельные дисциплинарные батальоны и роты) Минобороны РФ;
- гарнизонные или войсковые гауптвахты в подразделениях Минобороны РФ;
- изоляторы временного содержания в системе МВД России;
- изоляторы временного содержания в системе Федеральной пограничной службы России;
- следственные изоляторы ФСИН России;
- управления ФСИН России в субъектах РФ;
- психиатрические стационары специального типа Минздрава России;
- психиатрические стационары специального типа с интенсивным наблюдением Минздрава России.

Что же касается отдельного выделения в предмете пенитенциарного надзора руководителей и должностных лиц уголовно-исполнительной системы, то такая необходимость отсутствует, поскольку указанные лица на уровне центральных и территориальных органов уголовно-исполнительной системы будут охвачены надзором прокуратуры в порядке ст. 1, 21, 26 Закона о прокуратуре, а на уровне указанных выше учреждений – в порядке ст. 32 этого же Закона, но уже как представители администрации учреждений, исполняющих пенитенциарную изоляцию.

Пределы пенитенциарного надзора прокуратуры по кругу актов, как и по кругу лиц, определяются в рамках соответствующих отраслей прокурорского надзора. За основу берутся прямые предписания Закона о прокуратуре и сложившая практика регулирования деятельности поднадзорных лиц. На общенадзорном уровне, с учетом положений ст. 1, 21, 26 Закона о прокуратуре, в качестве пределов выступают Конституция РФ и законы, действующие на территории России, а также акты, по своей юридической силе приравненные к законам, регулирующие исполнение и отбывание уголовных наказаний и иных мер пенитенциарной изоляции. В рамках специальной отрасли – надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, – согласно ст. 32 Закона о прокуратуре, в предмет прокурорского надзора включается также законодательство, регулирующее порядок отбывания и исполнения всех видов уголовных наказаний, иных мер принудительного характера, назначаемых по решению суда, а также мер принудительной изоляции от общества, назначаемых в интересах уголовно-процессуального производства.

Вопрос о содержании понятия «законодательство» в контексте ст. 32 Закона о прокуратуре нуждается в уточнении. На официальном уровне этот термин не раскрывается. В литературе справедливо отмечается, что под законодательством в широком смысле понимается вся совокупность нормативных правовых актов в той или иной области правового регулирования. Термин «законодательство» в узком смысле охватывает лишь законы, т.е. нормативно-правовые акты высшей юридической силы, причем в федеративных государ-

ствах, как правило, это понятие охватывает федеральные законы и законы субъектов Федерации. В этой связи обоснованно возникает вопрос, в каком смысле этот термин используется ст. 32 Закона о прокуратуре.

Во-первых, согласно п. «о» ст. 71 Конституции РФ, российское уголовно-исполнительное законодательство может быть только федеральным. В свою очередь, в ч. 1 ст. 2 УИК РФ указано, что «уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации состоит из УИК РФ и других федеральных законов». Таким образом, УИК РФ использует термин «законодательство» в узком смысле, ограничивая его лишь федеральными законами. Во-вторых, исходя из буквального толкования положений ст. 1 и 21 Закона о прокуратуре, логично предположить, что в ст. 32 этого же Закона речь, скорее всего, может идти о надзоре за исполнением только законов, поскольку законодатель использует именно этот термин. Наконец, ст. 32 Закона о прокуратуре гласит, что прокурор осуществляет надзор за «соблюдением установленных законодательством Российской Федерации прав и обязанностей задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера». В правовом государстве, к коим относится Россия, правовое положение лиц (их права и обязанности) должны устанавливаться исключительно законами как актами высшей юридической силы. В этой связи можно заключить, что ст. 32 Закона о прокуратуре термин «законодательство» использует в узком смысле, охватывая надзор за исполнением требований, содержащихся исключительно в федеральных законах как актах высшей юридической силы. Однако такой вывод представляется не бесспорным.

Прежде всего, в предмет надзора, согласно ст. 32 Закона о прокуратуре, входит надзор не только за уголовно-исполнительным, но и за иным законодательством, регулирующим исполнение и отбывание принудительной изоляции от общества. Оно включает в себя не только законы как акты высшей юридической силы, но и подзаконные нормативно-правовые акты. Далее, в юридической литературе обоснованно отмечается, что одна из ключевых особенностей правового регулирования исполнения и отбывания принудительной изоляции от общества заключается в его широком подзаконном и, главным образом, ведомственном регулировании. Такое положение вещей обусловлено необходимостью детальной регламентации постоянного нахождения большого количества лиц в ограниченных пространствах в течение продолжительного периода. Формат закона не позволяет осуществить оптимальное регулирование принудительной изоляции в подобных условиях. Поэтому законодатель вынужден сохранять ведомственное регулирование (причем со стороны различных ведомств). Такое положение вещей едва ли можно признать удовлетворительным, но таковы сегодняшние реалии. Возможно, по этой причине законодатель вынужден был включить в УИК РФ ст. 4, прямо предусматривающую, что федеральные органы исполнительной власти вправе принимать основанные на федеральном законе нормативно-правовые акты по

вопросам исполнения наказаний. К их числу, во всяком случае, следует отнести постановления (распоряжения) Правительства РФ, приказы и инструкции Министерства юстиции РФ, не утратившие своего значения принятые ранее нормативные акты МВД, а также нормативно-правовые акты ФСИН России и иных ведомств (Минздрава России, Министерства обороны РФ)¹.

В таких условиях ограничение надзора исключительно наблюдением за исполнением законов как актов высшей юридической силы приведет к исключению из предмета надзора значительного нормативно-правового массива, что, в свою очередь, едва ли будет способствовать обеспечению законности и соблюдению правового положения лиц в ходе реализации мер принудительной изоляции. В этой связи с учетом сложившейся действительности недопустимо ограничивать пределы прокурорского надзора за законностью исполнения принудительной изоляции исключительно законами как актами высшей юридической силы. В предмет надзора следует включить подзаконные нормативно-правовые акты, регулирующие принудительную изоляцию от общества. «Глубина погружения» в подзаконный нормативно-правовой массив ограничивается в этом случае иными пределами прокурорского надзора. В частности, запретом на вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных лиц, позволяющим исключить надзор за актами, не порождающими юридически значимых последствий в рассматриваемой сфере, и пределом по видам деятельности, исключаяющим из предмета надзора уголовно-исполнительную и иную деятельность, не связанную с принудительной изоляцией.

«Расширительный» подход при установлении предела надзора по кругу актов применительно к специальной отрасли обуславливает установление широких пределов по кругу актов для пенитенциарного надзора прокуратуры. В этой связи «нижний» предел пенитенциарного надзора охватит надзор за исполнением таких актов, как нормативные указы Президента РФ и постановления (распоряжения) Правительства РФ, нормативно-правовые акты Минюста России, Минздрава России, Минобороны России, МВД РФ, ФСИН России и др., касающиеся исполнения принудительной изоляции.

Таким образом, предмет пенитенциарного надзора прокуратуры включает в себя общепризнанные (т.е. признанные подавляющим большинством государств) нормы (принципы) международного права в части установления основных естественных (неотъемлемых) прав человека, в том числе в отношении лиц, находящихся в местах пенитенциарной изоляции и (или) отбывающих меры пенитенциарной изоляции, являющи-

¹ Редакция ст. 4 УИК РФ не совсем удачная, поскольку при буквальном прочтении не включает в сферу правового регулирования нормативно-правовые акты Президента РФ, Федерального собрания РФ. Вместе с тем следует иметь в виду, что подзаконные нормативные акты в сфере исполнения уголовных наказаний принимаются также Президентом РФ (нормативные указы и распоряжения) и Государственной Думой Федерального собрания РФ (например, постановления об амнистии и о порядке ее применения). Между тем указанные субъекты не принадлежат к числу «федеральных органов исполнительной власти», упомянутых в ст. 4 УИК РФ [1. С. 8].

еся составной частью правовой системы Российской Федерации и непосредственно включенные в российское национальное право:

- Всеобщую декларацию прав человека, принятую 10.12.1948.
- Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966.
- Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966¹.
- Конституцию Российской Федерации.
- Ратифицированные в установленном порядке международные договоры и соглашения.

Часть 4 ст. 15 Конституции РФ устанавливает примат норм, содержащихся в международных договорах, над нормами национального права. В развитие этих положений ч. 2 ст. 3 УИК РФ, в свою очередь, устанавливает приоритет правил международных договоров над положениями уголовно-исполнительного законодательства РФ. Аналогичные требования содержат уголовное и уголовно-процессуальное законодательство (ч. 2 ст. 1, ч. 3 и 4 ст. 11, ч. 2 и 3 ст. 12, ч. 2 ст. 13 УК РФ, ч. 3 ст. 1 УПК РФ).

Применительно к пенитенциарному надзору прокуратуры предмет, как правило, исчерпывается надзором за исполнением требований, содержащихся в: а) ратифицированных в установленном порядке многосторонних международных договорах и соглашениях (конвенциях); б) двухсторонних договорах и соглашениях о международно-правовой помощи (сотрудничестве) в части определения порядка и условий экстрадиции (передачи) осужденных для отбывания наказания и иных мер принудительной изоляции, а также применения к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений мер предварительной изоляции от общества.

Первая группа актов включает в себя такие основные международные документы, как Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые ООН в 1955 г.; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10.12.1984; Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказания от 26.11.1987; Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20.04.1959; Конвенция о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения от 28.03.1997; Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания от 06.03.1998 и др.

Вторая группа более многочисленна и включает в себя двухсторонние договоры (соглашения, конвенции) о (взаимной) правовой помощи (и правовых отношениях между Россией и соответствующими странами.

В настоящий момент ратифицировано около 60 подобных договоров. Соблюдение условий этих соглашений в части исполнения (отбывания) принудительной изоляции российскими поднадзорными лицами также составляет предмет пенитенциарного надзора прокуратуры.

Что касается надзора за применением международных стандартов исполнения и отбывания принудительной изоляции от общества, то их применение с формальных позиций не является обязательным и в этой связи не охватывается предметом пенитенциарного надзора прокуратуры. Так, ч. 4 ст. 3 УИК РФ устанавливает, что рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения уголовных наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве РФ при наличии необходимых экономических и социальных возможностей. Другими словами, соблюдение и исполнение указанных стандартов возможно только при условии включения их в содержание отечественного уголовно-исполнительного законодательства, в противном случае не является обязательным и не охватывается предметом пенитенциарного надзора прокуратуры.

На уровне национального законодательства пенитенциарный надзор прокуратуры помимо Конституции РФ включает в себя также наблюдение за исполнением и соблюдением требований федеральных законов РФ. При этом условно законы можно разделить на две группы. В первую включаются непосредственно регулирующие исполнение (отбывание) мер пенитенциарной изоляции. Основными из них служат:

- Уголовный кодекс РФ;
- Уголовно-процессуальный кодекс РФ;
- Уголовно-исполнительный кодекс РФ;
- ФЗ РФ № 103-ФЗ от 15.07.1995 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»;
- Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»;
- Закон РФ № 3185-1 от 02.07.1992 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»;
- ФЗ РФ № 92-ФЗ от 07.05.2009 «Об обеспечении охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением»;
- ФЗ РФ № 76-ФЗ от 10.06.2008 «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

Вторая группа охватывает законы, регулирующие деятельность, непосредственно связанную с принудительной изоляцией, а также деятельность государственных органов и учреждений, для которых исполнение наказаний служит дополнительной функцией к основной деятельности. Сюда можно отнести такие законы, как Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»; ФЗ РФ № 118-ФЗ от 27.07.1997 «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации»; ФЗ РФ № 114-ФЗ от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности» и др.

¹ В директивах Генерального прокурора РФ есть прямые указания на осуществление надзора за исполнением требований, содержащихся в общепризнанных нормах (принципах) международного права. См., к примеру, Приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» (в ред. от 21.06.2016).

Вопросы принудительной изоляции от общества относятся к исключительно федеральному уровню регулирования, законов субъектов Федерации, регулирующих исполнение и отбывание мер принудительной изоляции, нет. Поэтому в этой части предмет пенитенциарного надзора прокуратуры ограничивается наблюдением за исполнением федеральных законов.

Следующий блок нормативно-правовых актов, входящих в предмет пенитенциарного надзора прокуратуры, образуют подзаконные нормативно-правовые акты. Причем предметом охватываются подзаконные нормативно-правовые акты как общего, так и ведомственного характера. К первым относятся указы Президента РФ и постановления (распоряжения) Правительства РФ, носящие нормативный характер. Ко вторым – ведомственные нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы пенитенциарной изоляции. К числу таких ведомств относятся: Минюст России, ФСИН России, МВД РФ, ФСБ РФ, Минобороны РФ и Минздрав России. Главная особенность определения пределов надзора применительно к ведомственным актам заключается в том, что, с одной стороны, прокурор надзирает за исполнением и соблюдением требований, содержащихся в этих актах, с другой – они сами служат предметом надзора с точки зрения их соответствия действующему законодательству. В этой связи принятие ключевых из них, как правило, требует согласования с прокуратурой в лице Генерального прокурора РФ или соответствующих нижестоящих прокуроров.

В качестве третьего критерия установления предмета пенитенциарного надзора выступает предел по видам поднадзорной деятельности или кругу правоотношений, на которых она основывается (порождает).

С учетом названного предела предмет отрасли прокурорского надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мер содержания задержанных и заключенных под стражу включает себя уголовные, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные и иные правоотношения, возникающие на их основе в ходе отбывания или исполнения принудительной изоляции от общества, а также исполнения уголовных наказаний и иных мер принудительного характера, назначаемых по решению суда, если их участниками являются лица, отбывающие указанные меры. Конкретный спектр этих правоотношений весьма широк и отражает всю деятельность поднадзорных органов, учреждений и должностных лиц, связанную в том числе не только с реализацией карательно-исправительного воздействия, обеспечения безопасности общества или предупреждения совершения новых преступлений и воспрепятствования расследования преступлений. По своей юридической природе это могут быть административные, трудовые, пенсионные, дисциплинарные и прочие правоотношения. При этом важно иметь в виду, что когда речь идет о надзоре за исполнением законов со стороны публичных субъектов, то в предмет надзора, как правило, включается наблюдение за законностью деятельности, основанной

прежде всего на уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных правоотношениях. Когда же речь идет об обеспечении правового положения лица, находящегося в данных местах, органах и учреждениях, то, поскольку прокурорским надзором охватывается соблюдение всех прав указанных лиц, перечень поднадзорных видов деятельности (их порождающих правоотношений), включаемый в предмет надзора, носит более широкий характер. В последнем случае фактически речь идет о любых видах деятельности (правоотношениях), участником которых может быть лицо, отбывающее указанные меры. В этой связи содержательно (и соответственно терминологически) надзор за законностью исполнения конкретных мер по своему содержанию значительно уже понятия надзора за законностью отбывания этих мер, поскольку в последнем случае перечень правоотношений, входящий в предмет надзора, значительно шире.

В свою очередь, предмет пенитенциарного надзора прокуратуры ограничивается, во-первых, надзором за законностью поднадзорной деятельности, основанной на правоотношениях, возникающих в связи с принудительной изоляцией от общества, назначаемой по решению суда и (или) в связи с уголовно-процессуальным производством по делу. Из его предмета исключаются те виды, которые возникают в связи с реализацией уголовного наказания и иных мер принудительного характера, назначаемых по решению суда, и не предполагающие принудительную изоляцию от общества. В частности, предметом пенитенциарного надзора прокуратуры не охватывается наблюдение за исполнением законов при реализации и отбывании уголовных наказаний, не связанных с принудительной изоляцией от общества, отбывание принудительных мер воспитательного воздействия в виде содержания несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, отбывание и исполнение меры пресечения в виде домашнего ареста.

Конкретный перечень мер, законность исполнения которых охватывается пенитенциарным надзором прокуратуры, включает в себя:

- уголовно-процессуальное задержание;
- предварительное заключение под стражу;
- задержание осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания, подразделениями ФСИН России;
- пожизненное и срочное лишение свободы;
- арест как меру уголовного наказания;
- содержание в дисциплинарной воинской части;
- содержание на гауптвахте в качестве исполнения уголовно-процессуального задержания и (или) предварительного заключения под стражу;
- принудительное содержание в психиатрическом стационаре специального типа и психиатрическом стационаре специального типа с интенсивным наблюдением.

Соответственно предметом пенитенциарного надзора прокуратуры охватываются те виды деятельности поднадзорных лиц, которые основываются на правоотношениях, связанных с реализацией и отбыванием указанных мер.

В рамках специальной отрасли – надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу – ст. 32 Закона о прокуратуре ограничивает предмет пенитенциарного надзора поднадзорными видами деятельности (отношениями), возникающими в связи с нахождением лиц в местах принудительной изоляции, исполнением уголовных наказаний и иных принудительных мер, назначаемых по решению суда.

В соответствующих директивах Генеральной прокуратуры РФ предмет раскрывается более детально путем указания на конкретные виды, охватываемые надзором, деятельности лиц, исполняющих принудительную изоляцию, основания их возникновения и порядок протекания.

Как правило, это такие вопросы, как:

- соблюдение сроков принудительной изоляции;
- законность водворения и освобождения от принудительной изоляции;
- порядок, режим и условия содержания и отбывания принудительной изоляции;
- досрочное освобождение от принудительной изоляции;
- законность дисциплинарной практики в отношении лиц, отбывающих принудительную изоляцию;

– законность привлечения к труду, обеспечения образования и воспитания лиц, отбывающих принудительную изоляцию;

– законность оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности в условиях принудительной изоляции;

– законность рассмотрения и разрешения обращений лиц, отбывающих принудительную изоляцию;

– правовое положение лиц, отбывающих принудительную изоляцию.

Часть 2 этой же статьи устанавливает, что в предмет пенитенциарного надзора входит наблюдение за соблюдением установленных законодательством РФ прав и обязанностей лиц, отбывающих принудительную изоляцию от общества. Представляется, что указанная формулировка не совсем корректна с учетом специфики деятельности прокуратуры. Ранее отмечалось, что предметом соблюдения могут охватываться, главным образом, права и законные интересы лиц, находящихся в принудительной изоляции от общества. Надзор за соблюдением исполнения обязанностей, возложенных на указанных лиц, едва ли возможен со стороны прокуратуры. В этой связи предмет пенитенциарного надзора прокуратуры в этой части фактически ограничивается наблюдением за соблюдением прав и законных интересов лиц, отбывающих принудительную изоляцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уткин В.А. Уголовно-исполнительное право : учеб.-метод. комплекс. Томск : Изд-во НТЛ, 2017. 86 с.

The Subject and Limits of Penitentiary Supervision of the Prosecutor's Office

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 89–97. DOI: 10.17223/23088451/16/19

Oleg V. Voronin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: prosecutor's supervision, penitentiary supervision, places of compulsory isolation, administrations of bodies and agencies executing criminal sentences, object of prosecutor's supervision, limits of prosecutor's supervision.

Penitentiary supervision of the prosecutor's office within the framework of supervision over the implementation of laws covers the activities of: federal sectoral executive bodies that exercise penitentiary isolation (their departmental affiliation is different: the RF Federal Penitentiary Service of Russia, the RF Ministry of Internal Affairs of Russia, the Border Service of the RF Federal Security Service, the RF Ministry of Defense, the RF Ministry of Health); control bodies in the system of the above-mentioned bodies and agencies; officials of these bodies and agencies; subjects of public monitoring of the observance of human rights in detention facilities and assistance to persons held in places of detention. Within the framework of a special branch – the prosecutor's supervision over the execution of laws by administrations of bodies and facilities executing punishments and measures of a coercive nature imposed by the court, and by administrations of places holding detained persons and those in custody – the prosecutor's supervision, in terms of the circle of persons, covers: activities of administrations of penitentiary bodies and facilities, as well as activities of these bodies and facilities. The final conclusion is the provision that, according to the types of supervised activities, the subject of penitentiary supervision is limited to the activities of these supervised persons based on criminal procedural, criminal and penal legal relations arising in the course of and in connection with the execution of measures of forced isolation.

References

1. Utkin, V.A. (2017) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: Uchebno-metodicheskiy kompleks* [Penal law: An educational set]. Tomsk: Izd-vo NTL.

И.И. Головки

ПРОКУРОР – СУБЪЕКТ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ

Автор изучает роль прокурора, участвующего в гражданском судопроизводстве. Выявлены особенности, характеризующие деятельность прокурора как преследование лиц, обличаемых в совершении коррупционных правонарушений. Обращено внимание на иные категории гражданских дел, в которых прокурор также осуществляет преследование. Выводы направлены на обеспечение единства подходов к определению целей и задач прокурора в различных направлениях, что способствует повышению эффективности деятельности прокурора.

Ключевые слова: *прокурор, противодействие коррупции, участие прокурора в гражданском судопроизводстве, преследование, гражданско-правовая ответственность.*

Одной из актуальных проблем современности является коррупция, противодействие которой осуществляется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, институтами гражданского общества, организациями и физическими лицами в пределах их полномочий (ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон «О противодействии коррупции»)).

Понятие «коррупция», определение которого закреплено законодателем в Законе «О противодействии коррупции», не тождественно понятию «коррупционное правонарушение» [1]. Д.А. Липинский коррупционное правонарушение понимает как противоправное, виновное, общественно опасное деяние, содержащее признаки коррупции, за совершение которого международным, уголовным, административным, служебным или иными отраслями законодательства предусмотрена юридическая ответственность [Там же]. При определении круга правонарушений и видов ответственности необходимо учитывать ч. 1 ст. 13 Закона «О противодействии коррупции», в которой установлена возможность применения к физическим лицам за совершение коррупционных правонарушений уголовной, административной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности.

Дисциплинарную ответственность служащих предусматривают федеральные нормативные правовые акты в сфере труда и государственной (муниципальной) службы, Закон «О противодействии коррупции», устанавливающие определенные требования и запреты, невыполнение которых является коррупционным дисциплинарным правонарушением.

Пункт 7.1 ст. 81 ТК РФ устанавливает возможность увольнения работника по основанию утраты доверия. Кроме этого, в п. 5.1 ст. 11 Закона «О противодействии коррупции», ч. 1 ст. 59.2 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», ч. 2.3 ст. 14.1, ч. 2 ст. 27.1 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» определены коррупционные правонарушения, влекущие утрату доверия к служащему и применение дисциплинарной ответственности в виде увольнения.

Выявив в результате надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции факты совершения коррупционных дисциплинарных правонарушений, влекущих увольнение со службы виновных лиц, и неприятия мер к их увольнению, прокуроры вносят представления работодателям с целью устранения нарушений закона. Так, в 2016 г. прокурорами выявлено 2,5 тыс. случаев неприятия мер к урегулированию конфликта интересов, в связи с чем внесено более 1 тыс. представлений, по результатам рассмотрения которых 728 лиц привлечено к дисциплинарной ответственности, в том числе уволено в связи с утратой доверия 56 государственных, муниципальных служащих и иных должностных лиц [2].

При неисполнении требований представления прокуроры реализуют установленное ч. 1 ст. 45 ГПК РФ право обращения в суд с исками, в которых указывают требования о признании незаконным приказа работодателя (например, о привлечении служащего к дисциплинарной ответственности в виде выговора, об увольнении лица по собственному желанию), а также о возложении обязанности расторгнуть служебные отношения и уволить лицо с занимаемой должности [3] либо об изменении оснований увольнения [4].

Таким образом, дисциплинарная ответственность служащего реализуется в порядке исполнения решения суда, вынесенного по иску прокурора, поводом для которого явились результаты надзора за исполнением законов о противодействии коррупции. В досудебной деятельности и в судопроизводстве прокурор как представитель органа государства выступает инициатором привлечения лица, по его мнению, виновного в коррупционном правонарушении, к дисциплинарной ответственности.

Реакцией прокурора от лица государства на коррупционное правонарушение является также инициирование применения ответственности, определенной Законом «О противодействии коррупции» как гражданско-правовая. Правовые основания данного вида ответственности определяют Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – Закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих

государственные должности, и иных лиц их доходам)), подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ.

В настоящее время контроль за расходами лица и членов его семьи осуществляется в случае, если имеется достаточная информация о том, что лицом, замещающим (занимающим) одну из должностей, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», его супругом или несовершеннолетними детьми в течение отчетного периода приобретены земельный участок, другой объект недвижимости, транспортное средство, ценные бумаги, акции (доли участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) на общую сумму, превышающую общий доход данного лица и его супруга за три последних года, предшествующих отчетному периоду (ч. 1 ст. 4 указанного Закона).

В силу п. 2 ч. 3 ст. 13 Закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» по результатам контроля за расходами служащего и членов его семьи решается вопрос о направлении собранных материалов прокурору.

Несоответствие расходов служащего и членов его семьи доходам может быть выявлено прокурором в ходе осуществления контроля за расходами лица в соответствии с ч. 2 ст. 17 Закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

Изучив материалы, при наличии оснований, прокурор, руководствуясь подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, ст. 17 Закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, направляет в суд заявление об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих приобретение на законные доходы, или об обращении в доход Российской Федерации денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества, если его обращение в доход государства невозможно.

Сущность участия прокурора в рассмотрении судебных дел – это категория, на наш взгляд, состоит в сборе (оценке полученных) сведений о совершении коррупционного правонарушения и доказательств виновности служащего (иного должностного лица), формировании предложений суду об ответственности данного лица и членов его семьи, инициировании привлечения их к участию в деле в качестве ответчиков, принятии всех предусмотренных законом мер для доказывания виновности ответчиков в ходе рассмотрения дела судом с целью применения к служащему (иному должностному лицу) и членам его семьи установленной законом ответственности.

Как отметил Конституционный Суд РФ, рассмотрение дел данной категории именно в порядке гражданского судопроизводства позволяет обеспечить оптимальный баланс публичных и частных интересов, связанных с необходимостью предоставления служащему, его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям

реализации права на защиту и опровержения сведений, послуживших основанием обращения прокурора с заявлением в суд [5].

В делах указанной категории, которые рассматриваются по правилам искового производства, представляется необходимым применение обеспечительных мер в целях обеспечения исполнения решения суда, не усматривается вероятность добровольного удовлетворения требований прокурора ответчиками, недопустимо заключение мирового соглашения.

Рассмотренные ситуации инициирования привлечения лиц к ответственности не являются типичными в деятельности прокуроров, которую зачастую рассматривают только как правозащитную. Такой подход в первую очередь следует из положений федеральных нормативных правовых актов.

Пункт 3 ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре Российской Федерации) определяет, что прокуроры в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации участвуют в рассмотрении дел судами, опротестовывают противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов.

Пункт 4 ст. 27 Закона о прокуратуре Российской Федерации раскрывает полномочия по участию прокурора в гражданском судопроизводстве через защиту прав и свобод человека и гражданина.

Статья 35 Закона о прокуратуре Российской Федерации, включенная в его Раздел IV «Участие прокурора в рассмотрении дел судами», закрепляет, что прокурор обращается в суд с заявлением или вступает в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства.

Часть 1 ст. 45 ГПК РФ определяет, что прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан (при невозможности граждан самостоятельно защитить свои права), неопределенного круга лиц или интересов публично-правовых образований.

В гражданских делах о коррупционных правонарушениях, несомненно, реализуется важнейшее полномочие прокурора по обеспечению публичного интереса, направленного на поддержание правопорядка и законности, прокурор также выступает лицом, содействующим вынесению законного и обоснованного решения, объективно оценивающим ситуацию по делу и не допускающим применение ответственности без законных оснований.

В то же время ст. 17 Закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», наделяющая правом инициирования обращения имущества служащего и членов его семьи в доход государства только прокурора, показывает его особую роль как субъекта, обличающего от имени государства виновного перед судом. Этим правом не обладают какие-либо иные органы, организации, физические лица, что показывает публичный обвинительный характер деятельности прокурора.

Как отмечают, сложилось понимание, что в порядке гражданского судопроизводства осуществляется привлечение к ответственности за нарушение частных прав и интересов, а в порядке уголовного судопроизводства – за нарушение публичного интереса, не укладывающиеся в общий подход случаи принято объяснять исключением из правил [6].

Полагаем, что правы те, кто настаивает на возможности применения в гражданском судопроизводстве ответственности, направленной на защиту публичного интереса, вследствие публичности института юридической ответственности [3, 6], а также по причине того, что основным методом правового регулирования юридической ответственности является императивный, а диспозитивный выступает дополнительным методом [7].

Закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в целях противодействия коррупции устанавливает правовые и организационные основы осуществления контроля за расходами, а также определяет категории лиц, в отношении которых осуществляется контроль за расходами, порядок осуществления контроля за расходами и механизм обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы (ст. 1 Закона). То есть содержит положения, регулирующие охранительные правоотношения, в которых реализуются меры государственного принуждения.

При этом представляется, что рассмотренная нами ответственность, налагаемая в порядке гражданского судопроизводства, имеет публично-правовой характер и потому, что государство применяет к нарушителю предусмотренные федеральными нормативными правовыми актами санкции, предполагающие лишение отдельных прав и возложение материального бременения (изъятие имущества-объекта правонарушения) [8], в установленном законом порядке.

В случае выявления правонарушения прокурор обязан обратиться в суд с заявлением, так как ст. 17 Закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» не говорит «вправе», т.е. не предполагает возможности усмотрения прокурора, а непринятие предусмотренных законодателем мер надлежит рассматривать как нарушение, ущемляющее публичный интерес. В этом случае усмотрение, непринятие установленных законом мер в деятельности прокурора исключено.

Аналогичным образом должна быть оценена ответственность, инициируемая прокурором в связи с утратой доверия к служащему и применяемая в результате исполнения решения суда.

Хотя законодательство о противодействии коррупции в Российской Федерации присуще только современному периоду, рассмотренные особенности участия прокурора в гражданском судопроизводстве в общем аспекте инициирования привлечения виновных лиц к ответственности для науки о прокурорской деятельности не новы.

Так, отмечалось, что цели прокуратуры по выявлению и устранению любых нарушений, восстановления нарушенных прав и привлечения виновных к ответственности обеспечиваются в том числе посредством инициирования прокурором гражданского судопроизводства [9. С. 165].

В свою очередь, иск прокурора является не только средством защиты нарушенного субъективного права, но и средством привлечения виновного к гражданско-правовой ответственности. Тем более, что в отдельных случаях имеет место предъявление иска прокурором только в целях восстановления правопорядка и охраны законности, когда обе стороны материально-правового отношения нарушают закон и публичный интерес [10. С. 6–7].

Было высказано мнение о сходстве участия прокурора в уголовном и гражданском судопроизводстве, так как прокурор реализует полномочия по обеспечению законности применения государственного принуждения (правообеспечительная функция) и инициирует это принуждение, например в гражданском процессе, путем предъявления заявлений в суд (правоохранительная функция) [Там же].

Таким образом, исходя из доступных научных источников, приходим к выводу, что представленный подход нашел поддержку в методическом издании и диссертационном исследовании, в результате изучения литературы по теме исследования не были выявлены доводы о несогласии с этим мнением.

В современной прокурорской практике активно реализуются полномочия, установленные ст. 1065 ГК РФ (приостановление деятельности организации до устранения нарушений законодательства о пожарной безопасности [11]); применяются п. 1 ст. 1081 ГК РФ (взыскание с должностных лиц ущерба, причиненного публично-правовым образованиям, их незаконными решениями в порядке регресса [12]), ст. 236 ТК РФ (взыскание неустойки в связи с невыплатой в установленный срок заработной платы [13]), ч. 2 ст. 115 СК РФ (взыскание неустойки по уплате алиментов [14]) и иные. Современный этап жизни общества и государства, наработки теории и развитие законодательства об участии прокурора в рассмотрении дел судами требуют обращения внимания на указанные особенности.

В продолжение научного поиска представляется важным обратиться к закономерностям, характерным для охранительной деятельности прокурора. Представляется, что участие прокурора в рассмотрении судами дел в различных видах судопроизводства в целях привлечения виновных к установленной законом ответственности должно отвечать общим основным правилам.

По мнению А.П. Чиркова, наличие генетических связей между видами принудительной юридической ответственности выражается в том числе через использование общих категорий, принципов, юридических конструкций и субсидиарного применения норм [15. С. 58–59].

В соответствии со ст. 20 Конвенции ООН против коррупции [16], незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать, признается

уголовно наказуемым деянием. Для Российской Федерации это правило не действует в силу п. 1 ст. 1 Федерального закона от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции». Аналогом указанной меры в российском законодательстве выступает ответственность государственного (муниципального) служащего, установленная подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ в виде прекращения права собственности по основанию обращения по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы. Эта ответственность, как указал Конституционный Суд РФ, является неблагоприятным последствием получения государственным (муниципальным) служащим доходов от коррупционной деятельности [17].

При этом процедура обращения в доход Российской Федерации имущества служащего и членов его семьи не подменяет собой другие охранительные правовые механизмы, регламентируемые уголовным, административно-деликтным и налоговым законодательством [18].

В дополнение сказанному приведем мнение ученых в области теории государства и права о том, что принцип законности юридической ответственности требует, чтобы ответственность возлагалась только по процедуре, предусмотренной законом [19. С. 318]. Процедуры применения различных видов ответственности, установленные законодателем в УПК РФ, КоАП РФ, ГПК РФ, имеют черты, которые их сближают, унифицируют.

Сформирована позиция Конституционного Суда РФ о том, что обращение в доход государства имущества служащего, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, выступает особой мерой государственного принуждения в целях борьбы с деяниями коррупционной направленности, применение которой должно отвечать общим требованиям претерпевания лицом неблагоприятных последствий совершения им противоправных деяний. В частности, любое правонарушение и санкции за его совершение должны быть четко определены в законе; пределы имущественной ответственности в совокупности с правилами ее налогообложения обеспечивают адекватность применяемого государственного принуждения всем обстоятельствам, имеющим существенное значение для индивидуализации ответственности и наказания и др. [20].

Следовательно, и роль прокурора, осуществляющего полномочия в механизме привлечения лиц к установленной законом ответственности, также должна характеризоваться общими признаками.

В настоящее время уголовное преследование в соответствии со ст. 5 УПК РФ рассматривается как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. В силу ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства.

Термин «административное преследование» упомянут только в гл. 29.1 КоАП РФ, введенной в Кодекс в 2011 г. В то же время административное преследование осуществлялось прокурором с 1926 г. на основании пункта «а» ст. 59, ст. 68 Положения о судостроительстве РСФСР, в дальнейшем термин был исключен из нормативного регулирования деятельности прокуратуры.

В научных публикациях административное преследование прокурора долгое время не находило полного отражения [21] как следствие отсутствия нормативной регламентации указанной процедуры [22. С. 9]. Результаты проведенных исследований представлены в отдельных статьях [23–25], в настоящее время этому вопросу уделено внимание авторами диссертаций [26–28], коллективной монографии [29], посвящена отдельная монография [22].

Основным признаком административного преследования является процессуальная деятельность субъектов административной юрисдикции, направленная на реализацию административной ответственности, осуществляется на всех стадиях производства по делам об административных правонарушениях при помощи установленных нормами административно-деликтного законодательства процессуальных средств [27. С. 9]. По мнению другого автора, это также процессуальная деятельность, осуществляемая уполномоченными в соответствии с законодательством об административных правонарушениях органами и должностными лицами в целях изобличения виновного в совершении административного правонарушения [21].

Таким образом, можно сделать вывод, что осуществляемое прокурором уголовное и административное преследование характеризуется признаками:

- 1) это деятельность процессуальная, урегулирована федеральными нормативными правовыми актами, содержащими процессуальные нормы, состоит из стадий соответствующего производства;
- 2) целью деятельности определяют изобличение конкретного лица, совершившего правонарушение;
- 3) прокурор инициирует привлечение к ответственности лиц, в виновности которых убежден собранными в досудебном порядке доказательствами;
- 4) прокурор передает собранные материалы по делу о правонарушении в уполномоченный орган для рассмотрения дела и принятия окончательного решения о применении ответственности.

Хотя в настоящее время законодатель не закрепляет термин «преследование» применительно к участию прокурора в гражданском судопроизводстве, в рассмотренных ситуациях деятельность прокурора имеет характер преследования лица, в виновности которого прокурор убежден на основании собранных материалов.

Преследовать – неотступно следовать за кем-либо [30. С. 585]. Прокурор последовательно обличает и доказывает выдвинутые обвинения в совершении правонарушения в отношении лица в судебном порядке до тех пор, пока не будет вынесено и не вступит в силу законное и обоснованное решение суда по вопросу привлечения виновного лица к ответственности.

В соответствии с п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре Российской Федерации целями деятельности прокуратуры, которые присущи и прокурору, участвующему в рассмотрении дел судами в гражданском судопроизводстве, являются обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Задачи, решение которых обеспечивает достижение установленных Законом целей, определяются формой (инициативной или вступление для дачи заключения) и поводом участия прокурора в деле. Так, применительно к инициативной форме задачи прокурора, защищающего права и интересы иного лица, состоят в пресечении нарушения, восстановлении нарушенных прав, возмещении причиненного вреда; задачи прокурора, преследующего виновного, состоят в пресечении нарушения, обеспечении привлечения виновного к установленной законом ответственности, обеспечении публичного интереса, обеспечении законности применения мер принуждения.

Сошлемся на мнение Г.Л. Осокиной, которая раскрыла сущность преследования прокурором в гражданском процессе еще в период действия советского законодательства, обоснованно указав следующее. Иск является актом реагирования на правонарушение (в настоящее время иск не включен Законом о прокуратуре в круг актов прокурорского реагирования, иск выступает средством прокурора, что не меняет понимания преследования), участвующий в рассмотрении дела прокурор убежден в событии правонарушения и виновности лица, его совершившего. Так как прокурор не полномочен применять санкции, он инициирует производство по делу и доказывает в судебном разбирательстве свои требования суду [31. С. 16–17].

Указанный подход прослеживается и в современных работах, хотя авторы не применяют термин «преследование» прокурором виновного. Как отмечают, правовое принуждение как одно из назначений прокурора, участвующего в гражданском процессе, заключается в деятельности прокурора, направленной на привлечение правонарушителей к гражданско-правовой ответственности [32. С. 12].

Для обеспечения полноты исследования, несомненно, важно определить название преследования.

Нельзя сказать, что преследование в гражданском судопроизводстве имеет «гражданский» характер, так как термин «гражданский» относится к правовым отношениям граждан между собой и их отношениям с государственными органами и организациями [30. С. 143].

Некорректным видится и термин «гражданско-правовое преследование», так как ответственность может быть установлена не только ГК РФ, но и применяться в связи с закреплением в иных нормативных правовых актах, например, в сфере государственной (муниципальной) службы, а также по делам вне сферы противодействия коррупции – в области налоговых, бюджетных, семейных, экологических и иных правоотношений.

В случае применения санкций за совершение коррупционных деяний правоотношения имеют характер

служебных (субъекты правоотношений – служащий и работодатель), гражданских процессуальных (с участием суда, прокурора, работодателя, служащего (и членов его семьи)).

Одним из признаков преследования, осуществляемого прокурором, мы определили процессуальный характер, регулирование деятельности прокурора федеральными нормативными правовыми актами, содержащими процессуальные нормы. Досудебная деятельность прокурора ГПК РФ не регламентирована, думается, что и не должна быть регламентирована, поэтому говорить о досудебной стадии преследования невозможно. Осуществление прокурором преследования применительно к гражданскому процессу начинается с момента вступления его в гражданские процессуальные отношения, в соответствии с гл. 12 ГПК РФ, это момент предъявления иска в суд и принятия его к производству суда.

Учитывая, что в области противодействия коррупции два вида ответственности – дисциплинарная и гражданско-правовая – регламентированы разными отраслями права, закреплены особыми федеральными нормативными правовыми актами, но реализуются в одном виде судопроизводства, следует определить преследование прокурором виновного, по его мнению, лица как осуществляемое в гражданском процессуальном порядке.

Вместе с тем, в соответствии с ч. 1 ст. 45, ст. 121 ГПК РФ, прокурор вправе инициировать вынесение судом судебного приказа по определенным бесспорным требованиям, а на основании положений подраздела IV ГПК РФ вправе подать заявление в суд в порядке особого производства, например, об установлении факта, имеющего юридическое значение, а также в исковом производстве прокурор вправе защищать права и обеспечивать законные интересы иных лиц путем инициирования судопроизводства (например, по делам о признании права и пр.). С одной стороны, рассмотрение судами этих дел инициируется прокурором путем подачи соответствующего заявления (иска), как и в случае преследования, а с другой стороны, прокурор в данных случаях обеспечивает решение задачи защиты прав, свобод и законных интересов иных лиц.

Участие прокурора в рассмотрении дела для дачи заключения на основании ч. 3 ст. 45 ГПК РФ не характеризуется заинтересованностью прокурора в определенном исходе дела, в этом случае он выступает лицом, объективно оценивающим доводы сторон и итоговое судебное постановление с целью соблюдения законности при рассмотрении и разрешении дела. Так, прокурор дает заключение по делам о восстановлении на работе, в том числе по искам бывших государственных (муниципальных) служащих.

Таким образом, имеются теоретические и правовые предпосылки выделения такой деятельности прокурора как осуществление преследования в гражданском процессуальном порядке. Это дополняет понимание роли прокурора, показывает новые направления исследования участия прокурора в рассмотрении дел судами и путей совершенствования законодательства, организа-

ционно-методических основ деятельности прокурора и практики. Выводы направлены на обеспечение единства подходов к определению целей и задач деятельно-

сти прокурора в различных направлениях, что способствует повышению эффективности деятельности прокуратуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Липинский Д.А.* К вопросу о понятии коррупционного правонарушения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3. С. 100–108.
2. *Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации.* Материал «Памятка для служащих “Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе”». URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 29.09.2019).
3. *Апелляционное* определение Камчатского краевого суда по иску прокурора об увольнении С. с должности начальника Управления образования администрации муниципального образования в связи с утратой доверия от 16.11.2017 № 33–2633/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 21.09.2019).
4. *Апелляционное* определение Краснодарского краевого суда от 09.10.2018 по делу № 33–34332/2018 по иску прокурора об оспаривании распоряжения об увольнении директора департамента администрации г. Сочи по собственному желанию и об изменении оснований увольнения в соответствии с законодательством о противодействии коррупции // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 21.09.2019).
5. *Постановление Конституционного Суда РФ* (пункт 5,6) от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам” в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2019).
6. *Туманов Д.А.* О возможности привлечения к юридической ответственности с целью защиты общественных интересов в порядке гражданского и административного судопроизводства России // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н.Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / редкол.: О.Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2018. С. 565–567.
7. *Липинский Д.А.* Понятие и структура института юридической ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 3. С. 21–28.
8. *Горлова Е.Н.* Сущность, цели и функции юридической ответственности за нарушение финансового законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8 (81). С. 43–51.
9. *Щеглов В.Н.* Иск о судебной защите гражданского права. Лекции для студентов / ред. Г.Л. Осокина. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1987. 168 с.
10. *Меркин Н.Г.* Вопросы реализации прокурором права на иск в порядке гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 23 с.
11. *Апелляционным* определением Липецкого областного суда от 08.08.2018 по делу № 33–2697/2018 решение об удовлетворении иска прокурора к собственнику нежилого помещения и арендатору о запрете деятельности детской игровой зоны в торговом центре оставлено без изменения. В ходе прокурорской проверки было установлено, что детский городок в нарушение требований законодательства размещен на третьем этаже и более чем в 20 м от ближайшего эвакуационного выхода, имеется опасность причинения вреда в будущем деятельностью ответчика // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 29.09.2019).
12. *Решение суда первой инстанции* об удовлетворении иска прокурора в интересах муниципального образования к Н. о взыскании с должностного лица ущерба, причиненного его незаконными решениями, которые повлекли за собой неисполнение контракта и нанесение ущерба бюджету муниципального образования, оставлено без изменения. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 07.09.2017 по делу № 33–26986/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 29.09.2019).
13. *Решение суда первой инстанции* по иску прокурора о взыскании задолженности по заработной плате и неустойки оставлено без изменения. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 01.11.2018 по делу № 33–38758/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 29.09.2019).
14. *Решение Адыг-Хабльского районного суда Карачаево-Черкесской Республики* от 28.11.2018 по делу № 2–781/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 29.09.2019).
15. *Чирков А.П.* Ответственность в системе права : учеб. пособие. Калининград : Калинингр. ун-т, 1996. 77 с.
16. *Конвенция ООН против коррупции.* Принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2019).
17. *Постановление* от 29.11.2016 № 26-П (пункт 4.2) «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам” в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2019).
18. *Постановление Конституционного Суда РФ* от 09.01.2019 № 1-П (пункт 6) «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 16 и части 1 статьи 17 Федерального закона “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам” в связи с жалобой гражданина Г.П. Кристова» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2019).
19. *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2000. 432 с.
20. *Постановление* от 29.11.2016 № 26-П (пункты 5, 5.1) «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам” в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан»; п. 4 постановления Конституционного Суда РФ от 09.01.2019 № 1-П «По делу о проверке конституцион-

- ности части 1 статьи 16 и части 1 статьи 17 Федерального закона “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам” в связи с жалобой гражданина Г.П. Кристова” // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 15.09.2019).
21. Субанова Н.В. Деятельность прокурора по осуществлению уголовного и административного преследования: вопросы процессуальной регламентации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 2 (46). С. 29–35.
 22. Винокуров А.Ю. Административное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: теоретические, правовые и организационные аспекты. М. : Университет прокуратуры Российской Федерации : Проспект, 2019. 552 с.
 23. Винокуров А.Ю. Участие прокурора в административном преследовании должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции // Административное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 30–35.
 24. Винокуров А.Ю., Винокуров Ю.Е. О новом взгляде на полномочия прокурора, связанные с применением Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2012. № 5. С. 34–38.
 25. Субанова Н.В. К вопросу об осуществлении прокуратурой функции административного преследования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 4. С. 67–73.
 26. Гриценко Д.В. Правовой статус прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2014. 227 с.
 27. Разоренов К.И. Функция административного преследования в административно-юрисдикционном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 181 с.
 28. Тюрина А.А. Функция защиты в административно-юрисдикционном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 163 с.
 29. Теоретические основы и прикладные проблемы участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях / [А.Ю. Винокуров и др.] ; рук. авт. кол. А.Ю. Винокуров. М. : Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2017. 340 с.
 30. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006. 944 с.
 31. Осокина Г.Л. Иск в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1980. 19 с.
 32. Корулина Ю.В. Участие прокурора в гражданском процессе: социальное предназначение и полномочия : науч.-метод. пособие. М. : Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2012. 95 с.

The Prosecutor as a Subject of Prosecution in the Civil Procedural Order

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 98–106. DOI: 10.17223/23088451/16/20

Irina I. Golovko, St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru

Keywords: prosecutor, anti-corruption, prosecutor’s participation in civil proceedings, prosecution, civil liability.

Based on the results of the study of federal regulatory legal acts and judicial practice, the author of the article substantiates the conclusion about the advisability of applying the concept “prosecution” to the activities of the prosecutor participating in hearings in civil-law cases. At present, only criminal prosecution by the prosecutor is enshrined in Article 37 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. There are research works that justify administrative prosecution by the prosecutor. With regard to the prosecutor’s participation in the consideration of cases by courts outside of criminal proceedings, the issues of defining the role of the prosecutor as a subject of prosecution have not been raised in research. However, in connection with the enactment of laws on anti-corruption, on the reversion of civil servants’ property to the government, the issues of understanding the role of the prosecutor involved in civil proceedings acquire particular importance. In addition, civil liability has been established for offenses, e.g., in the form of liquidation of a legal entity by a court decision issued at the request of the prosecutor. The prosecutor is empowered to initiate the consideration of a case by the court upon the request to bring the perpetrator to civil liability, and the practice of considering such cases by the courts is being formed. In this regard, it is necessary to investigate the identified problem. The aim of this study was to analyze the approaches in the science of prosecutor’s activities, to form a conception of the prosecution by the prosecutor of persons who, according to the prosecutor, are guilty of committing an offense in the consideration of cases by courts in civil proceedings. As a result of the study, the features of the prosecutor’s participation in anti-corruption cases in civil proceedings that characterize the prosecutor’s activities as the prosecution of persons accused – by the prosecutor – of committing corruption offenses have been established. Attention has been drawn to other categories of civil cases in which the prosecutor also conducts prosecution. It has been emphasized that the prosecution is conducted only if the prosecutor applies to the court with a statement of claim, but not in the case of joining the case to give an opinion. The conclusion is made that there are theoretical and legal preconditions for separating the prosecution by the prosecutor in the civil procedural order. The established patterns and findings are aimed at ensuring the unity of approaches to defining the aims and objectives of the prosecutor’s activities in diverse directions, which contributes to increasing the efficiency of the prosecutor’s activities as a whole.

References

1. Lipinskiy, D.A. (2017) To the question of the concept of corruption offence. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel’naya praktika – Legal Science and Law Enforcement Practice*. 3. pp. 100–108. (In Russian).
2. The General Prosecutor’s Office of the Russian Federation. (n.d.) *Pamyatka dlya sluzhashchikh “Konflikt interesov na gosudarstvennoy i munitsipal’noy sluzhbe”* [Memo for employees: Conflict of interests in state and municipal service]. [Online] Available from: <https://genproc.gov.ru> (Accessed: 29th September 2019).
3. Russian Federation. (2017) *The appeal ruling of the Kamchatka Regional Court on the claim of the prosecutor for the dismissal of S. from the post of the head of the Education Department of the Administration of the municipality due to the loss of confidence of November 16, 2017, No. 33-2633/2017*. [Online] Available from: <http://sudact.ru> (Accessed: 21st September 2019). (In Russian).
4. Russian Federation. (2018) *The appellate ruling of the Krasnodar Regional Court of October 09, 2018, in case No. 33-34332/2018 at the suit of the prosecutor to challenge the order to dismiss the director of the Sochi Administration Department at his own request*

- and to change the grounds for dismissal in accordance with the anti-corruption legislation.* [Online] Available from: <http://sudact.ru> (Accessed: 21st September 2019).
5. Russian Federation. (2011) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation (Clauses 5 and 6) of November 29, 2016, No. 26-P "On verifying the constitutionality of Subclause 8 of Clause 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 17 of the Federal Law "On monitoring the compliance of expenses of persons in public positions, and of other persons to their income" in connection with the request of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan".* [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 15th September 2019). (In Russian).
6. Tumanov, D.A. (2018) [On the possibility of bringing to legal responsibility to protect public interests in the order of civil and administrative proceedings in Russia]. *Teoretiko-prikladnye problemy realizatsii i zashchity sub"ektivnykh prav v kontekste innovatsionnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva* [Theoretical and applied problems of the implementation and protection of subjective rights in the context of innovative socioeconomic development of society]. Abstracts of International Conference. Minsk. 20–21 April 2018. Minsk: Belarusian State University. pp. 565–567. (In Russian).
7. Lipinskiy, D.A. (2016) Concept and structure of the institute of law liability. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 3. pp. 21–28. (In Russian).
8. Gorlova, E.N. (2017) The essence, purposes and functions of legal responsibility for financial law violations. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 8 (81). pp. 43–51. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2017.81.8.043-051
9. Shcheglov, V.N. (1987) *Isk o sudebnoy zashchite grazhdanskogo prava. Lektsii dlya studentov* [A claim for the judicial protection of civil law. Lectures for students]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Merkin, N.G. (1974) *Voprosy realizatsii prokurorom prava na isk v poryadke grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Issues of implementation by the prosecutor of the right to a claim in civil proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Sverdlovsk.
11. Russian Federation. (2018) *By the appeal ruling of the Lipetsk Regional Court of August 08, 2018, in case No. 33-2697/2018, the decision to satisfy the prosecutor's claim against the owner of the non-residential premises and the tenant to ban the activities of the children's play area in the shopping center was left unchanged. The prosecutor's check established that the children's playground, in violation of the requirements of the law, was located on the third floor and more than 20 meters away from the nearest evacuation exit, there is a danger of possible harm by the defendant's activities.* [Online] Available from: <http://sudact.ru> (Accessed: 29th September 2019). (In Russian).
12. Russian Federation. (2017) *The decision of the court of first instance to satisfy the prosecutor's claim in the interests of the municipality against N. on the recovery of the damage caused by official's illegal decisions that entailed non-performance of the contract and damage to the budget of the municipality was left unchanged. Appeal ruling of the Krasnodar Regional Court of September 07, 2017, in case No. 33–26986/2017.* [Online] Available from: <http://sudact.ru> (Accessed: 29th September 2019). (In Russian).
13. Russian Federation. (2018) *The decision of the court of first instance on the prosecutor's claim for the collection of wage arrears and forfeit was left unchanged. Appeal ruling of the Krasnodar Regional Court of November 01, 2018, in case No. 33–38758/2018.* [Online] Available from: <http://sudact.ru> (Accessed: 29.09.2019). (In Russian).
14. Russian Federation. (2018) *The decision of the Adyge-Khabl District Court of the Karachay-Cherkess Republic of November 28, 2018, in case No. 2–781/2018.* [Online] Available from: <http://sudact.ru> (Accessed: 29th September 2019). (In Russian).
15. Chirkov, A.P. (1996) *Otvetstvennost' v sisteme prava: ucheb. posobie* [Responsibility in the system of law: Textbook]. Kaliningrad: Kaliningrad State University.
16. UN. (2003) *United Nations Convention against Corruption.* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/ (Accessed: 15.09.2019). (In Russian).
17. Russian Federation. (2016) *Resolution of November 29, 2016, No. 26-P (Clause 4.2) "On verifying the constitutionality of Subclause 8 of Clause 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 17 of the Federal Law "On monitoring the compliance of expenses of persons in public positions, and of other persons to their income" in connection with the request of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan".* [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 15th September 2019). (In Russian).
18. Russian Federation. (2019) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 09, 2019, No. 1-P (Clause 6) "On verifying the constitutionality of Part 1 of Article 16 and Part 1 of Article 17 of the Federal Law "On monitoring the compliance of expenses of persons in public positions, and of other persons to their income" in connection with the complaint of citizen G.P. Kristov".* [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 15th September 2019). (In Russian).
19. Cherdantsev, A.F. (2000) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov* [Theory of state and law: Textbook for universities]. Moscow: Yurayt.
20. Russian Federation. (2019) *Resolution of November 29, 2016, No. 26-P (Clauses 5 and 5.1) "On verifying the constitutionality of Subclause 8 of Clause 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 17 of the Federal Law "On monitoring the compliance of expenses of persons in public positions, and of other persons to their income" in connection with the request of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan"; Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 09, 2019, No. 1-P (Clause 4) "On verifying the constitutionality of Part 1 of Article 16 and Part 1 of Article 17 of the Federal Law "On monitoring the compliance of expenses of persons in public positions, and of other persons to their income" in connection with the complaint of citizen G.P. Kristov".* [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 15th September 2019). (In Russian).
21. Subanova, N.V. (2015) Activity of public prosecutor on realization of the criminal and administrative proceeding: Questions of judicial regulation. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 2 (46). pp. 29–35. (In Russian).
22. Vinokurov, A.Yu. (2019) *Administrativnoe presледovanie kak funktsiya prokuratury Rossiyskoy Federatsii: teoreticheskie, pravovye i organizatsionnye aspekty* [Administrative prosecution as a function of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Prospect.
23. Vinokurov, A.Yu. (2013) *Uchastie prokurora v administrativnom presледovanii dolzhnostnykh lits, vpolnyayushchikh opredelennye gosudarstvennye funktsii* [The prosecutor's participation in the administrative prosecution of officials performing certain state functions]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo – Administrative and Municipal Law*. 1. pp. 30–35.
24. Vinokurov, A.Yu. & Vinokurov, Yu.E. (2012) *O novom vzglyade na polnomochiya prokurora, svyazannye s primeneniem Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [On a new look at the powers of the prosecutor related to the appli-

- cation of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo – Administrative and Municipal Law*. 5. pp. 34–38.
25. Subanova, N.V. (2015) K voprosu ob osushchestvlenii prokuraturoy funktsii administrativnogo presledovaniya [On the implementation of the function of administrative prosecution by the prosecutor's office]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 4. pp. 67–73.
 26. Gritsenko, D.V. (2014) *Pravovoy status prokurora v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Legal status of the prosecutor in proceedings on cases of administrative offenses]. Law Cand. Diss. Voronezh.
 27. Razorenov, K.I. (2011) *Funktsiya administrativnogo presledovaniya v administrativno-yurisdiktsionnom protsesse* [Function of administrative prosecution in the administrative jurisdictional procedure]. Law Cand. Diss. Moscow.
 28. Tyurina, A.A. (2007) *Funktsiya zashchity v administrativno-yurisdiktsionnom protsesse* [Function of the defense in administrative jurisdictional procedure]. Law Cand. Diss. Moscow.
 29. Vinokurov, A.Yu. et al. (2017) *Teoreticheskie osnovy i prikladnye problemy uchastiya prokurora v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Theoretical foundations and applied problems of the prosecutor's participation in proceedings on cases of administrative offenses]. Moscow: Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation.
 30. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow: OOO "A TEMP".
 31. Osokina, G.L. (1980) *Isk v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Lawsuit in civil proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
 32. Korulina, Yu.V. (2012) *Uchastie prokurora v grazhdanskom protsesse: sotsial'noe prednaznachenie i polnomochiya* [Participation of the prosecutor in civil proceedings: Social purpose and powers]. Moscow: Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation.

А.Ю. Мариничева

ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ КОНТРАКТОВ

Определение предмета и установление пределов прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов осуществляется в рамках прокурорского надзора за исполнением законов по основным принципам «общего надзора». Дополнительным пределом следует выделить права предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов.

Ключевые слова: *прокуратура, прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей, государственные и муниципальные контракты, предмет прокурорского надзора, пределы прокурорского надзора.*

В науке прокурорского надзора вопрос о содержании таких понятий, как объект, предмет и пределы надзора, является одним из ключевых.

Как правило, под объектом понимают деятельность поднадзорных органов и лиц, законность поднадзорной деятельности, правовое поведение поднадзорных субъектов, сами поднадзорные органы и лица. В свою очередь, предмет отождествляют с объектом, деятельностью поднадзорных органов и лиц, исполнением, соблюдением и соответствием законам или ограничивают содержание этого понятия актами и действиями органов и лиц, входящих в предмет надзора. Наиболее аргументированной представляется позиция об объекте как о деятельности поднадзорных органов и лиц [1. С. 64]. Сам Закон о прокуратуре не использует такие понятия, закрепляя лишь указания на конкретные лица, охватываемые прокурорским надзором в рамках соответствующих направлений. В этой связи спор о том, что входит в объект надзора – деятельность или ее субъекты, носит в большей степени схоластический характер. Поскольку категория «предмет» по сравнению с объектом более конкретна, представляется возможным разделить мнение об ограничении ее содержания актами, действиями и решениями поднадзорных лиц [Там же. С. 65]. Другими словами, предмет по сравнению с объектом – более «осязаемая» категория, включающая в себя материальные, объективные формы проявления юридически значимой деятельности (поведения) поднадзорного лица. Кроме того, поскольку прокуратура осуществляет надзор не только за законностью деятельности, но и за соблюдением прав и свобод человека и гражданина поднадзорными лицами, в литературе обоснованно высказывается мнение о включении в предмет надзора соответствующих прав и свобод человека и гражданина, затрагиваемых в ходе деятельности поднадзорного лица [2. С. 110]. Таким образом, в общем виде содержание предмета прокурорского надзора образуют четыре основных элемента:

- выносимые поднадзорным лицом акты;
- принимаемые им решения;
- совершаемые им действия;
- права и свободы лиц, затрагиваемых в ходе деятельности поднадзорного лица.

Закон о прокуратуре в ст. 1 и 21 закрепляет в общем виде перечень государственных и муниципальных органов, учреждений и должностных лиц, чья деятельность охватывается предметом прокурорского надзора. Также он определяет массив нормативно-правовых актов, за соблюдением требований которых надзирает прокурор в рамках соответствующих направлений своей деятельности. Несмотря на то, что их перечни исчерпывающие, в каждом конкретном случае они определяются с учетом пределов прокурорского надзора.

Под пределами надзора в теории прокурорского надзора понимают «систему запретов и ограничений, призванных не допускать в надзорной деятельности фактов дублирования (подмены) прокурорами деятельности иных прокуроров и других органов публичной власти, а также отграничивать надзор в рамках конкретно взятой отрасли надзора от надзора в другой отрасли» [3. С. 475]. Так, М.С. Шалумов считает, что «пределы надзора ограничивают объект и предметы надзора с точки зрения: а) круга законов, исполнение которых составляет объект прокурорского надзора в целом и каждый его предмет в отдельности; б) круга субъектов, за деятельностью и актами которых постоянно наблюдает прокурор; в) круга обязанностей, возлагаемых вышеуказанными законами на данных субъектов» [4. С. 71]. Иначе говоря, пределами прокурорского надзора служат границы как внутреннего, так и внешнего отграничения прокурорского надзора от иной схожей деятельности.

Пределы – это границы, определенные ограничения, выходить за которые нельзя. В этом смысле понятие пределов прокурорского надзора шире, чем понятие его предмета. То, что не является предметом надзора, всегда выходит за его границы, но и применительно к определенному законодательством предмету надзорные полномочия органов прокуратуры не безграничны.

В теории прокурорского надзора принято выделять общие и специальные пределы [1. С. 65].

Первые закрепляются в ст. 21 Закона о прокуратуре и выражаются в запрете вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных лиц и подменять в ходе осуществления надзора иные государ-

ственные органы и учреждения. В свою очередь, специальные пределы служат для уточнения содержания надзора в рамках отдельных направлений. Вопрос об их содержании и количестве спорный. Некоторые из них устанавливаются в Законе о прокуратуре – пределы надзора по кругу лиц (субъектов) и актов (ст. 21, 26, 29, 32). Другие вытекают из смысла Закона о прокуратуре или являются результатом системного толкования норм действующего законодательства [1. С. 66].

Предел по кругу лиц традиционно является определяющими при решении вопроса о разграничении прокурорского надзора на отдельные направления (отрасли надзора). Он строится на обособлении деятельности отдельных лиц в определенных сферах – государственной, общественной или экономической сфере. Статья 21 Закона о прокуратуре в общем виде определяет эти сферы путем указания на конкретные виды органов, учреждений и лиц, чья деятельность охвачена предметом прокурорского надзора. Так, прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на ее территории:

- федеральными органами исполнительной власти;
- Следственным комитетом Российской Федерации;
- представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации;
- органами местного самоуправления;
- органами военного управления;
- органами контроля, их должностными лицами;
- субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания,
- а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций.

Применительно к конкретным направлениям прокурорского надзора предмет по кругу лиц будет уточняться с учетом требований законодательства, регулирующего деятельность указанных органов в соответствующих сферах. Так, применительно к надзору за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов предмет надзора охватит деятельность государственных и муниципальных органов, учреждений и должностных лиц, осуществляющих регулирование публичной контрактной деятельности, а также охрану и защиту прав предпринимателей в рассматриваемой сфере с учетом положений ст. 21 Закона о прокуратуре.

В этой связи предмет прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов по кругу субъектов включает в себя:

- Федеральные органы государственной власти:
 - Министерство финансов РФ.
 - Федеральную антимонопольную службу РФ.
 - Федеральное казначейство.
 - Государственную корпорацию по атомной энергии «Росатом».
 - Государственную корпорацию по космической деятельности «Роскосмос».

– Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ.

– Исполнительные органы государственной власти субъектов РФ.

– Финансовые органы субъектов Российской Федерации, органы управления государственными внебюджетными фондами.

– Органы внутреннего государственного финансового контроля.

Применительно к Томской области в предмет прокурорского надзора по кругу субъектов входят такие органы и должностные лица:

- Законодательная Дума Томской области.
- Администрация Томской области.
- Губернатор Томской области.
- Контрольно-ревизионное управление Администрации Томской области.
- Комитет государственного финансового контроля Томской области.

– Департамент по профилактике коррупционных и иных правонарушений Администрации Томской области.

– Департамент государственного заказа Томской области.

Органы местного самоуправления:

– Представительные органы местного самоуправления.

– Исполнительные органы местного самоуправления и их подразделения (например, администрация г. Томска, Администрация г. Новосибирска).

– Финансовые органы местного самоуправления (например, департамент финансов администрации г. Томска).

– Контрольно-ревизионные органы местного самоуправления (например, Контрольное управление администрации г. Кемерово, Управление по контролю в сфере закупок мэрии г. Новосибирска).

Предел по кругу актов определяется указанием в Законе о прокуратуре на конкретные виды нормативно-правовых актов, за требованиями которых надзирает прокурор. По мнению одних ученых, он исчерпывается исключительно законами [5. С. 38; 6. С. 74; 7. С. 177], другие полагают, что он включает в себя наряду с законами также подзаконные нормативно-правовые акты [8. С. 104]. Первые исходят из буквального толкования Закона о прокуратуре, устанавливающего, что прокуратура осуществляет надзор за «соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на ее территории». Вторые опираются на сложившуюся практику регулирования прокурорской деятельности, когда наиболее важные вопросы регулируются не только законами, но и иными актами, обладающими не меньшей юридической силой [1. С. 68].

Пределы по актам определяются применительно к каждому направлению прокурорского надзора отдельно. За основу берутся прямые предписания Закона о прокуратуре и сложившаяся практика регулирования деятельности поднадзорных лиц. Применительно к надзору за исполнением законов и законностью правовых актов в качестве пределов выступают акты высшей юридической силы – Конституция РФ, законы, дей-

ствующие на территории России, а также иные нормативно-правовые акты, когда это допускает сложившаяся надзорная практика: акт должен носить нормативный характер; исходить от высшего должностного лица или государственного органа (Президента РФ или Правительства РФ); быть принятым по специальному полномочию, предусмотренному в законе; содержать механизм реализации положений, закрепленных в законе [9. С. 119–120].

С учетом изложенного предел прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов по кругу актов включает в себя:

- Конституцию РФ;
- Гражданский кодекс РФ (ст. 525–534);
- Бюджетный кодекс РФ (ст. 72–74.1);
- Уголовный кодекс РФ (ст. 200.4–200.6);
- Кодекс об административных правонарушениях РФ (ст. 7.29–7.32, 15.15.10);
- Федеральный закон РФ от 26.12.2008 № 294 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»;
- Федеральный закон РФ от 05.04.2013 № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;
- Федеральный закон РФ от 18.07.2011 № 223 «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»;
- Федеральный закон РФ от 24.07.2007 № 209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»;
- Федеральный закон РФ от 25.12.2008 № 273 «О противодействии коррупции»;
- Федеральный закон РФ от 27.06.2006 № 135 «О защите конкуренции»;
- Федеральный закон РФ от 06.04.2011 № 63 «Об электронной подписи»;
- Федеральный закон РФ от 12.01.1996 № 7 «О некоммерческих организациях»;
- Федеральный закон РФ от 30.12.2008 № 307 «Об аудиторской деятельности»;
- Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»;
- Постановление Правительства РФ от 06.09.2016 № 887 «Об общих требованиях к нормативным правовым актам, муниципальным правовым актам, регулирующим предоставление субсидий юридическим лицам (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям), индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг»;
- Постановление Правительства РФ от 11.12.2014 № 1352 «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»;
- Постановление Правительства РФ от 08.06.2018 № 657 «Об утверждении дополнительных требований к

функционированию электронной площадки для целей осуществления конкурентной закупки с участием субъектов малого и среднего предпринимательства»;

– Постановление Правительства России от 26.04.2019 г. № 518 «Об определении федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на обеспечение эксплуатации и развития государственной информационной системы, указанной в ч. 13 ст. 4 Федерального закона “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”, а также на предоставление информации, содержащейся в ней»;

– Постановление Правительства РФ от 08.11.2013 № 1005 «О банковских гарантиях, используемых для целей Федерального закона “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”»;

– Постановление Правительства РФ от 12.12.2015 № 1367 «О порядке осуществления контроля, предусмотренного ч. 5 ст. 99 Федерального закона “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”»;

– Постановление Правительства РФ от 04.02.2015 № 99 «Об установлении дополнительных требований к участникам закупки»;

– Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2020 № 961 «Об установлении предельного размера (предельных размеров) начальной (максимальной) цены контракта»;

– Постановление Правительства РФ от 08.02.2017 № 145 «Об утверждении Правил формирования и ведения в единой информационной системе в сфере закупок каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и Правил использования каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;

– Постановление Правительства РФ от 25.11.2013 № 1062 «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)»;

– Постановление Правительства РФ от 17.03.2015 № 238 «О порядке подготовки отчета об объеме закупок у СМП и СОНО»;

– Постановление Правительства РФ от 05.11.2019 № 1401 «О типовых формах заявок на участие в электронных процедурах»;

– Постановление Правительства РФ от 28.11.2013 № 1087 «О контрактах жизненного цикла»;

– Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 443 «Об особенностях осуществления закупки в период принятия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции»;

– Постановление Правительства РФ от 08.05.2020 № 647 «Об установлении случаев осуществления закупок у единственного поставщика, а также об изменениях в Постановлении Правительства РФ № 643 об особенностях осуществления закупок в период принятия мер для нераспространения COVID-19»;

– Постановление Правительства РФ от 30.12.2018 № 1752 «О порядке регистрации участников закупок в ЕИС»;

– Постановление Правительства РФ от 11.12.2019 № 1635 «Об утверждении Правил проведения обязательного общественного обсуждения закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;

– Постановление Правительства РФ от 28.11.2013 № 1085 «Об утверждении Правил оценки заявок, окончательных предложений участников закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;

– Постановление Правительства РФ от 10.02.2014 № 89 «Об утверждении Правил осуществления ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд».

Законы субъектов РФ:

К примеру, в Томской области:

– Закон Томской области от 5 декабря 2008 г. № 249-ОЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства»;

– Закон Томской области от 18.03.2003 № 29-ОЗ «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Томской области».

Пределы по кругу поднадзорных лиц и актов являются основными, они четко прописаны в Законе о прокуратуре и признаются практически всеми учеными. Что же касается иных пределов, то в литературе на этот счет нет единства мнений: некоторые предлагают в качестве дополнительных пределов использовать характер прокурорского надзора [10. С. 128; 11. С. 171], другие – полномочия прокурора [12. С. 186], третьи – правовые средства прокурорского надзора. То, что двух пределов недостаточно, не вызывает сомнений, однако, на наш взгляд, в качестве дополнительного предела необходимо использовать предел по виду поднадзорной деятельности: т.е. нормативное ограничение вида деятельности поднадзорного лица, который может быть охвачен предметом прокурорского надзора в рамках соответствующего направления. Практически он устанавливается либо путем прямого указания закона, либо с помощью системного толкования норм действующего законодательства, регулирующего осуществление прокурорского надзора в рамках конкретного направления.

Определяя предел по видам деятельности, необходимо учитывать, что в этом случае от поднадзорного лица в административной или иной зависимости должен находиться неопределенный круг субъектов, чье правовое положение обеспечивается прокуратурой. В литературе называются следующие условия действия этого критерия:

– один из участников деятельности находится в зависимом или неравном по отношению к поднадзорному лицу положении;

– поднадзорные лица обладают возможностями по существенному ограничению правового положения иных участников;

– эти возможности могут быть реализованы в распорядительном порядке;

– применительно к этим видам деятельности не устанавливается судебный или иной исключительный порядок охраны и защиты [1. С. 72].

Признание содержанием законности обеспечения правового положения личности актуализирует прокурорский надзор в тех сферах общественной и государственной жизни, где существует потенциальная опасность умаления прав и свобод человека. К их числу относится публичная деятельность, предполагающая любые виды ограничений правового положения личности, а также случаи, когда реализация конкретных правовых возможностей человека и гражданина зависит от усмотрения должного лица или же это лицо обязано совершить определенные действия для предоставления или реализации гражданином конкретной правовой возможности в обычном порядке в ходе осуществления своих обязанностей [1. С. 73]. В свою очередь, к такому виду деятельности может быть отнесена предпринимательская деятельность в сфере государственных и муниципальных контрактов. Предоставление услуг и товаров в данной сфере сопряжено с весьма существенным усмотрением органов и должностных лиц, проводящих и контролирующих закупки для государственных и муниципальных нужд. В этой связи эта деятельность, безусловно, должна быть охвачена прокурорским надзором. По своему содержанию она различна и разбита на несколько этапов. В предмет прокурорского надзора в рамках соблюдения прав предпринимателей в сфере государственных и муниципальных закупок должны быть включены основные стадии публичного контрактного процесса, а именно:

- планирование закупок;
- организация и проведение закупок;
- разрешение обращений участников в связи с участием в закупках.

При этом на этапе планирования закупок особое внимание должно быть уделено содержанию и порядку составления (изменения) плана-графика закупок. В рамках проверки законности составления и содержания планов-графиков закупок для государственных и муниципальных нужд предметом прокурорского надзора должны быть охвачены:

- идентификационные коды закупок, определенные в соответствии со ст. 23 Закона о контрактной системе;
- наименование объекта и (или) наименования объектов закупок;
- объем финансового обеспечения для осуществления закупок;
- сроки (периодичность) осуществления планируемых закупок;
- информация об обязательном общественном обсуждении закупок товара, работы или услуги в соответствии со ст. 20 Закона о контрактной системе;
- иная информация, определяемая Правительством РФ, т.е.:

- требования к форме планов-графиков;
- порядок формирования, утверждения планов-графиков, внесения изменений в такие планы-графики;
- порядок размещения планов-графиков в единой информационной системе [13].

До 1 января 2020 г. с точки зрения защиты прав предпринимателей при реализации государственных и муниципальных контрактов план-график закупок как предмет прокурорского надзора представлял особую важность тем, что именно в нем фиксировался годовой объем закупок, которые планируется осуществить по результатам закупки, участниками которой являются только субъекты малого предпринимательства. До указанной даты требования к форме планов-графиков закупок (для федеральных нужд) определялись Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2015 г. № 553 [14]. В утвержденной данным постановлением форме существовала отдельная графа, указывающая на осуществление закупки у субъектов малого предпринимательства применительно к каждому объекту закупки. Благодаря этому предприниматели имели возможность заранее ознакомиться с закупками, осуществляемыми с предоставлением преимуществ данной категории субъектов, что, безусловно, являлось дополнительной гарантией их прав. Однако названное постановление утратило силу с 1 января 2020 г. в связи с изданием и вступлением в силу Постановления Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2019 г. № 1279 «Об установлении порядка формирования, утверждения планов-графиков закупок, внесения изменений в такие планы-графики, размещения планов-графиков закупок в единой информационной системе в сфере закупок, особенностей включения информации в такие планы-графики и требований к форме планов-графиков закупок и о признании утратившими силу отдельных решений Правительства Российской Федерации». Новая форма плана-графика закупок утверждена в крайне урезанном, сокращенном (по сравнению с прежней) варианте и не содержит сведений о закупках у субъектов малого предпринимательства. Это представляет заказчику большую оперативную свободу при осуществлении закупок, но существенно снижает уровень защищенности прав предпринимателей при реализации государственных и муниципальных контрактов, в связи с чем данную новеллу едва ли следует признать удачной.

Помимо этого, в предмет прокурорского надзора в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд на различных стадиях публичного контрактного процесса следует относить оценку законности конкурсной документации, протоколов определения поставщиков, документов об обосновании начальной (максимальной) цены контракта, предъявляемых к заказчикам требований по товарам, работам и услугам, условия публичного контракта.

Как отмечалось выше, соблюдение прав и свобод человека и гражданина в рамках отдельных направлений прокурорской деятельности представляет собой один из уровней (пределов) прокурорского надзора [2. С. 110].

Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина образует самостоятельную отрасль и отдельные виды деятельности, связанные с обеспечением правового положения личности в рамках прочих направлений прокурорского надзора.

Традиционно обеспечение правового положения личности состоит из охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина. В общем виде охрана заключается в поддержании состояния беспрепятственного осуществления прав и свобод, в создании условий для их реализации. Защита, в свою очередь, представляет собой деятельность, возникающую при посягательстве на правовое положение личности и заключающуюся в восстановлении прежнего правомерного состояния.

Применительно к прокурорскому надзору за соблюдением прав предпринимателей в сфере государственных и муниципальных контрактов охрана выражается в предупреждении возможного нарушения правового положения предпринимателей, наблюдении за соблюдением их прав, а также готовности реагировать на возможные нарушения. В свою очередь, защита нарушенных прав предпринимателя, осуществляемая различными средствами прокурорского реагирования, составляет правозащитное направление прокурорской деятельности. Она осуществляется как путем применения прокурорско-надзорных средств, так и с помощью реализации иных восстановительных возможностей.

Пределы прокурорского надзора в этом случае будут определяться правами предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов, включающими в себя:

- единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности (ст. 8 Конституции РФ);
- присутствие при проведении проверки, дачу объяснений по вопросам, относящимся к предмету проверки (ст. 21 ФЗ-294);
- получение любой информации, относящейся к предмету проверки (ст. 21 ФЗ-294);
- представление документов и (или) информации, запрашиваемых в рамках межведомственного информационного взаимодействия, в орган государственного контроля (надзора), орган муниципального контроля по собственной инициативе (ст. 21 ФЗ-294);
- ознакомление с результатами проверки (ст. 21 ФЗ-294);
- привлечение Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей либо Уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации к участию в проверке (ст. 21 ФЗ-294);
- участие в закупке (ст. 24.1 Закона о контрактной системе);
- получение от оператора закупки исчерпывающей информации по условиям и порядку проведения закупки (ст. 24.1 Закона о контрактной системе);
- участие во всех электронных процедурах (ст. 24.2 Закона о контрактной системе);
- обжалование действий (бездействия) заказчика, уполномоченного органа, уполномоченного учреждения, специализированной организации, комиссии по осуществлению закупок, ее членов, должностных лиц контрактной службы, контрактного управляющего, оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки (ст. 105 Закона о контрактной системе);

– своевременную оплату по государственному (муниципальному) контракту (ст. 34 Закона о контрактной системе).

Так, в 2019 г. в связи с нарушением прав предпринимателей, в том числе при реализации принципа открытости и прозрачности путем размещения сведений и документов в ЕИС, потребовалось вмешательство прокурора Кривошеинского района Томской области к администрации района, которой вопреки требованиям ст. 15, 16 ФЗ РФ «О защите конкуренции» и ч. 1 ст. 95 Закона о контрактной системе при заключении дополнительного соглашения к муниципальному контракту на выполнение работ по капитальному ремонту стадиона в с. Кривошеино был изменен срок завершения работ.

Прокурором Октябрьского района г. Томска в деятельности ОГБПОУ «Ф» установлены нарушения требований ст. 30 Закона о контрактной системе в части совокупного годового объема закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых у СМП и социально ориентированных некоммерческих организаций, где доля таких закупок в 2018 г. составила 4,45%, в 2017 г. закупки у названных субъектов учреждением не производились.

Кроме того, органами прокуратуры неоднократно в 2019 г. выявлялись нарушения прав предпринимателей

в части своевременности оплаты по государственным (муниципальным) контрактам.

К примеру, прокуратурой Советского района г. Новосибирска установлено, что директорами образовательных учреждений допущено нарушение сроков оплаты по муниципальным контрактам перед поставщиками продуктов питания [15].

Помимо этого, в 2019 г. в одном из государственных учреждений Томской области заказчиком допускались случаи заключения с одним и тем же юридическим лицом нескольких контрактов на основании п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, общая цена которых превышает 100 тыс. руб., минуя конкурентные процедуры.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Определение предмета и установление пределов прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов осуществляется в рамках прокурорского надзора за исполнением законов по основным принципам «общего надзора».

2. Дополнительным пределом служат права предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин О.В. Теоретические основы современной прокурорской деятельности. Томск : Изд-во НТЛ, 2013. 164 с.
2. Крюков В.Ф. Курс лекций по прокурорскому надзору в Российской Федерации. Курск : ГУ ИПП, 2000. 464 с.
3. Юридическая энциклопедия JUS EST / под общ. ред. О.С. Капинус. М. : Академия Генпрокуратуры РФ, 2017. Т. 3. 798 с.
4. Шалумов М.С. Прокуратура в современном Российском государстве. Кострома, 2001. 132 с.
5. Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор. М. : ТК Велби, Проспект, 2006. 536 с.
6. Ястребов В.В. Прокурорский надзор за законностью привлечения к административной ответственности за совершение налоговых правонарушений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 235 с.
7. Прокурорский надзор / под ред. А.Я. Сухарева. М. : Инфра-М, 2009. 480 с.
8. Соколова И.А. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о государственной и муниципальной собственности в условиях приватизации государственного и муниципального имущества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 233 с.
9. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебник / под ред. А.А. Чувилева. М. : Юристъ, 2000. 398 с.
10. Мелкумов В.Г. Советская прокуратура и проблемы общего надзора. Душанбе : Ирфон, 1970. 244 с.
11. Ястребов В.Б. Прокурорский надзор. М. : Городец, 2001. 400 с.
12. Спиридонов Б.М. Понятие отрасли прокурорского надзора // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. М. : МГУ, 1973. 204 с.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2019 года № 1279 «Об установлении порядка формирования, утверждения планов-графиков закупок, внесения изменений в такие планы-графики, размещения планов-графиков закупок в единой информационной системе в сфере закупок, особенностей включения информации в такие планы-графики и требований к форме планов-графиков закупок и о признании утратившими силу отдельных решений Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.08.2020).
14. Постановление Правительства РФ от 5 июня 2015 года № 553 «Об утверждении Правил формирования, утверждения и ведения плана-графика закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд, а также требований к форме плана-графика закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.06.2015. № 24. Ст. 3474.
15. Официальный сайт Прокуратуры Новосибирской области. URL: http://prokuratura-nso.ru/news/supervision/supervision_10079.html (дата обращения: 10.10.2019).

The Subject and Limits of Prosecutor's Supervision Over the Observance of the Rights of Entrepreneurs in the Implementation of State and Municipal Contracts

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 107–113. DOI: 10.17223/23088451/16/21

Anna Yu. Marinicheva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision over observance of rights of entrepreneurs, state and municipal contracts, subject of prosecutor's supervision, limits of prosecutor's supervision.

The definition of the subject and the establishment of the limits of the prosecutor's supervision over the observance of the rights of entrepreneurs in the implementation of state and municipal contracts are carried out within the framework of the prosecutor's supervision over the execution of laws according to the basic principles of "general supervision". In the author's opinion, an additional limit for the observance of the rights of entrepreneurs in the contractual sphere to be used is the limit according to the type of supervised activity, that is, the supervised person's type of activity can be limited, and this limit may be the object of prosecutor's supervision within the relevant field. In practice, the limit is established either by direct indication of the law, or by means of a systemic interpretation of the norms of the current legislation governing prosecutor's supervision within a specific field.

References

1. Voronin, O.V. (2013) *Teoreticheskie osnovy sovremennoy prokurorskoj deyatel'nosti* [Theoretical foundations of modern prosecutor's activities]. Tomsk: Izd-vo NTL.
2. Kryukov, V.F. (2000) *Kurs lektsiy po prokurorskemu nadzoru v Rossiyskoy Federatsii* [A course of lectures on prosecutor's supervision in the Russian Federation]. Kursk: GU IPP.
3. Kapinus, O.S. (ed.) (2017) *Yuridicheskaya entsiklopediya JUS EST* [JUS EST Legal Encyclopedia]. Vol. 3. Moscow: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.
4. Shalumov, M.S. (2001) *Prokuratura v sovremennoy Rossiyskoy gosudarstvennoy* [The prosecutor's office in the modern Russian state]. Kostroma: Kostroma State University.
5. Bessarabov, V.G. (2006) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's supervision]. Moscow: TK Velbi, Izd-vo Prospekt.
6. Yastrebov, V.V. (2004) *Prokurorskiy nadzor za zakonnost'yu privlecheniya k administrativnoy otvetstvennosti za sovershenie nalogovykh pravonarusheniy* [Prosecutor's supervision over the legality of bringing to administrative responsibility for committing tax offenses]. Law Cand. Diss. Moscow.
7. Sukharev, A.Ya. (ed.) (2009) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's supervision]. Moscow: Infra-M.
8. Sokolova, I.A. (2000) *Problemy prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva o gosudarstvennoy i munitsipal'noy sobstvennosti v usloviyakh privatizatsii gosudarstvennogo i munitsipal'nogo imushchestva* [Problems of prosecutor's supervision over the implementation of legislation on state and municipal property in the context of privatization of state and municipal property]. Law Cand. Diss. Moscow.
9. Chuvilev, A.A. (ed.) (2000) *Prokurorskiy nadzor v Rossiyskoy Federatsii: Uchebnik* [Prosecutor's supervision in the Russian Federation: Textbook]. Moscow: Yurist.
10. Melkumov, V.G. (1970) *Sovetskaya prokuratura i problemy obshchego nadzora* [Soviet prosecutor's office and problems of general supervision]. Dushanbe: Irfon.
11. Yastrebov, V.B. (2001) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's supervision]. Moscow: Gorodets.
12. Spiridonov, B.M. (1973) *Ponyatie otrasli prokurorskogo nadzora* [The concept of the branch of prosecutor's supervision]. In: *Sovershenstvovanie prokurorskogo nadzora v SSSR* [Improvement of prosecutor's supervision in the USSR]. Moscow: Moscow State University.
13. Russian Federation. (2019) *Decree of the Government of the Russian Federation of September 30, 2019, No. 1279 "On establishing the procedure for the formation and approval of procurement schedules, amendments to such schedules, upload of procurement schedules in a unified information system in the field of procurement, specifics of including information in such schedules and requirements for the form of procurement schedules, and the recognition as invalid of certain decisions of the Government of the Russian Federation"*. [Online]. Available from: SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 05th August 2020). (In Russian).
14. Russian Federation. (2015) *Decree of the Government of the Russian Federation of June 5, 2015, No. 553 "On approval of the rules for the formation, approval and maintenance of a schedule for the procurement of goods, works, services to meet federal needs, as well as requirements for the form of a schedule for the procurement of goods, works and services for ensuring federal needs"*. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 15 June 2015. 24. Art. 3474. (In Russian).
15. Novosibirsk Oblast Prosecutor's Office. Official Website. [Online] Available from: http://prokuratura-nso.ru/news/supervision/supervision_10079.html (Accessed: 10th October 2019).

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.91

DOI: 10.17223/23088451/16/22

А.С. Князьков

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ
МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ

Исследуются научные подходы к определению факторов молодежного экстремизма в России. Дается соотношение понятий национализма и экстремизма. Рассматриваются вопросы зарубежного опыта профилактики экстремизма, принципиальные возможности его использования в российской практике. Обосновывается необходимость разработки методологических основ оценки современного состояния молодежного экстремизма в России.

Ключевые слова: факторы экстремизма, молодежный экстремизм, объекты насильственного экстремизма, профилактика молодежного экстремизма, методология исследования.

Одной из форм деструктивного развития человечества в XXI в. является экстремизм. Всеохватность данного явления, его различные проявления и как следствие сращивание с терроризмом предопределили необходимость постоянного обращения к проблемам его профилактики, в том числе уголовно-правовыми и криминологическими средствами.

Говоря об онтологии современного экстремизма, одним из видов которого выступает молодежный экстремизм, необходимо исходить из того, что в проблематике борьбы с экстремизмом, в том числе уголовно-правовыми средствами, пересекаются во многом пока еще до конца не познанные, детерминирующие социальные конфликты в форме экстремизма экономические, социальные, правовые, идеологические и иные причины. Соответственно, принятие надлежащих мер профилактики молодежного экстремизма как одного из наиболее опасных в плане будущего развития российского общества и государства предполагает исследование понятия, сущности и природы названного явления.

Нельзя не видеть, что современное состояние борьбы с экстремизмом является средоточием проблем общества и государства; соответственно, это требует поиска методологических основ профилактики экстремистских проявлений. Более или менее длительная история разработки вопросов противодействия молодежному экстремизму в современной России позволяет взглянуть на содержание отдельных научных публикаций, особенно публикаций молодых авторов, с позиции наличия в них методологических положений теории и практики.

Прежде всего необходимо отметить очевидную спорность тезиса о том, что экстремизм как явление присущ именно российскому обществу. В частности, указывается, что «практически с молоком матери наши дети впитывают нетерпимость ко всему иному, не совпадающему с их точкой зрения, взглядами, интересами» [1. С. 175]. Данного рода суждения, во-первых, указывают на такие истоки формирования экстремистский взглядов, как семья, во-вторых, подчеркивают исключительность данного обстоятельства для россий-

ского общества. Как представляется, такой взгляд требует развернутого доказывания, поскольку в специальных работах это обстоятельство в качестве фактора экстремизма не называется: отмечается лишь, что к молодежному экстремизму иногда причастны взрослые лица [2. С. 337].

Называя различные направления экстремизма, такие как праворадикальный, леворадикальный и религиозный, отдельные авторы подчеркивают особую привлекательность последнего для молодежи [3. С. 52]. На наш взгляд, такое положение дел объясняется тем, что религиозные свойства личности тесно связаны с национальными признаками. В этом случае объект мнимой угрозы для молодежи представлен непосредственно в виде лиц иной национальности, иной религиозной принадлежности.

Вряд ли правильным будет связывать упущения в профилактике экстремизма, в том числе молодежного, с длительным отсутствием в российском законодательстве дефиниции «экстремизм». Данное, по мнению отдельных авторов, серьезное методологическое упущение было устранено Конвенцией Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму [4], указывающей, что экстремизм – идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий [Там же. С. 53]. Соответственно, критика содержащегося в федеральном законе № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» понятия «экстремистская деятельность» строится на том, что это определение является «лишь перечислением состава преступлений, поэтому складывается впечатление, что это просто “идеологический” закон» [Там же. С. 54]. Оценивая данное суждение, следует сказать, что, напротив, законодатель строго следует принципу, согласно которому сами по себе взгляды (мысли) того или иного лица не оцениваются как противоправные: конституционно-правовая, уголовная и административная виды ответственности наступают лишь в случае объективирования этих мыслей в деяния и лишь при условии, что в законе названы признаки таких деяний.

При решении вопроса о профилактике экстремизма в молодежной среде необходимо учитывать результаты инициирования такого рода программным документом специфической по своему характеру деятельности правоохранительных органов. Так, на примере реализации приоритетной задачи защиты прав ребенка уголовно-правовыми средствами отмечается, что принятые Федеральным законом от 29.02.12 г. № 14-ФЗ поправки «...создают видимость активного участия государства в удовлетворении основных потребностей социума, в частности, защиту детей. При этом направлены они на достижение декларируемого результата “любой ценой”, без учета фактических обстоятельств и без проведения реального анализа воздействия такого наказания на преступников, совершивших данные преступления» [5. С. 63].

Нельзя не видеть кардинально иное понимание направленности усилий государства на противодействие экстремизму: вместо тезиса о всеохватности борьбы с экстремизмом, подкрепляемой огромными финансовыми затратами, звучит мысль о том, что российская практика предупреждения экстремизма целиком строится на воздействии на тот фактор, который требует минимальных организационных и материальных затрат. Данное предположение в определенной мере строится на правовой реальности, состоящей в том, что «...государственная власть нередко возлагает большие надежды на правовое урегулирование возникающих национальных конфликтов с основным прицелом на уголовно-правовой ресурс» [6. С. 436]. Гиперболизация такой практики, с учетом тесной связи экстремизма и терроризма, проявляет себя в назывании в числе функций российского государства его антитеррористической функции [7], что, разумеется, неправильно.

Не способствует в полной мере формированию модели противодействия молодежному экстремизму простое перечисление причин данного явления в нашей стране [2. С. 336] без постановки вопроса о том, равнозначны ли эти причины, а если нет, то какие из них детерминируют возникновение причин второго порядка.

Устоявшимся является подразделение мер профилактики экстремизма, в том числе его молодежного проявления, на общие и специальные меры предупреждения [8. С. 128]. Вместе с тем в большей мере к пониманию проблем молодежного экстремизма в нашей стране приближает научный подход, состоящий в группировании мер профилактики в соответствии с делением детерминант преступности на общесоциальные, социально-психологические и личностные [9. С. 59].

Очевидно, что само по себе перечисление причин экстремизма в нашей стране, без вычленения из их числа определяющих, системообразующих факторов, дает лишь более или менее полное представление об объеме, но не системности факторов. В качестве примера приведу такой опубликованный перечень: «неоднородность населения, когда в стране проживают представители 193 наций и народностей со своими уникальными традициями, носители 255 языков; утрата многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров; обостренное чувство социальной не-

устроенности, незащищенности у значительных контингентов граждан; настроения отчаяния и рост социальной агрессивности, общественная фрустрация, снижение авторитета власти и закона, веры в способность и возможность позитивных изменений; недостаточная работа правоохранительных и социальных государственных и общественных органов по защите прав граждан; низкий уровень образования и культуры в обществе; широкая пропаганда (кино, телевидение, пресса, литература) культа жестокости и агрессии; наличие в стране крупных нелегальных “рынков” оружия, запрещенной литературы и иных материалов; относительная легкость их приобретения; проблемы в формировании молодежной политики; наличие значительного контингента лиц, прошедших школу войн в Афганистане, Приднестровье, Сербии, Таджикистане и других “горячих точках”, и их недостаточная социальная адаптированность в обществе переходного периода; проблемы в реализации правоохранительной и иной государственной деятельности в сфере противодействия экстремизму; функционирование на территории страны экстремистских и террористических организаций и сообществ, незаконных вооруженных формирований» [10. С. 15].

Представляется правильным рассматривать системообразующие причины, а также причины производного от них характера, что не всегда присутствует в рассуждениях о проблеме молодежного экстремизма. Так, например, некоторые авторы рассматривают в качестве одной из причин указанного явления низкий уровень правовой социализации данной группы населения [11], не акцентируя внимание на «причину данной причины», словно бы неудовлетворительный уровень указанной социализации существует априори у молодых лиц и якобы детерминирован самим фактом возраста. В этой связи заметим, что о причинах молодежного экстремизма во многом можно судить из работ, в которых акцентируется внимание на те обстоятельства, которые используют экстремистские, прежде всего международные, группы для вовлечения молодых людей в свои преступные сообщества: одно из таких обстоятельств представляет собой растущее экономическое неравенство и чувство несправедливости [12. С. 74].

На примере экстремистского движения «А.У.Е.» заметна одна особенность молодежного экстремизма как антисоциального явления: легкость, с которой молодежь вовлекается в экстремизм. Очевидно, что объяснить это повышенной внушаемостью лиц в этом возрасте невозможно. Нельзя исключать, что это есть своего рода реакция молодежи на осознание неустойчивости своего положения, препятствий на пути их социализации (прежде всего, трудоустройства и получения надлежащих средств к существованию).

Попытки увидеть в качестве причины молодежного экстремизма возраст, в котором доминирующим качеством выступает «потребность соответствовать нормам групп и организаций, авторитет руководителей и членов которых они признают» [13. С. 106], также представляются неудачными, поскольку названное обстоятельство не объясняет причину вовлечения соответ-

ствующих лиц, а лишь указывает на присущее членам любых, не только деструктивных, организаций правило уважать её нормы и руководителей.

В некоторых работах проглядывается попытка объяснить молодежный экстремизм неразвитостью психики молодых людей, отсутствием критического осмысления действительности [14. С. 87], без постановки вопроса о том, почему эти же свойства, присущие большинству лиц данного возраста, не препятствуют им выбрать антиэкстремистский вариант поведения. В некоторых работах рассматривается тезис о влиянии фактора интеллекта на вовлеченность молодежи в экстремистские движения. К примеру, отмечается: «Далеко неправильным является взгляд на члена субкультурной группировки как на “трудного” подростка с низким интеллектом и неспособного адаптироваться к быстро изменяющимся условиям современной жизни. Уровень интеллекта влияет лишь на статус конкретного молодого человека в группе» [15. С. 73].

Само по себе здесь произведена классификация трудных подростков на «трудных» с низким интеллектом и, условно, говоря, на «трудных» с достаточно высоким интеллектом». Но дело даже не в этом: главное состоит в поиске ответа на вопрос о том, почему отдельные подростки, независимо от уровня психического развития и интеллекта, активно поддерживают экстремистские взгляды, в том числе объединяясь в соответствующие группировки. Очевидно, что с высоким интеллектом приходят в данное движение не на уровне бессознательного подражания своим сверстникам, а как результат более или менее взвешенной оценки ситуации. Соответственно, ответ на данный вопрос требует ответа на ряд иных вопросов: во-первых, что вовлекается в процесс их осмысления, во-вторых, насколько объективно подана информация о положении дел, требующая реагирования на нее несовершеннолетнего либо подростка как члена общества, в-третьих, кем она подана: самим государством либо его противниками. Исходя из этого, на наш взгляд, продуктивным будет еще один подход к пониманию феномена молодежного экстремизма, состоящий в том, что в новых социально-экономических условиях, в которых находится российское общество, возможность участия несовершеннолетних и молодежи в делах государства и общества значительно снизилась, с точки зрения охвата и организационного оформления подростковых и молодежных движений. Не принижая существующих движений молодежи, нельзя не учитывать, что такие движения организованы по партийным признакам, и при всей схожести позитивных для страны направлений каждого из молодежных движений, феномен «свой-чужой» получает объективное воспроизводство.

При разработке мер по противодействию молодежному экстремизму, в том числе при оценке экстремистских действий должностными лицами правоохранительных органов и судьями, следует учитывать неоднородность явления экстремальности как природного человеческого фактора, проявляющего себя «...в конструктивном смысле в виде реализации подлинного бытия и свободы человека в его творчестве, а в де-

структивном – в укоренении человека в неподлинном бытии, обретении им лишь мнимой свободы или бегство от нее» [16. С. 7]. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что отдельные проявления национализма являются, как указывают отдельные авторы, естественным проявлением национализма, и «попытки уголовно-правового подавления национализма... в определенной степени являются подавлением и национального самосознания, ликвидацией его естественных защитных механизмов, отсутствие которых в итоге приведет к гибели русской национальной культуры» [6. С. 438]. Представляется, что проявление национализма присуще любой исторической общности людей, независимо от степени решения социально-экономических вопросов. В некоторых работах можно увидеть объяснение факта отсутствия проявлений экстремизма в отдельных странах, например в США, высоким уровнем жизни его граждан. Жители США, пишет Ю.М. Антонян, постоянно взаимодействуют друг с другом, в том числе в сфере бизнеса, им некогда выяснять, чья нация или религия лучше, и по этой причине расовые конфликты там в основном преодолены [17. С. 75]. Сегодняя реальность, как можно видеть, достаточно серьезно опровергает высказанный тезис.

В поисках мер противодействия вовлечению несовершеннолетних и молодежи в экстремистские движения нельзя не видеть расчет преступных элементов на такие особо ценящиеся в юношеском и молодом возрасте качества, как сила, решительность, и предоставление экстремистских «площадок», на которых эти качества демонстрируются и получают «одобрение». В этой связи следует говорить о заметных упущениях в государственной системе массового вовлечения в спортивные движения несовершеннолетних и молодежи.

Четко выстроенная и финансируемая надлежащим образом государственная политика массового вовлечения подростков и молодых людей в спортивное движение, неразрывно связанное с такими принципами спорта, как честность уважение к сопернику, способно в определенной мере нивелировать экстремистскую направленность фанатских групп. Существующая перед футбольными матчами, в ходе них и после окончания футбольной встречи возможность выражать свое неудовольствие в отношении «других», делая это в группе единомышленников, чувствуя при этом их моральную, а нередко – и физическую поддержку, формирует predisposedность выражать свое неудовольствие не только в отношении футбольных болельщиков других команд, но и в отношении иных категорий «чужаков». Нельзя не заметить, что действия некоторых муниципальных властей провоцируют футбольных фанатов на экстремистские действия: в футбольных публикациях нередко примеры, когда местные власти делают все для того, чтобы необоснованно длинными маршрутами доставлять футбольную команду, гостей и / или её болельщиков к стадиону непосредственно перед матчем, создавая таким образом трудности для футболистов к надлежащей подготовке к матчу, а для болельщиков – трудности в размещении на трибунах.

Представляется возможным для целей дифференциации личностных качеств участников экстремистских сетей учитывать деление их на лиц с устойчивой враждебной направленностью против российского общества и государства, фрустрационно зависимых лиц (как результат их реакции на проблемы в быту и в профессиональной сфере, в том числе временной трудовой занятости), а также лиц, которые при оценке жизненной ситуации видят «легкость» решения проблем объективно иллюзорными способами.

С методологических позиций нужно взглянуть на основные направления государственной политики Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму (п. 27 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.). Нетрудно заметить, что, начиная от обеспечения эффективного применения норм отечественного законодательства и заканчивая заключением с иностранными государствами соглашений, направленных на решение задач в сфере противодействия экстремизму, за рамками повседневно и масштабного противодействия экстремизму остается самый массовый возможный субъект противодействия экстремизму – гражданин, воспроизводящий нормальное общество посредством воспитания подрастающего поколения в семье, в кругу родственников и друзей.

В научной дискуссии о субъектном составе механизма противодействия экстремизму прямо противоположную позицию высказывают авторы, указывающие на то, что «профилактика молодежного экстремизма является прерогативой Федеральной службы безопасности» [18. С. 112].

В монографических работах экстремизм рассматривается с позиции встроенности его в современную насильственную преступность [19]. Нельзя не согласиться с методологией такого подхода, хотя при этом следует учитывать, что экстремизм, будучи составной частью преступного насилия, как насильственное поведение может инициировать совершение иных, не экстремистских по своим мотивам, насильственных и не насильственных преступлений, например массовых грабежей. В этом смысле проявляет себя отмечаемая отдельными авторами закономерность системного проявления преступности, причем, эта система имеет определенную самостоятельность по отношению к вызвавшим её причинам [20. С. 64]. В контексте данного свойства преступности как системного образования необходимо исследование вопроса об опережающем воздействии одних факторов экстремизма на возрастание степени названного явления по сравнению с воздействием других факторов.

В организации борьбы с молодежным экстремизмом необходимо учитывать вопрос о характере объекта экстремистского насильственного воздействия. Представляется в этой связи различать условно «опосредованный» и «непосредственный» объекты названного объекта. На практике они получают следующее выражение: опосредованные виды насильственного экстремизма представляют собой случаи, когда насилие осуществляется в отношении лица либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, проис-

хождения, отношения к религии, безотносительно его поведения.

Непосредственный объект насильственного экстремизма представляют случаи, когда представитель социальной группы, в отношении которой осуществляются действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства, своими действиями подтверждают факт принадлежности к этой социальной группе, нередко демонстративно подчеркивая свое «особое» положение. Очевидно, что направленность профилактики экстремизма в этих случаях должна быть различной, и в круг профилактических мероприятий должны быть вовлечены лица – непосредственные объекты насильственного воздействия.

В числе методологических вопросов находится вопрос о взаимосвязи государства и личности как основы противодействия экстремизму, в том числе его молодежному направлению.

Суть такой взаимосвязи, на наш взгляд, должна выражаться в следующих максимумах:

1. Со стороны государства, его органов: «Никакие действия экстремистского характера не должны признаваться борьбой за права человека».

2. Со стороны отдельных членов социальных групп, функционируемых по религиозному, этническому и иным признакам: «Мое поведение – это фактор соответствующей оценки всей социальной группы, к которой я принадлежу, и в случаях противоправных действий с моей стороны я буду нести моральную ответственность перед этой группой».

3. Со стороны группы в целом: «Не всегда община права».

Особенно значимой для понимания причин экстремизма и терроризма является вторая максима. Содержащиеся в многочисленных публикациях тезисы о том, что экстремизм и тесно связанный с ним терроризм обусловлены упущениями государства в политике и в экономике, приводят к тому, что эти два крайне негативные явления загодя получают некое извинительное изложение. Здесь мы видим, как отодвигается на второй план проблема ответственного воспитания индивида в семье, его самовоспитания, а в методологическом плане упускаем из вида принципиальнейшее положение, высказанное Эммануилом Кантом об автономном, свободном и ответственном состоянии человека.

Как отмечается в философской литературе, в настоящее время мораль утрачивает статус высшей инстанции, она превращается сугубо в разновидность обычаев или рассматривается как «частное дело» отдельного человека: в правовой мысли утверждается мнение о том, что нравственные регуляторы могут быть легко заменены юридическими регуляторами [21. С. 66], что может быть рассмотрено как методологическое влечение времени, состоящее в необходимости все большей и большей уголовной ответственности за экстремистские деяния.

В ряду актуальных вопросов борьбы с молодежным экстремизмом стоит вопрос о региональных её аспектах. Решение их, на наш взгляд, предполагает учет нескольких обстоятельств. Во-первых, необходимо диф-

ференцировать причины экстремизма в отношении определенных групп по признакам национальности и принадлежности к религии в том или ином регионе. Во-вторых, факт существования одних и тех же проблем экстремизма в нескольких регионах не означает успешность действий каждого из регионов *по одной и той же программе*: необходимо учитывать антиэкстремистский потенциал региона, его частей. В этой связи нужно уйти от административного навязывания передового опыта, отысканного в других регионах, лишь под предлогом проявившейся его эффективности на определенной территории.

В качестве примера, опровергающего тезис о низком социальном уровне молодых людей как предпосылки вовлечения их в экстремистскую деятельность, можно привести пример студенческого города Томска, вузы которого занимают значимые места в рейтингах по образовательной и научной деятельности. Именно этот интеллектуальный потенциал кладется государственными и муниципальными органами, общественными организациями в основу системы профилактики молодежного экстремизма, учитывая возрастание числа студентов томских вузов из различных государств.

С методологических позиций крайне важным является рассмотрение вопроса об использовании в отечественной уголовно-правовой и криминологической практике зарубежного опыта борьбы с экстремизмом. Представляется возможным назвать лишь некоторые профилактические программы и отдельные меры, используемые в странах Западной Европы и Соединенных Штатов Америки.

Так, с позиции предотвращения национального и религиозного экстремизма в Швейцарии принято правило, суть которого состоит в контроле за выполнением трудовым мигрантом обязанности безотлагательно покинуть страну после окончания соответствующего контракта, причем, в случае дальнейшей нужде экономики в трудовых мигрантах, в страну должны въехать лица, ранее не выполнявшие в ней работу [22].

В наибольшей мере и чаще всего национальные программы противодействия экстремизму на Западе строятся с учетом фактора современных коммуникаций его сторонников. Так, созданное в Соединенном Королевстве Великобритании специальное бюро по борьбе с экстремизмом позволяет подданным и иным лицам направлять в него информацию о предположительно экстремистских публикациях, которые они обнаружили в сети Интернет. Делается это простым нажатием имеющейся на веб-сайтах кнопки «Stop», после чего провайдеры направляют пользователя на сайт специального бюро, на котором он в анонимной форме может указать веб-сайт, где был обнаружен такого рода материал. Полученная таким образом информация анализируется в течение 36 часов, и при наличии в её содержании призывов к экстремизму (и терроризму) названное бюро принуждает соответствующего провайдера к удалению этого материала. Кроме того, в результате задействования ресурсов Европола у названного специального бюро существует возможность отслеживать с помощью общественности экстремистские материалы,

публикуемые на четырех языках, и оперативно удалять их из социальных сетей [23]. Наконец, элементом системы противодействия экстремизму в Великобритании является присваивание негосударственной организацией «Союз операторов Интернет» определенных категорий сайтам в зависимости от соблюдения ими этических положений, сопряженных с объективностью подачи информации [24. С. 18]. Нельзя не сказать об организованной «Молодой гвардией» Единой России сетевого краудсорсингового проекта «Медиагвардия», направленного на проверку интернет-ресурсов с целью отыскания экстремистского контента [25. С. 24]. Однако нельзя не видеть, что субъектный состав взаимодействующих с правоохранительными органами лиц, в отличие от британской программы, ограничен молодежью, причем лишь частью её, разделяющей политическую программу «Единой России».

Рядом с этим можно указать на подход Германии, суть которого состоит в запрете средствам массовой информации давать без согласования с руководством полиции сведения о расследуемых тяжких преступлениях. Более того, существует правило о так называемом едином федеральном удостоверении представителя прессы, позволяющем при необходимости установить автора публикации (сообщения) [26].

Особняком стоит политика США по противодействию экстремизму и терроризму, строящаяся на участии в деятельности масс-медиа ряда исламских государств, причем такое участие достигает двадцати пяти процентов вложений на функционирование медиа-групп [27].

Политика заимствования зарубежного опыта в любом направлении правоохранительной деятельности, в частности в сфере противодействия экстремизму, объективно вызывает ряд вопросов:

- 1) может ли быть задействована в отечественной практике вся система борьбы с экстремизмом того или иного государства;
- 2) одинаковы ли системообразующий и иные факторы экстремизма, проявляющие себя в большинстве государств или в группе государств;
- 3) обладает ли современное российское общество необходимой «профилактической готовностью» воздействовать на молодежный экстремизм;
- 4) располагает ли наше государство для внедрения прогрессивных методов борьбы с экстремизмом нужными финансовыми и специальными техническими средствами.

В определенной степени трудности формирования системы профилактических мер обусловлены неоднозначным пониманием сущности экстремизма, получающей свое проявление в признаках. Показать это можно на примере исследования, проведенного А.В. Петряниным. В качестве признаков преступлений *экстремистской направленности* он называет **мотив** (политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы), а также **объект**, определяемый в виде общественных отношений в сфере обеспечения общественной

безопасности, нормального функционирования конституционного строя, сохранности мира и безопасности человечества. Далее следует перечень соответствующих преступлений в диапазоне от ст. 205 до ст. 357 УК РФ [28. С. 14]. Однако неясно, почему к преступлениям экстремистской направленности указанный автор не относит убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по тем же самым мотивам (п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ) и др., ведя при этом разговор «о преступлениях, содержащих в себе признаки экстремизма» [Там же. С. 12].

При этом А.В. Петрянин указывает именно признаки отмеченного преступления, в отличие, например, от авторов, которые в качестве признаков экстремизма называют такие обстоятельства, как повышенный общественный резонанс в результате его совершения, труднопрогнозируемость деяния, его различные формы и виды, повышенная общественная опасность в силу возможности приобрести угрожающие масштабы [29. С. 49].

Завершая разговор о методологических началах профилактики молодежного экстремизма, следует сказать, что они должны лежать в основе предлагаемых теми или иными авторами программных документов. Вместе с тем чаще всего во внимание данное обстоятельство не принимается, в силу чего разные по своему значению и уровню задеивования меры профилактики не приобретают системного характера [30].

Представляется, что методология исследования проблем молодежного экстремизма предполагает системное рассмотрение ряда важных для теории и практики положений:

1. Имеется ли системообразующий фактор, устранение (ослабление) которого устранил (ослабит) действие иных факторов молодежного экстремизма, и какой из факторов следует считать системообразующим.

В отдельных работах делается попытка назвать такой фактор: так, например, А.В. Петрянин указывает, что «...основной причиной экстремизма является социальная напряженность общества, возникшая в результате происходящих политических и социально-экономических реформ и кризисов, усиливающаяся специфическим геополитическим положением и полиэтническим составом населения России» [28. С. 13]. Нельзя не увидеть, что экстремизм, сущностью которого является социальный конфликт (социальная напряженность) здесь определяется отмеченным ученым через самое себя, что с точки зрения положений науки логики о понятии как формы мышления является неточным.

2. Является ли системообразующий фактор молодежного экстремизма одинаковым для всех регионов Российской Федерации.

3. Возможна ли, с учетом конкретных исторических условий, смена системообразующего фактора.

4. Какова степень самостоятельности иных факторов по отношению к системообразующему фактору молодежного экстремизма.

5. В каких пределах действуют те или иные обозначенные факторы.

6. Какова степень реагирования системообразующего фактора на деструктивное воздействие извне, направленное на российское общество и государство.

7. Какова степень реагирования иных факторов на деструктивное воздействие извне, направленное на российское общество и государство.

8. Одинакова ли степень воздействия тех или иных факторов на процесс экстремизации различных возрастных групп.

9. Каково влияние телекоммуникационных технологий на усиление действия системообразующего и иных факторов молодежного экстремизма.

10. Каково влияние телекоммуникационных технологий на ослабление действия системообразующего и иных факторов молодежного экстремизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Димитрова Е.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности как средство противодействия экстремизму и терроризму // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 1 (10). С. 175–178.
2. Корухова К.Н., Бареникова Е.Е. Сущность, причины и профилактика молодежного экстремизма // Студенческая наука : материалы межрег. науч. конф. М. : РГУФКСМиТ, 2020. С. 335–340.
3. Абрамов А.Э. Молодежный экстремизм как угроза национальной безопасности России в условиях глобализации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 5 (82). С. 52–55.
4. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму: ратифицирована Федеральным законом № 196-ФЗ от 26 июля 2019 г. Доступ из справочно-правовой системы «Кодекс».
5. Тирранен В.А. Фантомы российской уголовной политики XXI века // Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сб. науч. тр. / под ред. проф. Н.А. Лопашенко. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 62–64.
6. Сергун Е.П. Возможности уголовного права в противодействии конфликтам на национальной почве // Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сб. науч. тр. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 436–438.
7. Миц Д.С. Антитеррористическая функция государства: поиск новых форм осуществления // Lex russica. 2020. Т. 73, № 2 (159). С. 125–132.
8. Абдрахманов Д.М., Сафина Э.Н., Максимов К.В. Профилактика экстремизма : учебник. Уфа : Изд-во БГПУ, 2017. 232 с.
9. Ольховик Н.В., Прокументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 160 с.
10. Васнецова А.С. Государственная политика по противодействию экстремизму // Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор / [П.В. Агапов, С.В. Борисов, А.С. Васнецова и др.]. М., 2015. С. 11–30.

11. Бренёва М.О. Низкий уровень правовой социализации как одна из причин проявления молодежного экстремизма // Государственно-правовые исследования. 2020. Вып. 3. С. 501–503.
12. Венцель С.В. Экстремизм: сущность феномена и факторы распространения // Теория и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8, № 6А. С. 72–77.
13. Нардина О.В. Приоритетные задачи государства и гражданского общества по профилактике экстремизма и терроризма в среде несовершеннолетних // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии : сб. материалов Второй Международ. науч.-практ. конф., 8–10 окт. 2020 г. / под науч. ред. В.В. Коврова. Симферополь : АРИАЛ, 2020. С. 106–111.
14. Никитина Т.А., Терентьева И.А. Формирование системы профилактики экстремизма в студенческой среде: опыт Оренбургского государственного университета // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20. № 2. С. 86–94.
15. Ростокский А.В. Фанатские группировки как первичные организационные структуры // Экстремизм и его причины / под ред. Ю.М. Антоняна. 2-е изд., доп. М. : Логос, 2014. С. 55–74.
16. Диль В.А. Современный экстремизм и формы его преодоления: социокультурный аспект : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Томск, 2013. 19 с.
17. Антонян Ю.М. Общесоциальные причины экстремизма // Экстремизм и его причины / под ред. Ю.М. Антоняна. 2-е изд., доп. М. : Логос, 2014. С. 74–81.
18. Шинкарук В.М., Фантров П.П. Координация деятельности правоохранительных органов и конструктивных ассоциаций граждан в контексте профилактики молодежного экстремизма // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 7А. С. 111–120.
19. Гилинский Я.И. Экстремизм в контексте насилия в современной России // Экстремизм и его причины / под ред. Ю.М. Антоняна. 2-е изд., доп. М. : Логос, 2014. С. 89–106.
20. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть) : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 284 с.
21. Черняк Н.А. Как возможен свободный поступок: Сартр contra Кант // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 3 (62). С. 62–66.
22. Суюнчиева О.Т. Историко-правовые аспекты развития миграционных правоотношений // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1 (25). С. 74–77.
23. Долгошеин П.С. Специфика противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в сети Интернет в Европейском союзе и Российской Федерации // Противодействие экстремизму и терроризму : материалы Межд. науч.-практ. конф. (Москва, 7 июня 2017 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 64–67.
24. Коневская О.Ю. Этические нормы и общественный контроль в правовом механизме предупреждения злоупотреблений свободой массовой информации // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 4 (24). С. 16–21.
25. Соловьева Н.А., Фантров П.П. Интеграция государства и гражданского общества в сфере профилактики молодежного экстремизма в контексте правовой социализации // Правовая парадигма. 2020. Т. 19, № 2. С. 21–26.
26. Сойников С.А. Административно-правовое регулирование оборота массовой информации в органах внутренних дел Федеративной Республики Германия // Научный портал МВД России. 2011. № 2 (14). С. 124–128.
27. Карпович О.Г. Опыт противодействия терроризму в США // Противодействие экстремизму и терроризму : материалы Межд. науч.-практ. конф. (Москва, 7 июня 2017 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 100–101.
28. Петрянин А.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 301 с.
29. Жамбаров А.А. Современный экстремизм и терроризм как реальная угроза безопасности в российском обществе // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. XIII, № 4. С. 48–51.
30. Букаев Н.М., Волосова Н.Ю. Отдельные аспекты борьбы с экстремизмом и терроризмом на религиозной почве среди подростков и молодежи // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 3А. С. 147–157.

Methodological Problems of Preventing Youth Extremism in Russia

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 114–122. DOI: 10.17223/23088451/16/22

Aleksey S. Knyazkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: factors of extremism, youth extremism, objects of violent extremism, prevention of youth extremism, research methodology.

The current state of the fight against extremism in Russia reflects the most important areas of domestic criminal policy, essentially is the focus of the problems of society and the state, and requires the search for the most important directions of prevention of extremist manifestations. An analysis of publications on the causes of youth extremism in Russia reveals a tendency to find extremist aspirations primarily in the age characteristics of the subjects of this extremism, without linking the issue to factors of the material life of society in general and its young part in particular. When deciding on the prevention of extremism among youth, it is necessary to take into account the results of law enforcement agencies' activities initiated by the adopted program documents. The activities are specific in nature; they can follow the scheme of influencing the factors of youth extremism "at any cost" and the scheme of influencing the factors that require minimal organizational material costs. The article provides a critical assessment of the simple enumeration of the causes of youth extremism without linking them into a system and highlighting systemic factors. The unsatisfactory use of the methodological tools for carrying out research on the problems of youth extremism is noted. The relationship between the concepts of nationalism and extremism is considered; the constructive and destructive aspects of extremism as a natural human factor, which should be taken into account in organizing youth extremism prevention, are noted. The potential and methodology of using foreign and regional experience in the prevention of youth extremism are analyzed. A methodological block of research on contemporary problems of youth extremism in the Russian Federation is proposed.

References

1. Dimitrova, E.A. (2012) Criminal liability for making public appeals to extremism and terrorism activity as a means of counteraction to extremism and terrorism. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii – Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 1 (10). pp. 175–178. (In Russian).
2. Korukhova, K.N. & Barienikova, E.E. (2020) [Essence, causes and prevention of youth extremism]. *Studencheskaya nauka* [Student science]. Proc. of the International Conference. Moscow: RGUFKSMiT. pp. 335–340. (In Russian).
3. Abramov, A.E. (2020) Extremism among young people as a threat to Russia's national security in the context of globalization. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 5 (82). pp. 52–55. (In Russian).
4. Kodeks. (2019) *Konventsia Shangkhaishkoy organizatsii sotrudnichestva po protivodeystviyu ekstremizmu. Ratifitsirovana federal'nym zakonom № 196-FZ ot 26 iyulya 2019 g.* [The Shanghai Cooperation Organisation Convention on Countering Extremism. Ratified by Federal Law No. 196-FZ of July 26, 2019]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/542655220>.
5. Tirranen, V.A. (2013) Fantomy rossiyskoy ugolovnoy politiki XXI veka [Phantoms of the Russian criminal policy of the 21st century]. In: Lopashenko, N.A. (ed.) *Prestupnost', ugolovnaya politika, ugolovnyy zakon* [Crime, criminal policy, criminal law]. Saratov: Saratov State Law Academy. pp. 62–64.
6. Sergun, E.P. (2013) Vozmozhnosti ugolovnogo prava v protivodeystvii konfliktam na natsional'noy pochve [The potential of criminal law in countering conflicts on ethnic grounds]. In: Lopashenko, N.A. (ed.) *Prestupnost', ugolovnaya politika, ugolovnyy zakon* [Crime, criminal policy, criminal law]. Saratov: Saratov State Law Academy. pp. 436–438.
7. Mits, D.S. (2020) Anti-terrorist Function of the State: Search for New Forms of Implementation. *Lex Russica*. 73:2 (159). pp. 125–132. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.125-132
8. Abdrakhmanov, D.M., Safina, E.N. & Maksimov, K.V. (2017) *Profilaktika ekstremizma: uchebnik* [Prevention of extremism: Textbook]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University.
9. Ol'khovik, N.V. & Prozumentov, L.M. (2009) *Retsidivnaya prestupnost' osuzhdennykh i ee preduprezhdenie* [Convicts' recidivism and its prevention]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Vasnetsova, A.S. (2015) Gosudarstvennaya politika po protivodeystviyu ekstremizmu [State policy on countering extremism]. In: Agapov, P.V. et al. (eds) *Ekstremizm: strategiya protivodeystviya i prokurorskiy nadzor* [Extremism: Countering strategy and prosecutor's supervision]. Moscow: Prospekt. pp. 11–30.
11. Breneva, M.O. (2020) Low level of legal socialization as one of the causes of youth extremism. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya – State Legal Research*. 3. pp. 501–503. (In Russian).
12. Ventsel', S.V. (2019) Extremism: the essence of the phenomenon and factors of distribution. *Teoriya i problemy politicheskikh issledovaniy – Theories and Problems of Political Studies*. 8 (6A). pp. 72–77. (In Russian). DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.103
13. Nardina, O.V. (2020) [Priority tasks of the state and civil society in the prevention of extremism and terrorism among minors]. *Profilaktika deviantnogo povedeniya detey i molodezhi: regional'nye modeli i tekhnologii* [Prevention of deviant behavior of children and youth: Regional models and technologies]. Proc. of the International Conference. 8–10 October 2020. Simferopol': IT "ARIAL". pp. 106–111. (In Russian).
14. Nikitina, T.A. & Terent'eva, I.A. (2020) Formation of a system for prevention of extremism in the student community: Experience of Orenburg State University. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya – Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 20 (2). pp. 86–94. (In Russian). DOI: 10.22394/1682-2358-2020-2-86-94
15. Rostokinskiy, A.V. (2014) Fanatskie gruppirovki kak pervichnye organizatsionnye struktury [Fan groups as primary organizational structures]. In: Antonyan, Yu.M. (ed.) *Ekstremizm i ego prichiny* [Extremism and its causes]. 2nd ed. Moscow: Logos. pp. 55–74.
16. Dil', V.A. (2013) *Sovremennyy ekstremizm i formy ego preodoleniya: sotsiokul'turnyy aspekt* [Modern extremism and forms of overcoming it: A sociocultural aspect]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Tomsk.
17. Antonyan, Yu.M. (2014) Obshchesotsial'nye prichiny ekstremizma [General social causes of extremism]. In: Antonyan, Yu.M. (ed.) *Ekstremizm i ego prichiny* [Extremism and its causes]. 2nd ed. Moscow: Logos. pp. 74–81.
18. Shinkaruk, V.M. & Fantrov, P.P. (2020) Coordination of the activities of law enforcement agencies and citizens' associations in the context of the prevention of youth extremism. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Matters of Russian and International Law*. 10 (7A). pp. 111–120. (In Russian). DOI: 10.34670/AR.2020.73.78.015
19. Gilinskiy, Ya.I. (2014) Ekstremizm v kontekste nasiliya v sovremennoy Rossii [Extremism in the context of violence in modern Russia]. In: Antonyan, Yu.M. (ed.) *Ekstremizm i ego prichiny* [Extremism and its causes]. 2nd ed. Moscow: Logos. pp. 89–106.
20. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) *Kriminologiya (Obshchaya chast'): uch. posobie* [Criminology (General Part): Textbook]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Chernyak, N.A. (2016) How is a free action possible: Sartre contra Kant. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 3 (62). pp. 62–66. (In Russian).
22. Suyunchaliev, O.T. (2013) Historical and legal aspects of development of migration legal relations. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia* 1 (25). pp. 74–77. (In Russian).
23. Dolgoshein, P.S. (2017) [The specifics of countering manifestations of extremism and terrorism on the Internet in the European Union and in the Russian Federation]. *Protivodeystvie ekstremizmu i terrorizmu* [Countering extremism and terrorism]. Proc. of the International Conference. Moscow. 7 June 2017. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. pp. 64–67. (In Russian).
24. Konevskaya, O.Yu. (2012) Ethical standards and public control in the legal mechanism of the prevention of abuses by the freedom of mass media information. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 4 (24). pp. 16–21. (In Russian).
25. Solov'eva, N.A. & Fantrov, P.P. (2020) The integration of the state and civil society to prevent youth extremism in the context of legal socialization. *Pravovaya paradigma – Legal Paradigm*. 19 (2). pp. 21–26. (In Russian). DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.2.3
26. Soynikov, S.A. (2011) Administrative and legal regulations of mass information rotation in the Federal Republic of Germany police. *Nauchnyy portal MVD Rossii – Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior*. 2 (14). pp. 124–128. (In Russian).

27. Karpovich, O.G. (2017) [The experience of countering terrorism in the United States]. *Protivodeystvie ekstremizmu i terrorizmu* [Countering extremism and terrorism]. Proc. of the International Conference. Moscow. 7 June 2017. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. pp. 100–101. (In Russian).
28. Petryanin, A.V. (2014) *Protivodeystvie prestupleniyam ekstremistskoy napravlenosti: ugovno-pravovoy i kriminologicheskoy aspekty* [Counteracting extremist crimes: Criminal law and criminology aspects]. Law Dr. Diss. Moscow.
29. Zhamborov, A.A. (2020) Modern extremism and terrorism as a real threat to security in russian society. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. XIII (4). pp. 48–51. (In Russian).
30. Bukaev, N.M. & Volosova, N.Yu. (2020) Some aspects of the fight against religious extremism and terrorism among adolescents and youth. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Matters of Russian and International Law*. 10 (3A). pp. 147–157. (In Russian). DOI: 10.34670/AR. 2020.93.3.012

УДК 343.1

DOI: 10.17223/23088451/16/23

О.Н. Надоненко

**О НОРМАТИВНЫХ КРИТЕРИЯХ ОТНЕСЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ
К НЕГОСУДАРСТВЕННЫМ ЭКСПЕРТНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ**

Статья посвящена проблематике выбора критериев отнесения организации к негосударственным экспертным учреждениям. Автором изучена действующая правовая база, проанализированы позиции в отношении данного вопроса ведущих ученых. Доказывается необходимость принятия специализированного закона, устанавливающего данные критерии.

Ключевые слова: негосударственное экспертное учреждение, специализация, коммерческие и некоммерческие организации.

Начавшееся в конце прошлого века активное реформирование нашего общества продолжается и сейчас как в гражданском, так и правовом аспектах. Одним из элементов этого процесса является отказ от системы исключительно государственных экспертных учреждений. Согласно статистическим данным о деятельности судов общей юрисдикции за 2013–2018 гг., ежегодно более 180 тыс. постановлений о назначении экспертизы – 64% всех вынесенных соответствующих постановлений – направляется негосударственным судебно-экспертным учреждениям [1]. Однако действующее законодательство, регулирующее данное направление, до сих пор носит преимущественно декларативный характер.

Законность существования двух видов экспертных учреждений закреплена, например, в п. 60 ст. 5 УПК. Общая структура судебной экспертной системы Российской Федерации представлена в ч. 2, 4 ст. 199 УПК РФ, согласно которой официально выделяют три ее составляющие: государственные экспертные учреждения и эксперты, не работающие в экспертных учреждениях.

Однако специального закона, регламентирующего порядок функционирования данной триады в целом, в настоящий момент не существует. Определена только деятельность государственных экспертных учреждений положениями Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Следует отметить, что в рамках данного Федерального закона была предпринята небольшая попытка компенсировать отсутствие общего законодательства для судебной экспертной системы России. Так, в ст. 41 установлено, что «в соответствии с нормами процессуального законодательства Российской Федерации судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными познаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами». Однако эта компенсация, на наш взгляд, оказалась несколько односторонней и поэтому неполноценной. Федеральный закон говорит о специалистах, не конкретизируя ни место работы сведущих лиц, ни организационно-правовые формы

учреждений или организаций, в которых они трудятся. Более того, согласно указанной статье ФЗ № 73, на таких сведущих лиц распространяются положения, не затрагивающие нормы, относящиеся к руководителю экспертного учреждения. Складывается впечатление, что авторы законопроекта сознательно дистанцировались от какой-либо регламентации деятельности иных (негосударственных) экспертных учреждений, регулируя деятельность только экспертов, не работающих в экспертных учреждениях (далее – частных экспертов).

В настоящий момент мы наблюдаем парадоксальную ситуацию: с одной стороны, законодательно закреплено существование частных экспертов и иных экспертных учреждений (ст. 5, 199 УПК РФ, ФЗ № 73), с другой стороны, отсутствует какой-либо как формальный, так и нормативный критерий, позволяющий отнести то или иное учреждение к негосударственному экспертному учреждению. Более того, положения п. 60 ст. 5 УПК РФ позволяют сделать вывод о том, что учреждение может приобрести правовой статус экспертного лишь потому, что именно в это учреждение поступило постановление о назначении экспертизы, несмотря на то, что до этого факта оно не обладало таким статусом. Следовательно, любое учреждение может быть признано экспертным (негосударственным), а его сотрудники при этом приобретают правовой статус экспертов иного экспертного учреждения, а не частных экспертов. Такое определение правового статуса осложняет признание сведущего лица частным экспертом и приводит к правовым казусам, когда руководителю учреждения, далекому от вопросов права, поручают разъяснить сотруднику его права и ответственность как судебному эксперту.

Усиливают законодательную неопределенность относительно организационно-правовых форм иного экспертного учреждения и два постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе».

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации в п. 2 указано, что «под негосудар-

ственными судебно-экспертными учреждениями следует понимать *некоммерческие организации* (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами» (выделено автором. – О.Н.), в то время как Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации не указывает ограничения относительно организационно-правовой формы экспертных организаций. Данная позиция отражена в первом пункте пленума. В соответствии с ним «экспертиза может проводиться как в государственном судебно-экспертном учреждении, так и в *негосударственной экспертной организации*, либо к экспертизе могут привлекаться лица, обладающие специальными знаниями, но не являющиеся работниками экспертного учреждения (организации)» (выделено автором. – О.Н.).

Таким образом, даже материалы Пленумов ВС РФ и ВАС РФ не содержат единой позиции относительно того, какое учреждение или организация могут быть признаны негосударственными экспертными.

Очевидно, что определение негосударственных судебно-экспертных учреждений, озвученное Пленумом ВС РФ, происходит из понятия «учреждение», закрепленного в ст. 123.21 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако такой подход к пониманию того, что следует относить к иным экспертным учреждениям, является не единственным [2. С. 37]. Более того, согласно действующему законодательству Верховный Суд РФ и его Пленум не уполномочены самостоятельно издавать нормы права, о чем уже высказывались замечания со стороны научного сообщества [3. С. 43].

Законодательная неопределенность понятий «негосударственное судебно-экспертное учреждение» и «производство экспертизы экспертом, не работающим в экспертном учреждении» приводит к тому, что ряд авторов начинает выделять в судебно-экспертной системе Российской Федерации спорные категории. Так, Е.Р. Россинская считает, что «судебные экспертизы проводятся экспертами государственных и негосударственных экспертных учреждений, сотрудниками неэкспертных учреждений, частными экспертами либо иными специалистами» [4. С. 86]. Таким образом, Е.Р. Россинская выделяет государственные и негосударственные экспертные учреждения, а вот экспертов, неработающих в экспертных учреждениях, подразделяет еще на три категории: сотрудников неэкспертных учреждений, частных экспертов и иных специалистов, не поясняя, чем с точки зрения закона они отличаются друг от друга. По нашему мнению, такое разделение излишне и приводит к путанице, так как процессуально они все относятся к одной категории – эксперт, не работающий в экспертном учреждении. Очевидно, что следовательно при привлечении сведущего лица, не работающего в экспертном учреждении, необходимо учитывать целый ряд непроцессуальных организационных факторов, которые обеспечат законность произ-

водства судебной экспертизы. Например, если частный эксперт работает в неэкспертной организации, то следователю придется учитывать, будет ли он выполнять экспертизу в основное рабочее время или в свободное от работы время; будет ли он использовать оборудование и реактивы своего учреждения или не будет. В зависимости от этого следователю может потребоваться получение разрешения от руководства учреждения на производство сотрудником судебной экспертизы, согласование его рабочего графика, порядка использования оборудования, реактивов или иных мощностей лаборатории для производства экспертного исследования либо в этом всем не будет необходимости.

Однако эти организационные вопросы не являются процессуальными. Независимо от формы их реализации судебная экспертиза будет назначена в порядке, предусмотренном ч. 4. ст. 199 УПК РФ, и в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 195 УПК РФ в постановлении будут указаны фамилия, имя и отчество эксперта, а не учреждение.

Таким образом, основная проблема для следователя в настоящий момент – это определиться с тем, назначает он экспертизу в иное экспертное учреждение или сведущему лицу, не работающему в экспертном учреждении. Следовательно, мы возвращаемся к основному вопросу – какое учреждение или организация могут быть признаны экспертными. Наиболее верным представляется утверждение, что «определение статуса юридического лица как экспертного или неэкспертного учреждения имеет важное процессуальное и методологическое значение» [5. С. 28].

Если не рассматривать положение п. 60 ст. 5 УПК РФ, согласно которому любое учреждение может приобрести данный статус по факту назначения ее сотруднику судебной экспертизы, то в настоящее время единственное определение этого статуса дано Пленумом Верховного Суда, в котором присутствует два основных критерия – некоммерческий характер учреждения и осуществление судебно-экспертной деятельности в соответствии с уставом. Проанализируем на примере Уральской торгово-промышленной палаты (союза) (далее – палата), насколько данное определение соответствует определяемому понятию.

Согласно Уставу Палаты [6], она является негосударственной некоммерческой организацией (ст. 1 гл. 1), Палата может заниматься приносящей доход деятельностью, лишь поскольку это необходимо для выполнения ее уставных задач. Палата не распределяет полученную ею прибыль между членами Палаты (ст. 5 гл. 1). В главе второй Устава «Предмет, цели деятельности, задачи и функции Уральской ТПП» о возможности выполнения судебной экспертизы по поручению судебных, следственных, таможенных и иных уполномоченных государственных органов говорится в четырех пунктах ст. 14 среди 46 функций, выполняемых Палатой.

Таким образом, Палата – некоммерческое учреждение. Производство судебных экспертиз предусмотрено Уставом Палаты. Этого достаточно для суда, чтобы признать Уральскую торгово-промышленную палату негосударственным экспертным учреждением. Следо-

вательно, в настоящее время постановление о назначении судебной экспертизы должно быть вынесено в адрес Палаты с указанием фамилии, имени, отчества эксперта, а разъяснение прав и ответственности возложено на руководителя Палаты.

Тем не менее в рассматриваемой ситуации возникает сомнение как относительно правовой компетенции руководителя Палаты в части разъяснения им прав и ответственности своему сотруднику, так и достаточности анализа положений Устава для принятия законного решения. На наш взгляд, в положении Пленума Верховного Суда не учтен один важный для судебно-экспертного учреждения критерий, а именно специализация на производстве судебных экспертиз. Такой критерий предусмотрен п. 2 ст. 13 проекта Закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: «Негосударственными судебно-экспертными организациями являются некоммерческие организации, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации, к основным видам деятельности которых относится судебно-экспертная деятельность, осуществляемая в соответствии с установленными требованиями к производству судебной экспертизы» [7] (выделено автором. – О.Н.).

С учетом данного критерия, если мы изучим не Устав, а выписку из Единого государственного реестра юридических лиц, то увидим, что судебно-экспертная деятельность Палаты отнесена к дополнительным видам деятельности. Следовательно, согласно проекту закона, Палату нельзя будет признать иной экспертной организацией, и постановление должно быть вынесено в адрес конкретного исполнителя, а разъяснение прав и ответственности эксперту выполнено самим следователем.

Несмотря на наши сомнения, в настоящее время Палата может быть признана иным экспертным учреждением. Однако в случае принятия Федерального закона с существующим определением негосударственного экспертного учреждения она этот статус потеряет.

По нашему мнению, положение о специализации учреждения на производстве судебной экспертизы должно присутствовать в определении негосударственного экспертного учреждения. Представляется неприемлемым «демонизация» коммерческих организаций и упование на то, что если организация будет носить некоммерческий характер, то она обеспечит беспристрастность, объективность и качество производства судебной экспертизы автоматически, что, на наш взгляд, является неверным. «Судебно-экспертная деятельность по своей специфике не может и не должна быть нацелена на извлечение прибыли, поскольку выводы эксперта не могут и не должны находиться в какой-либо зависимости от желания и воли “заказчика” экспертных работ» [8. С. 73]. Но как быть тогда с категорией экспертов, не работающих в экспертном учреждении. Для многих производство экспертизы является средством для существования, т.е. они «нацелены на извлечение прибыли». Выделяя категорию «частные эксперты-профессионалы, у которых эта деятельность является основной» [4. С. 86], Е.Р. Россинская не замечает этого противоречия. С точки зрения оплаты труда и заинтересованности в прибыли эти эксперты не отличаются от экспертов иных экспертных коммерческих учреждений. Однако относительно них нет возражений ни у уважаемых авторов, ни в проекте Федерального закона об экспертной системе в Российской Федерации.

Как уже было отмечено, выводы эксперта зависят не от организационно-правовых форм учреждения, а исключительно от личностных установок эксперта. Поэтому мы полагаем, что недопустимо такое предвзятое отношение к сотрудникам коммерческого сектора экономики.

Считаем, что отсутствие законодательного определения категории негосударственных экспертных учреждений осложняет работу всей правоохранительной системы и требует скорейшего разрешения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шувалова М. Новый закон о судебно-экспертной деятельности может быть принят уже в этом году. URL: <http://www.garant.ru/news/1276588/#ixzz6IAAd9D9mg> (дата обращения: 02.05.2020).
2. Хазиев Ш.Н. Об уголовно-процессуальном понятии судебно-экспертного учреждения // Теория и практика судебной экспертизы. 2007. № 5 (1). С. 36–39.
3. Верещицкая Г.В. Правовые особенности осуществления негосударственной экспертной деятельности // Вестник Поволжского института управления. 2014. № 2 (41). С. 41–46.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 3-е изд., доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 736 с.
5. Россинская Е., Галицина Е. Негосударственные экспертные учреждения. Их правовой статус и организационные формы // Законность. 2009. № 2. С. 28–32.
6. Устав Палаты. URL: <http://uralcci.com/about/charter/> (дата обращения: 02.05.2020).
7. Законопроект № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 02.05.2020).
8. Россинская Е.Р., Галицина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2011. 464 с.

On Regulatory Criteria for Classifying an Organization as a Non-State Expert Institution

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 123–126. DOI: 10.17223/23088451/16/23

Olga N. Nadonenko, Yekaterinburg Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: uc.ural@mail.ru

Keywords: non-state expert institution, specialization, commercial organizations and nonprofit organizations.

The current legislation formalizes three elements of the expert system in Russia: state and non-state expert institutions and experts who do not work in expert institutions. As follows from this triad, the defining concept is “expert institution”. The concept “state expert institution” is legally enshrined in Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001, but there is currently no legislative regulation of the criteria for classifying an organization as a “non-state expert institution”, which gives rise to a number of law enforcement problems. For instance, for an investigator, determining the status of an organization entails the implementation of the provisions of Article 199 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation under Clause 1.2 or Clause 4. Therefore, in the author’s opinion, it is extremely important to pass a law regulating the criteria for classifying an organization as a state or non-state expert institution, or a non-expert institution.

References

1. Shuvalova, M. (2019) *Novyy zakon o sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti mozhет byt' prinyat uzhe v etom godu* [A new law on forensic expert activities may be adopted this year]. [Online] Available from: <http://www.garant.ru/news/1276588/#ixzz6IA9D9mg> (Accessed: 2nd May 2020).
2. Khaziev, Sh.N. (2007) Ob ugolovno-protsessual'nom ponyatii sudebno-ekspertnogo uchrezhdeniya [On the criminal procedural concept of a forensic institution]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy – Theory and Practice of Forensic Science*. 5 (1). pp. 36–39.
3. Vershinskaya, G.V. (2014) Legal Features of Non-Governmental Expert Activity. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya – Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2(41). pp. 41–46. (In Russian).
4. Rossinskaya, E.R. (2014) *Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugolovnom protsesse* [Forensic examination in civil, arbitration, administrative, and criminal procedure]. 3rd ed. Moscow: Norma: INFRA-M.
5. Rossinskaya, E. & Galyashina, E. (2009) Negosudarstvennye ekspertnye uchrezhdeniya. Ikh pravovoy status i organizatsionnye formy [Non-state expert institutions. Their legal status and organizational forms]. *Zakonnost'*. 2. pp. 28–32.
6. Ural Chamber of Commerce and Industry. (2020) *Ustav* [Charter]. [Online] Available from: <http://uralcci.com/about/charter/> (Accessed: 2nd May 2020).
7. Russian Federation. (2020) *Zakonoproekt № 306504-6 O sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii* [Draft Law No. 306504-6 On Forensic Expert Activity in the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (Accessed: 2nd May 2020).
8. Rossinskaya, E.R. & Galyashina, E.I. (2011) *Nastol'naya kniga sud'i: sudebnaya ekspertiza* [Judge's Handbook: Forensic Expert Examination]. Moscow: Prospekt.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 343

DOI: 10.17223/23088451/16/24

П.М. Морхат

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: БЕГИШЕВ И.Р., ХИСАМОВА З.И.
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН. М.: ПРОСПЕКТ, 2021. 11,5 авт. л.**

Представлена рецензия на монографию «Искусственный интеллект и уголовный закон». Новизна рецензируемой монографии заключается в том, что в основу исследования положен междисциплинарный подход, позволивший обеспечить достаточно серьезную глубину проведенной работы. В монографии детально раскрываются проблемы соотношения уголовно-правовых норм и деликтов, совершаемых с участием искусственного интеллекта и робототехники.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, робот, робототехника, цифровые технологии, информационные технологии, правосубъектность, электронное лицо, уголовное право, уголовный закон, криминология, криминологический риск.*

Цифровизация, ознаменовавшая Четвертую промышленную революцию (Индустрию 4.0), неразрывно связана с технологией искусственного интеллекта. Искусственный интеллект крепко и надолго занял место в числе основных технологических инноваций и стал неотъемлемой частью нашей жизни. Аналитики по всему миру единогласно называют искусственный интеллект ключевым технологическим трендом [1]. Внедрение искусственного интеллекта позволило не только с большой скоростью обрабатывать огромные объемы данных, но и давать высокоточные прогнозы развития для сложных систем и явлений. Все активнее он применяется и для решения глобальных экологических и социальных проблем человечества. Например, совсем недавно Советом Европы был опубликован обзор, посвященный искусственному интеллекту в качестве инструмента поддержки борьбы с вирусной пандемией, поразившей весь мир с начала 2020 г. [2].

В апреле 2018 г. аналитическое агентство Gartner опубликовало исследование, согласно которому в 2017 г. компании по всему миру получили \$692 млрд дохода, а к 2022 г. выгода от применения искусственного интеллекта будет измеряться почти \$4 трлн [1].

Вместе с тем развитие технологии искусственного интеллекта и робототехники как формы его материального проявления ставит серьезные вызовы перед правом в целом. Особо остро проблема встает для сферы уголовного законодательства, которая является крайней формой государственного реагирования на общественно опасные проявления и деяния. И представленная на рецензирование монография [3] представляет собой первое комплексное монографическое исследование, посвященное проблемам синергии технологии искусственного интеллекта и уголовного закона.

Эта монография практически завершает цикл работ авторов, посвященных исследованию уголовно-правовых и криминологических аспектов применения искусственного интеллекта в преступных целях [4–7] и комплексного теоретико-прикладного анализа основ-

ных современных доктрин, посвященных регулированию искусственного интеллекта и робототехники [8–14].

В настоящий момент существует пустое пространство между уголовным правом в частности и всем блоком криминальных наук в общем и развивающейся сферой искусственного интеллекта. Хотя запрос на регулирование уже существует. Достаточно вспомнить инциденты с беспилотными автомобилями либо с производственными роботами, приведшие к гибели людей. И это только начало. Развитие технологии будет стимулировать потребность разрешения вопросов юридической ответственности за вред, причиненный действиями роботов и (или) искусственного интеллекта, а также их правовой автономии, т.е. наделения правосубъектностью.

Отмечу, что мне импонирует положенный авторами в основу исследования междисциплинарный подход, позволивший обеспечить достаточно серьезную глубину проведенной работы. Так, при исследовании понятия «искусственный интеллект» авторы не ограничились исключительно доктринальными толкованиями, приведенными уже в юридической литературе. Авторам удалось на достаточно высоком профессиональном уровне обобщить обширное поле концепций, позиций и подходов, нередко оппонировавших друг другу. Они обратились к актуальным исследованиям в области кибернетики, информатики, психологии, философии, что в совокупности с анализом легальных толкований позволило сформулировать достаточно подробное и заслуживающее внимания авторское определение, во многом коррелирующее уже с имеющимися в литературе, в том числе и с моим, и одновременно обладающее отдельными преимуществами, особенно в условиях, когда единое понятие искусственного интеллекта пока не выработано ни в научной доктрине, ни на законодательном уровне.

Кроме того, авторы озадачились вопросом семантического анализа понятий «искусственный интеллект» и «робототехника» как с точки зрения наук технического цикла, так и юридического, что весьма ценно для меж-

дисциплинарных исследований. Прикладная значимость такого анализа определяется также тем, что проведенный авторами «водораздел» указанных понятий позволит снизить существующую на сегодняшний день в научной литературе, особенно юридической, путаницу технологических понятий.

Необходимо заметить, что отдельный блок исследования посвящен вопросам международно-правового регулирования внедрения искусственного интеллекта, что вполне оправданно, так как проблема правосубъектности роботов и искусственного интеллекта находится в поле зрения большинства международных организаций. Наделение искусственного интеллекта квазигражданским статусом поднимает глубинные вопросы, в том числе связанные с правами человека.

Достаточно интересной для исследователей-юристов всех отраслей права представляется часть исследования, посвященная этическим и вытекающим из них криминологическим рискам применения искусственного интеллекта. Опираясь на исследование зарубежных авторов, авторы предлагают свою интерпретацию и классификацию криминологических рисков применения искусственного интеллекта [4].

В работе прослеживается достаточно стройная логика изложения материала. Так, описав имеющиеся

риски применения искусственного интеллекта, авторы переходят непосредственно к проблемам наук криминального цикла. В частности, детально раскрываются проблемы соотношения уголовно-правовых норм и деликтов, совершаемых с участием робототехники и искусственного интеллекта. Здесь следует отметить, что авторы не только выносят на обсуждение научной общественности имеющиеся в указанном срезе проблемы, но и предлагают модели их разрешения.

Особый интерес вызывают модели «привлечения искусственного интеллекта к ответственности» при гипотетическом наделении искусственного интеллекта правосубъектностью. Однако следует заметить, что авторы не пускаются в данном аспекте в «кибернетические фантазии», предлагая в корне изменить существующий институт уголовной ответственности, а наоборот, отмечают, что в силу уровня развития существующих систем в настоящий момент такая необходимость отсутствует, но тем не менее в ближайшие десятилетия она может возникнуть.

Полагаю, рецензируемая научно-исследовательская работа соответствует требованиям, предъявляемым к такому виду работ, выполнена на достаточно высоком научном уровне и будет интересна широкому кругу читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Top 10 Strategic Technology Trends for 2018*. Gartner. URL: <https://www.gartner.com/doc/3811368> (дата обращения: 20.09.2020).
2. *ИИ и контроль коронавируса Ковид-19*. URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/ii-i-kontrol-koronavirusa-kovid-19> (дата обращения: 20.09.2020).
3. *Бегишев И.Р., Хисамова З.И.* Искусственный интеллект и уголовный закон. М.: Проспект, 2021.
4. *Бегишев И.Р., Хисамова З.И.* Криминологические риски применения искусственного интеллекта // *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. Т. 12, № 6. С. 767–775.
5. *Хисамова З.И., Бегишев И.Р.* Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. Т. 13, № 4. С. 564–574.
6. *Bikeev I.I., Kabanov P.A., Begishev I.R., Khisamova Z.I.* Criminological Risks and Legal Aspects of Artificial Intelligence Implementation // In Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence, Information Processing and Cloud Computing (AIIICC '19). New York: Association for Computing Machinery, 2019. Art. 20. P. 1–7.
7. *Bokovnya A.Yu., Begishev I.R., Khisamova Z.I., Bikeev I.I., Sidorenko E.L., Bersei D.D.* Pressing Issues of Unlawful Application of Artificial Intelligence // *International Journal of Criminology and Sociology*. 2020. Vol. 9. P. 1–4.
8. *Бегишев И.Р., Хисамова З.И.* Искусственный интеллект и робототехника: теоретико-правовые проблемы разграничения понятийного аппарата // *Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право*. 2020. Т. 30, № 5. С. 710–718.
9. *Бегишев И.Р., Хисамова З.И.* История становления и теоретико-правовые подходы к толкованию понятия «искусственный интеллект» // *Алтайский юридический журнал*. 2020. № 3 (31). С. 31–38.
10. *Хисамова З.И., Бегишев И.Р.* Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*. 2020. № 2. С. 96–106.
11. *Хисамова З.И., Бегишев И.Р.* Правовое регулирование искусственного интеллекта // *Baikal Research Journal*. 2019. Т. 10, № 2.
12. *Khisamova Z.I., Begishev I.R., Sidorenko E.L.* Artificial Intelligence and Problems of Ensuring Cyber Security // *International Journal of Cyber Criminology*. 2019. Vol. 13, № 2. P. 564–577.
13. *Khisamova Z.I., Begishev I.R., Gaifutdinov R.R.* On Methods to Legal Regulation of Artificial Intelligence in the World // *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 2019. Vol. 9, № 1. P. 5159–5162.
14. *Бегишев И.Р., Хисамова З.И.* Искусственный интеллект и робототехника: глоссарий понятий. М.: Проспект, 2021.

Book Review: Begishev, I.R. & Khisamova, Z.I. (2021) *Iskusstvennyy Intellekt i Ugolovnyy Zakon* [Artificial Intelligence and Criminal Law]. Moscow: Prospekt

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 127–129. DOI: 10.17223/23088451/16/24

Petr M. Morkhat, Arbitration Court of the Moscow Region (Moscow, Russian Federation). E-mail: pmorkhat@mail.ru

Keywords: artificial intelligence, robot, robotics, digital technologies, information technology, legal personality, electronic entity, criminal law, criminal law, criminology, criminological risk.

The article presents a review of the monograph *Artificial Intelligence and Criminal Law*. Its novelty lies in the fact that the research the book presents is based on an interdisciplinary approach, which provides for a sufficiently serious depth of the analysis. The book thor-

oroughly reveals the problems of the correlation between criminal law and delicts committed with the use of artificial intelligence and robots. The authors of the book bring the problems in this field up for discussion in the academic community and propose models for their solution. In the opinion of the author of the book review, the monograph makes a significant contribution to the generalization of the prevailing ideas about artificial intelligence in Russian and foreign legal science. The book is intended for experts in the field of artificial intelligence and robotics, scientists, representatives of the judiciary and law enforcement agencies, students, graduate students and teachers of law schools and universities.

References

1. Gartner. (2018) *Top 10 Strategic Technology Trends for 2018*. [Online] Available from: <https://www.gartner.com/doc/3811368> (Accessed: 20th September 2020).
2. Council of Europe. (2020) *AI and control of Covid-19 coronavirus*. [Online] Available from: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/ai-and-control-of-covid-19-coronavirus> (Accessed: 20th September 2020).
3. Begishev, I.R. & Khisamova, Z.I. (2021) *Iskusstvennyy intellekt i ugovnyy zakon* [Artificial Intelligence and Criminal Law]. Moscow: Izd-vo Prospekt. (in print).
4. Begishev, I.R. & Khisamova, Z.I. (2018) Criminological Risks of Using Artificial Intelligence. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (6). pp. 767–775. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).767-775
5. Khisamova, Z.I. & Begishev, I.R. (2019) Criminal Liability and Artificial Intelligence: Theoretical and Applied Aspects. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 13 (4). pp. 564–574. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).564-574
6. Bikeev, I.I. et al. (2019) Criminological Risks and Legal Aspects of Artificial Intelligence Implementation. *Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence, Information Processing and Cloud Computing (AIIPCC'19)*. New York: Association for Computing Machinery. Art. 20. pp. 1–7.
7. Bokovnya, A.Yu. et al. (2020) Pressing Issues of Unlawful Application of Artificial Intelligence. *International Journal of Criminology and Sociology*. 9. pp. 1–4.
8. Begishev, I.R. & Khisamova, Z.I. (2020) Artificial Intelligence and Robotics: Theoretical and Legal Problems of Differentiation of the Conceptual Apparatus. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo – Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 30 (5). pp. 710–718. (In Russian).
9. Khisamova, Z.I. & Begishev, I.R. (2020) The History of the Formation of Theoretical and Legal Approaches to the Interpretation of the Concept of “Artificial Intelligence”. *Altayskiy yuridicheskiy zhurnal – Altai Law Journal*. 3 (31). pp. 31–38. (In Russian).
10. Khisamova, Z.I. & Begishev, I.R. (2020) The Nature of Artificial Intelligence and the Problem of Legal Personality Determination. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*. 2. pp. 96–106. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-6794-2020-2-96-106
11. Khisamova, Z.I. & Begishev, I.R. (2019) Legal Regulation of Artificial Intelligence. *Baikal Research Journal*. 10 (2). (In Russian).
12. Khisamova, Z.I., Begishev, I.R. & Sidorenko, E.L. (2019) Artificial Intelligence and Problems of Ensuring Cyber Security. *International Journal of Cyber Criminology*. 13 (2). pp. 564–577.
13. Khisamova, Z.I., Begishev, I.R. & Gaifutdinov, R.R. (2019) On Methods to Legal Regulation of Artificial Intelligence in the World. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 9 (1). pp. 5159–5162.
14. Begishev, I.R. & Khisamova, Z.I. (2021) *Iskusstvennyy intellekt i robototekhnika: glossariy ponyatiy* [Artificial Intelligence and Robotics: A Glossary of Concepts]. Moscow: Izd-vo Prospekt. (in print).

О.А. Ястребов

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: БЕГИШЕВ И.Р., ХИСАМОВА З.И.
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН. М.: ПРОСПЕКТ, 2021. 11,5 авт. л.**

Дается краткая рецензия на монографию «Искусственный интеллект и уголовный закон», подготовленную старшим научным сотрудником Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), кандидатом юридических наук, заслуженным юристом Республики Татарстан И.Р. Бегишевым и начальником отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидатом юридических наук З.И. Хисамовой.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, криминология, ответственность, правосубъектность, робот, робототехника, уголовное право, цифровые технологии, электронное лицо, автономность.*

Высокие темпы развития цифровых технологий и активное расширение сфер их применения кардинальным образом изменили устоявшиеся общественные взаимоотношения. В частности, возможности искусственного интеллекта растут беспрецедентными темпами. Технология имеет много полезных применений, начиная от машинного перевода и заканчивая анализом медицинских изображений. Несомненно, такие беспрецедентные возможности не остаются в стороне от внимания мировой общественности. Более 80 стран мира сегодня ведут активные разработки в области прикладного применения технологии искусственного интеллекта. Особая роль в этом процессе принадлежит технологическим корпорациям, чей энтузиазм, помноженный на желание извлечь прибыль благодаря инновациям, приближает нас к моменту, когда технология искусственного интеллекта станет полностью автономной и независимой от человека. Между тем, не заглядывая в будущее, уже сегодня можно говорить о том, что технологические инновации, ставшие основным драйвером глобального экономического развития, являются собой также и источник новых вызовов и рисков. Однако мировое сообщество только начинает осознавать реальные и потенциальные нюансы влияния полностью автоматизированных систем на жизненно важные области социальных отношений, на рост связанных с данной тенденцией этических, социальных и правовых проблем [1].

Вопросы использования новых технологий часто выходят за рамки устоявшихся этических норм и требуют их пересмотра не только с точки зрения изменения общественных ценностей, но и развития законодательства.

В этом аспекте работы, посвященные осмыслению правовых аспектов применения цифровых технологий, представляются как никогда актуальными и значимыми. В свою очередь, рецензируемая монография [2] представляет собой как раз исследование, посвященное изучению корреляционных связей между искусственным интеллектом и отдельной отраслью права – уголовной.

Надо отметить, что если работы, посвященные в целом правовому регулированию искусственного интел-

лекта, уже известны современной науке, то непосредственно посвященных изучению точек соприкосновения искусственного интеллекта и уголовного закона специальных монографических исследований еще не было.

С учетом изложенного имеются основания утверждать, что избранная авторами тема монографии является актуальной и своевременной для исследования. Ее актуальность обуславливается также тем, что вопросы ответственности, в том числе уголовной, будут возникать все чаще в связи с возрастающей автономностью систем с искусственным интеллектом.

Надо сказать, что работа представляет собой логический итог завершения цикла публикаций авторов, посвященных проблемам правового регулирования искусственного интеллекта [3–14].

Интересна как с теоретической, так и практической точек зрения часть исследования, посвященная рассмотрению проблем разграничения понятийного аппарата в области робототехники и искусственного интеллекта. Заслуживает поддержки тезис авторов о том, что, несмотря на имеющиеся пересечения и взаимодействие упомянутых технологий, все же нельзя однозначно утверждать, что робототехника и искусственный интеллект – это одно и то же. К сожалению, терминологическая путаница наблюдается сегодня как в юридической науке, так и в иных сферах. Между тем такое явление, на мой взгляд, обусловлено определенной незрелостью правового оформления рассматриваемых отношений.

Положительной оценки заслуживает часть исследования, посвященная проблемам соотношения уголовно-правовых норм и деликтов, совершаемых с участием робототехники и искусственного интеллекта. Выводы и рекомендации авторов в указанном аспекте, несомненно, обладают определенной практической значимостью и будут положительно восприняты правоприменителем.

В рецензируемой работе последовательно раскрываются основные аспекты темы. Начав от истории становления и развития науки об искусственном интеллекте, авторы знакомят читателя с теоретическими подходами к толкованию понятия «искусственный ин-

теллект», проблемами разграничения понятийного аппарата, задаются осмыслением искусственного интеллекта и робота как правовых категорий, обращаясь при этом не только к отечественным источникам, но и к западной правовой литературе, а также к актам международных организаций, посвященных правовому регулированию искусственного интеллекта и робототехники. Надо сказать, что работа основывается на достаточно прочном теоретическом фундаменте. В монографии приводится подробный анализ как широко известных в науке мнений по исследуемой теме, так и частные теории, что, несомненно, выставляет работу в выгодном свете.

Авторы высказывают также весьма обоснованно свою позицию относительно возможности наделения систем с искусственным интеллектом статусом «электронного лица», широко обсуждаемой как на мировой арене, так и в науке.

Во второй главе монографии рассматриваются основные подходы к правовому регулированию искусственного интеллекта в мире. При этом, учитывая заглавие монографии, основное внимание сосредоточено на криминальных угрозах и инициативах по их минимизации.

Стоит отметить, что методологически верным представляется и рассмотрение вопросов международно-правового регулирования с позиций саморегулирования отрасли, регулирования в рамках отдельно взятых стран и на глобальном уровне.

В этой части работы авторами рассматривается круг проблем, выходящих за пределы заявленной темы, но между тем это нельзя назвать недостатком в чистом виде, а скорее следует признать проявлением научного интереса к междисциплинарным проблемам.

В третьей главе исследования, посвященной уголовно-правовым и криминологическим аспектам применения искусственного интеллекта и робототехники, достаточно много внимания уделяется этическим и криминологическим рискам применения искусственного интеллекта и робототехники. Это вполне оправданно, так как этические риски, возможные при использовании ИИ-технологий, весьма чувствительны. К примеру, использование роботов и систем с искусственным интеллектом в военных целях ставит одновременно несколько этических вопросов: в каких ситуациях прекращать огонь, в какой обстановке стремиться све-

сти к минимуму количество жертв. На все эти вопросы мировое сообщество только начинает искать ответы. В свою очередь, использование искусственного интеллекта, причинившего вред общественным отношениям, также весьма неоднозначное явление. Открытым остается вопрос о том, кто непосредственно будет нести ответственность за реализованное в жизнь неправильное решение, предложенное «искусственным интеллектом» либо решение, принятое автономным искусственным интеллектом во имя «всеобщего блага», но идущее вразрез общечеловеческой морали. Такого рода правовая неопределенность уже сейчас создает в обществе серьезные проблемы, которые будут нарастать в геометрической прогрессии. И в рецензируемой работе есть весьма интересные предложения по их разрешению. Например, авторы моделируют варианты «привлечения искусственного интеллекта к ответственности» при наделении искусственного интеллекта правосубъектностью.

В целом подход, при котором в научном исследовании не только выносятся на обсуждение научной общественности имеющиеся в рамках изучаемой темы проблемы, но и предлагаются модели их разрешения, представляется наиболее перспективным для современной науки и практики.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что работа состоялась и она, бесспорно, своевременна. Системы с искусственным интеллектом становятся всё более автономными в смысле сложности задач, которые они могут выполнять, их потенциального влияния на мир и уменьшающейся способности человека-создателя понимать, предсказывать и контролировать их деятельность. Все это ставит перед нами вопросы: в долгосрочной перспективе – о создании отдельного регулирования робототехники и систем с искусственным интеллектом при достижении технологической сингулярности; а в краткосрочной – создании правовой базы, которая обеспечит предсказуемость технологий и их безопасность для интересов человечества.

Полагаю, рецензируемая научно-исследовательская работа соответствует требованиям, предъявляемым к такому виду работ, выполнена на достаточно высоком научном уровне и будет полезна для широкого круга читателей, интересующихся вопросами правового регулирования искусственного интеллекта и робототехники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 3. 315–328.
2. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и уголовный закон. М. : Проспект, 2021.
3. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и робототехника: глоссарий понятий. М. : Проспект, 2021.
4. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 767–775.
5. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и робототехника: теоретико-правовые проблемы разграничения понятийного аппарата // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30, № 5. С. 710–718.
6. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 564–574.
7. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. История становления и теоретико-правовые подходы к толкованию понятия «искусственный интеллект» // Алтайский юридический журнал. 2020. № 3 (31). С. 31–38.

8. Хисамова З.И., Бегисhev И.Р. Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 96–106.
9. Хисамова З.И., Бегисhev И.Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10, № 2.
10. Khisamova Z.I., Begishev I.R., Sidorenko E.L. Artificial Intelligence and Problems of Ensuring Cyber Security // International Journal of Cyber Criminology. 2019. Vol. 13, No 2. P. 564–577.
11. Khisamova Z.I., Begishev I.R., Gaifutdinov R.R. On Methods to Legal Regulation of Artificial Intelligence in the World // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. Vol. 9, No 1. P. 5159–5162.
12. Bikeev I.I., Kabanov P.A., Begishev I.R., Khisamova Z.I. Criminological Risks and Legal Aspects of Artificial Intelligence Implementation // In Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence, Information Processing and Cloud Computing (AIIPCC '19). New York: Association for Computing Machinery, 2019. Art. 20. P. 1–7.
13. Bokovnya A.Yu., Begishev I.R., Khisamova Z.I., Bikeev I.I., Sidorenko E.L., Bersei D.D. Pressing Issues of Unlawful Application of Artificial Intelligence // International Journal of Criminology and Sociology. 2020. Vol. 9. P. 1–4.

Book Review: Begishev, I.R. & Khisamova, Z.I. (2021) *Iskusstvennyy Intellekt i Ugolovnyy Zakon* [Artificial Intelligence and Criminal Law]. Moscow: Prospekt

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 130–132. DOI: 10.17223/23088451/16/25

Oleg A. Yastrebov, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: rudnoleg@gmail.com

Keywords: artificial intelligence, criminology, responsibility, legal personality, robot, robotics, criminal law, digital technologies, electronic entity, autonomy.

The article provides a brief review of the monograph *Artificial Intelligence and Criminal Law*. The book examines the criminal law and criminology aspects of using artificial intelligence for criminal purposes. Special attention is paid to the regulation of the legal personality of artificial intelligence as a fundamental issue in delineation of responsibility. The book presents the results of a comprehensive theoretical and applied analysis of the main contemporary doctrines on the regulation of artificial intelligence and robotics, as well as of a comparative legal analysis of international legislation aimed at minimizing the criminological risks associated with the use of artificial intelligence.

References

1. Yastrebov, O.A. (2018) Artificial intelligence in the legal space. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki – RUDN Journal of Law*. 22 (3). pp. 315–328. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-3-315-328
2. Begishev, I.R., & Khisamova, Z.I. (2021) *Iskusstvennyy intellekt i ugolovnyy zakon* [Artificial Intelligence and Criminal Law]. Moscow: Izd-vo Prospekt. (in print).
3. Begishev, I.R. & Khisamova, Z.I. (2021) *Iskusstvennyy intellekt i robototekhnika: glossariy ponyatiy* [Artificial Intelligence and Robotics: A Glossary of Concepts]. Moscow: Izd-vo Prospekt. (in print).
4. Begishev, I.R. & Khisamova, Z.I. (2018) Criminological Risks of Using Artificial Intelligence. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (6). pp. 767–775. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).767-775
5. Begishev, I.R. & Khisamova, Z.I. (2020) Artificial Intelligence and Robotics: Theoretical and Legal Problems of Differentiation of the Conceptual Apparatus. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo – Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 30 (5). pp. 710–718. (In Russian).
6. Khisamova, Z.I. & Begishev, I.R. (2019) Criminal Liability and Artificial Intelligence: Theoretical and Applied Aspects. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 13 (4). pp. 564–574. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).564-574
7. Khisamova, Z.I. & Begishev, I.R. (2020) The History of the Formation of Theoretical and Legal Approaches to the Interpretation of the Concept of “Artificial Intelligence”. *Altayskiy yuridicheskiy zhurnal – Altai Law Journal*. 3 (31). pp. 31–38. (In Russian).
8. Khisamova, Z.I. & Begishev, I.R. (2020) The Nature of Artificial Intelligence and the Problem of Legal Personality Determination. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*. 2. pp. 96–106. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-6794-2020-2-96-106
9. Khisamova, Z.I. & Begishev, I.R. (2019) Legal Regulation of Artificial Intelligence. *Baikal Research Journal*. 10 (2). (In Russian).
10. Khisamova, Z.I., Begishev, I.R. & Sidorenko, E.L. (2019) Artificial Intelligence and Problems of Ensuring Cyber Security. *International Journal of Cyber Criminology*. 13 (2). pp. 564–577.
11. Khisamova, Z.I., Begishev, I.R. & Gaifutdinov, R.R. (2019) On Methods to Legal Regulation of Artificial Intelligence in the World. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 9 (1). pp. 5159–5162.
12. Bikeev, I.I. et al. (2019) Criminological Risks and Legal Aspects of Artificial Intelligence Implementation. *Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence, Information Processing and Cloud Computing (AIIPCC'19)*. New York: Association for Computing Machinery. Art. 20. pp. 1–7.
13. Bokovnya, A.Yu. et al. (2020) Pressing Issues of Unlawful Application of Artificial Intelligence. *International Journal of Criminology and Sociology*. 9. pp. 1–4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

БОРАНУКОВ Александр Михайлович – помощник прокурора Кочубеевского района Ставропольского края. E-mail: bora197@yandex.ru

ВАЛЕЕВ Марат Тагирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: crim.just@mail.ru

ВИНОГРАДОВА Варсеник Артуровна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России. E-mail: varsenik.vinogradova.89@mail.ru

ВОРОНИН Олег Викторович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: crim.just@mail.ru

ГАПОНОВА Валентина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России (Иркутск). E-mail: valentina3886@mail.ru

ГЕРЦЕН Полина Олеговна – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: stenwaysfiringlight@gmail.com

ГОЛОВКО Ирина Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru

ГОРДОПолов Андрей Николаевич – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии права и управления ФСИН России (Рязань). E-mail: agordopolov5@gmail.com

ДОРОШЕНКО Олег Вячеславович – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: doroshenko-oleg-94@mail.ru

ЗАБРОДИН Александр Владимирович – оперуполномоченный оперативного отдела ФКУ ИК-35 УФСИН России по Республике Хакасия, лейтенант внутренней службы (Абакан). E-mail: sashaeuro8@mail.ru

ЗНИКИН Валерий Колоссович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: crim.just@mail.ru

КНЯЗЬКОВ Алексей Степанович – доцент, доктор юридических наук, заведующий кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: crim.just@mail.ru

КОРОТАЕВА Юлия Алексеевна – адъюнкт кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России (Иркутск). E-mail: 123j89@mail.ru

ИШИГЕЕВ Владимир Степанович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государства и права Байкальского государственного университета (Иркутск). E-mail: vladimir.ishigeev@mail.ru

ЛАПША Вадим Леонидович – аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государства и права Байкальского государственного университета (Иркутск). E-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru

МАРИНИЧЕВА Анна Юрьевна – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: crim.just@mail.ru

МОРХАТ Петр Мечиславович – доктор юридических наук, судья арбитражного суда Московской области (Москва). E-mail: pmorhat@mail.ru

МУРАВЬЕВ Кирилл Владимирович – доцент, доктор юридических наук, начальник кафедры криминалистики Омской академии МВД России. E-mail: murki@list.ru

НАДОНЕНКО Ольга Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. E-mail: uc.ural@mail.ru

ПАВЛЕНКО Андрей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности УИС ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России. E-mail: a.pav@list.ru

РАЗЗОРЕНОВА Инна Николаевна – преподаватель кафедры финансов и кредита Кузбасского государственного университета им. Т.Ф. Горбачева, директор Центра изучения этноконфессиональных конфликтов и противодействия экстремизму в молодежной среде Кемеровского государственного университета. E-mail: i.razzorenova@yandex.ru

СМИРНОВА Ирина Георгиевна – доцент, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: smirnova-ig@mail.ru

СПИРИДОНОВ Михаил Сергеевич – судья Ставропольского краевого суда (Ставрополь). E-mail: mishok84@mail.ru

УВАРОВ Олег Николаевич – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и права Томского сельскохозяйственного института – филиала Новосибирского государственного аграрного университета. E-mail: crim.just@mail.ru

УСТИНОВ Артем Анатольевич – председатель Советского районного суда г. Брянска. E-mail: artem.ustinov@mail.ru

ФИЛИМОНОВ Вадим Донатович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: crim.just@mail.ru

ХАНИНЕВА Ольга Владимировна – ст. преподаватель кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России. E-mail: hanineva83@mail.ru

ЧЕРЁМИН Никита Викторович – преподаватель кафедры боевой, тактико-специальной и физической подготовки Кузбасского института ФСИН России, капитан внутренней службы (Новокузнецк). E-mail: ncheremin@gmail.com

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович – профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой административного и финансового права Российского университета дружбы народов (Москва). E-mail: rudnoleg@gmail.com